

Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Фольклорно-диалектологический альманах

СЛОВО

Материалы научных экспедиций

Выпуск 6,
специальный

РУССКОЕ СЛОВО В ВОСТОЧНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Благовещенск
2008

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – 200 с.

Настоящий выпуск альманаха «Слово» посвящен русскому языку в восточном зарубежье. Здесь представлены результаты научного исследования языка русского восточного зарубежья, а также материалы, представляющие интерес не только для лингвистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами русской эмиграции.

Рецензенты: Н.П. Шенкевец, профессор Благовещенского филиала Московской академии предпринимательства, канд. филол. наук;
И.Б. Кейдун, зав. кафедрой китаеведения АмГУ, канд. ист. наук

Ответственный за выпуск: Н.А. Сосина

ОТ АВТОРОВ

Настоящий выпуск альманаха «Слово» – особенный; он посвящен русскому языку в восточном зарубежье. 2008 год – юбилейный в истории русского восточного зарубежья. В этом году исполнилось 110 лет с начала строительства Китайско-Восточной железной дороги, которое было предпринято по взаимному соглашению между Россией и Китаем и было выгодно обеим странам. В том же году – 1898 – был заложен и Харбин, ставший впоследствии центром не только КВЖД, но и русской восточной эмиграции. Это город с особой судьбой, сконцентрировавший и сохранивший лучшие черты русской культуры, науки, образования, инженерной мысли, предпринимательства, русского устройства жизни и быта.

Название нашего альманаха при предлагаемом тематическом наполнении становится символическим вдвойне. Во-первых, оно выражает значимость слова как явления и события жизни человека вообще, подчеркивает его способность выражать мысль и чувство, что необходимо в человеческом общении. Во-вторых, оно неоднократно использовалось в названиях эмигрантских периодических изданий как западного, так и восточного русского зарубежья, представляя чаяния и воззрения той части русского населения, которая оказалась в эмиграции: см. «Слово» (Париж, 1922-1923 гг.), «Слово» (Рига, 1926-1929 гг.), «Слово» (Сан-Паулу, 1938-1940 гг.), «Слово» (Шанхай, 1929-1934 гг.), «Русское слово» (Харбин, 1944-1946 гг.), «Свободное слово» (Нью-Йорк, 1959 г.), «Свободное слово» (Варшава, 1919 г.), «Свободное слово» (Ковно, 1920-1922 гг.), «Свободное слово» (Кульджа, 1918 г.), «Свободное слово» (Ревель, 1921 г.), «Свободное слово» (Нью-Йорк, 1959-1993 гг.), «Вольное слово» (Франкфурт, 1972-1981 гг.) и др.

Изучение удивительно сохранившегося русского языка в восточном зарубежье является одним из направлений лингвистических исследований, проводимых в Амурском госуниверситете. Оно началось, когда первым рождественским утром нового тысячелетия, 7 января 2000 г., наша небольшая научная экспедиция в составе Е.А. Оглезневой, Г.М. Старыгиной и А.В. Ярошенко, который был нашим проводником к последним могиканам старого русского города в Китае, переступила порог Ефросиньи Андреевны Никифоровой, всего через шесть лет ставшей последней русской жительницей Харбина. А тогда, в 2000 г., последних русских харбинцев было еще около десятка.

С того времени мы не раз в разном составе побывали в Харбине, встречались с представителями становящейся все более немногочисленной русской диаспоры, расспрашивали их о том, как жили они вдали от родины, записывали их рассказы, сопереживали и старались помочь, поражаясь достоинству, с которым они принимали эту жизнь, и восхищаясь великолепным русским языком, на котором они говорили.

С тех пор на харбинском материале написано и опубликовано немало научных статей, в том числе в ведущих рецензируемых изданиях, составлены два сборника научных трудов, защищены дипломные работы, проведен региональный семинар для учителей школ, в АмГУ

и областном краеведческом музее экспонировалась фотовыставка «Последние русские Харбина». Создан уникальный фоноархив, включающий записи речи русских харбинцев, а также потомков от смешанных браков русских и китайцев, сделанные в период с 2000 по 2008 гг. во время поездок в Харбин.

Этот специальный выпуск альманаха «Слово» – харбинский – закономерен. Многочисленные и разнообразные материалы, собранные о языке и культуре русского Харбина, позволили в целом соответствовать сложившейся структуре нашего альманаха.

Раздел «*Современные исследования языка русского восточного зарубежья*» составляют статьи о языке русского восточного зарубежья: о высоком уровне его сохранности и обусловивших это факторах (статья Е. Оглезневой), о русском языке реэмигрантов из Китая в Австралию (статья А. Анцыповой), о русской топонимической системе Харбина в начале и середине XX в. (статьи Л. Шипановской, О. Краснощека, Р. Тулакпаева, М. Шипановской). Завершает раздел библиографический список научных работ о языке русского восточного зарубежья.

В разделе «*Речевые портреты*» представлен опыт создания речевого портрета одного из последних русских харбинцев, очень уважаемого в русской харбинской диаспоре человека, по сути ее патриарха, – Михаила Михайловича Мятова.

Раздел «*Речевые жанры*» содержит записи двух речевых жанров: публичного выступления русского харбинца, ныне гражданина Австралии, но большую часть времени проводящего в Харбине и занимающегося сохранением его русской памяти Николая Николаевича Заика перед студентами Амурского государственного университета в сентябре 2006 г., и бесед на лингвистические темы с В.А. Зинченко, одним из последних представителей русской диаспоры в Харбине, которые будут особенно интересны тем, кто занимается проблемами социолингвистики и в частности языковых контактов.

В раздел «*Харбинские мемуары*» включены неопубликованные воспоминания о Маньчжурии бывшей харбинки Т.И. Золотаревой и воспоминания о детстве сестер-китайнок Зинаиды и Татьяны Сун, проведенном в еще многонациональном Харбине 40-50-х гг. XX в., а также тематическая подборка высказываний из разных источников о русском языке в Харбине.

Новизной содержания отличается раздел «*Словарь*», представляющий собой опыт создания словаря лексики, использовавшейся только в русском Харбине и составляющей специфику русской речи в восточном зарубежье. Лексика, которая включена и которую предполагается включить в словарь, обладает не только собственно языковой, но и историко-культурной значимостью.

Цикл напечатанных в разных изданиях очерков А. Ярошенко о последних русских стариках Харбина помещен в разделе «*Публицистика*». Объединенные общей идеей, они составляют цельное журналистское произведение, выходящее за рамки отдельных публикаций, и поэтому мы посчитали целесообразным собрать и опубликовать их в одном издании.

В разделе «*Школа*» – не традиционно предлагаемые методические рекомендации по той или иной теме, хотя они тоже имели бы право иметь место на харбинском материале в качестве преподавания, например, регионального компонента. Нами подобраны для раздела редкие публикации об одном из высших учебных заведений Харбина – Педагогическом ин-

ституте, которые не только знакомят с системой русского образования в Харбине, но и помогают в деталях воссоздать картину жизни русских людей в восточном зарубежье.

Заключает сборник раздел «*Благовещенск – Харбин – Благовещенск*», представляющий большой региональный интерес, поскольку его материалы – об этих городах, связанных человеческими судьбами.

Многие материалы альманаха сопровождаются расшифрованными записями устной речи русских харбинцев. Расшифрованные тексты не подвергались литературной правке и сохраняют все особенности спонтанной устной речи: паузы раздумий и подбора слов, переходы от одной мысли к другой и самоперебивы, повторы и грамматические неточности, обилие препозитивных и постпозитивных частиц, вводных слов и выражений и др. Тексты даны в орфографической записи с использованием знаков, принятых в работах Московской школы функциональной социолингвистики при расшифровке разговорной речи (см. работы Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Е.Н. Ширяева (1973, 1981, 1983, 1995, 1999 и др.).

Оригинальные записи речи русских харбинцев хранятся в фоноархиве лаборатории региональной лингвистики (харбинский фонд АмГУ) в виде полевых дневников, а также их аудио- и цифровых аналогов.

Условное сокращение **ФА** в материалах альманаха означает источник – указанный фоноархив. Далее следует год записи, номер полевого дневника и страница. Например, сокращенное обозначение **[ФА, 2000, 7/15]** означает: хранение – фоноархив, год записи – 2000, полевой дневник – 7, страница – 15.

Настоящее издание можно заказать и приобрести в лаборатории региональной лингвистики кафедры русского языка Амурского государственного университета по адресу: 675027, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, корпус 7, каб. 407.

Телефон: (4162)394583, (4162)394588.

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Будем признательны за отзывы, критику и конструктивные предложения.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА РУССКОГО ВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В последние десятилетия язык русского зарубежья был в фокусе исследовательского внимания. После падения «железного занавеса» контакты с бывшими соотечественниками и их потомками стали возможны, и для исследователей открылся целый пласт русской истории и культуры, существовавшей в зарубежье вследствие различных эмигрантских волн из России на протяжении XX в. Исследования языка русского зарубежья до недавнего времени осуществлялись лишь на материале эмиграции на запад – в страны Европы и Америки. Этому явлению посвящены научные работы отечественных исследователей Ю.Н. Караулова, Л.М. Грановской, Е.А. Земской, Н.И. Голубевой-Монаткиной, М.Я. Гловинской, Е.В. Красильниковой, С.Е. Никитиной, Т.М. Григорьевой, А.В. Зеленина, Е.Ю. Протасовой, М.А. Осиповой и некот. др. Язык русского восточного зарубежья изучен в меньшей степени. Известен лингвистический труд бывшей харбинки, ныне живущей в Австралии, Н.В. Райан «Россия – Харбин – Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России», опубликованный в Москве издательством «Русский путь» в 2005 г., в том же году защищена диссертация А.Н. Анцыповой «Язык русского зарубежья Австралии. Лексико-грамматический аспект (на материале письменных текстов)». Результаты исследований языка русского восточного зарубежья исследователями Амурского госуниверситета также опубликованы в различных научных изданиях, начиная с 2000 г.

В настоящем выпуске альманаха предлагаем вниманию читателей ряд новых работ о языке русского восточного зарубежья, а также библиографический список по этой теме, включающий все оказавшиеся доступными источники.

Е.А. Оглезнева

РУССКИЙ ЯЗЫК В ВОСТОЧНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ: О ПРИЧИНАХ ВЫСОКОГО УРОВНЯ СОХРАННОСТИ

1

XX в. характеризуется мощным эмиграционным процессом из России, который осуществлялся на запад и на восток. После Октября 1917 г. русская эмиграция была рассеяна на Западе по странам Европы, а затем – Америки, восточный же ее вектор был направлен в страны Тихоокеанского региона, прежде всего в Китай, где главным эмигрантским центром стал Харбин.

Эмиграция на Восток была довольно многочисленной: так, в 20-е гг. численность русских в Китае достигала, по некоторым данным, 400 тыс. человек [1, с. 264]. Восточная эмиграция русских находится в общем историко-культурном контексте российской эмиграции, однако обладает рядом специфических черт, определяющих ее своеобразие и феноменальность.

Восточная эмиграция, как и западная, имела волнообразный характер, но ее волны не были абсолютно тождественны с волнами западной эмиграции.

Русские в Северо-Восточном Китае – Харбине и его окрестностях – появились двумя десятилетиями раньше 1917 г. Возникновение русской колонии в Китае в начале XX в. было связано с началом строительства Китайско-Восточной железной дороги согласно заключенному 22 мая 1896 г. секретному договору между Россией и Китаем о союзе и постройке КВЖД [2, с. 51]. Срок договора был определен в 80 лет. В течение этого времени руководство дорогой должно было осуществляться Правлением Общества КВЖД, а сама дорога – находиться в общем пользовании обоих государств [1, с. 54; 2, с. 49-51]. Строительство железной дороги через Маньчжурию было выгодно как России, так и Китаю. Для русского правительства это было политическим и экономическим шагом, поскольку дорога являлась, с одной стороны, наикратчайшим и следовательно наиболее дешевым путем к Владивостоку, а с другой, – укрепляло позиции России в Азии. Китай же обеспечивал себе возможность быстрого промышленного развития экономически отсталого региона и переселенческого движения внутри страны на малозаселенный Северо-Восток [3, с. 234].

Первые партии русских инженеров отправились на Дальний Восток для строительства железной дороги в апреле 1897 г. Через год русские люди начали строить город Харбин, который стал центром КВЖД [1, с. 54], а по линии КВЖД возникали поселки с русским населением, обслуживающим дорогу. Таким образом, к началу русской эмиграции на Восток Харбин и станции вдоль КВЖД уже представляли собой обустроенную по русскому типу территорию.

Справедливо характеризует роль КВЖД для восточной эмиграции Н.Е. Аблова: «КВЖД... оказала решающее воздействие на историю российской послеоктябрьской эмиграции в Китае. Такое влияние оказалось возможным потому, что строительство и функционирование дороги привело к появлению в Маньчжурии своеобразного «государства в государстве» – так называемой полосы отчуждения КВЖД. Это был феномен – оазис российской жизни на китайской земле. Именно существование многотысячной российской колонии, живущей во всех отношениях по-русски, привлекало сюда с конца 1917 г. беженцев из России. Дорога давала эмигрантам все: кров, возможность жить, работать, растить детей в привычных для них условиях и русских традициях. Поэтому судьба русских в Маньчжурии напрямую зависела от международно-правового статуса КВЖД и его изменения» [2, с. 393].

Таким образом, **первая крупная переселенческая волна на Восток** – это отъезд русских в Китай на строительство КВЖД и образование в связи с этим русской колонии. Социальный состав русской колонии был неоднороден: инженеры-строители и члены их семей, российские подданные, принятые на обслуживание дороги, а также казаки и отставные нижние чины. Кроме того, «в полосе отчуждения появлялись и свободные переселенцы из России. К ним относились представители торгово-промышленного класса, мелкие ремесленники, домашняя прислуга и пр.» [4, с. 563], а также другое гражданское население, занятое образованием, здравоохранением и т.п. [2, с. 122]. До революции 1917 г. русские в Китае жили по законам царской России. С позиций того времени это и не эмиграция вовсе: уехавшие строить железную дорогу граждане России не принимали китайского гражданства, и лишь последующее развитие событий в России – Октябрь 1917 г. – привело к тому, что они стали вынужденными эмигрантами.

Вторая волна восточной эмиграции связана непосредственно с изменением политической власти в России, и ее, как и первую волну эмиграции на запад, можно назвать послереволюционной. Эмиграцию 1917-1922 гг. исследователи определяют как добровольно-вынужденную: «...не было каких-либо юридических актов – указов, декретов, постановлений, – вынуждавших тех или иных людей покидать Россию. Они выезжали добровольно, но эта добровольность была вынужденная. Их побуждало к эмиграции неприятие происшедших перемен, опасность репрессий за участие в «белом» движении, за его поддержку» [5, с. 240].

Послереволюционная волна эмиграции на восток имела отличия от западной, в частности, по составу эмигрантов. Среди беженцев на восток были не только и не столько представители привилегированных слоев российского общества, интеллигенты, но также в большом количестве – солдаты белой армии, рабочие, крестьяне и казаки (68,7%). «Многие мобилизованные на военную службу, а также добровольцы отправились в эмиграцию семьями. Таких было 32%. Дворянство, высшее офицерство, крупные коммерсанты, чиновники и члены их семей составляли 5,95% всей эмиграции. Мещанство представляло 9,5% эмигрантов. Около 10,9% приходилось на чиновников и представителей интеллигенции. Среди харбинских эмигрантов были политические деятели, ученые, писатели, журналисты и др.», – указывала С.И. Лазарева [5, с. 240] со ссылкой на цифры, представленные Н.П. Дубининой и Ю.Н. Ципкиным [6, с. 72-73]. Известные аристократические персоны среди эмигрантов на восток были представлены единично. Есть предположение, что они перебрались в другие страны, и поэтому в общественно-политической и культурной жизни русской колонии их имена не встречаются [2, с. 124].

Принципиальные различия двух указанных волн эмиграции состояли еще и в том, что на Западе эмигранты оказывались на чужбине в полном смысле этого слова, а на Востоке попадали на чужую, но обустроенную соотечественниками территорию как в российскую провинцию, которой не коснулись бури революции, и находили там русский город с привычным патриархальным укладом. Это обуславливало иное положение и мироощущение восточной эмиграции.

Вновь прибывшие в начале 20-х гг. соотечественники нарушили размеренную жизнь заграничной русской провинции личной и социальной неустроенностью. Первоначально непростыми были отношения между представителями первой и второй волн, поскольку возникла напряженность при трудоустройстве, т.к. «многие работодатели, особенно в сфере обслуживания, отдавали предпочтение при приеме на работу именно беженцам, рассчитывая на их непритязательность, уверенные в том, что беженцы будут довольствоваться условиями, которые им предложат» [7, с.164-165].

В 1920 г. существенно ухудшилось политико-правовое положение русских в Китае: декретом президента Китайской республики от 23 сентября отменялась экстерриториальность царской России, после чего оказались фактически **уравненными в своем положении** уехавшие из России строить КВЖД и бежавшие от революции. «Появилась проблема бесподданства поселенцев. Теперь они являлись апатридами, т.е. лицами без гражданства. Царской России не стало на политической карте мира, к большевистской России поселенцы не принадлежали, китайского гражданства не имели. Их правоспособность как апатридов была ограничена, и они не подлежали дипломатической защите как иностранцы других государств» [7, с.166].

Третья волна. Исследователи восточного зарубежья особо отмечают еще один период, связанный с эмиграцией русского населения на Восток, а именно – в Маньчжурию. Это середина 20-х–30-е гг., когда переходили на китайскую территорию из приграничных районов отдельные советские граждане и их семьи, «недовольные сутью и методами проводимых в стране социально-экономических и политических преобразований, осуществляемых в большинстве случаев насильственно» [8, 2001, с. 162; 4, с. 563].

В Маньчжурию в 20-30-е гг. XX в. эмигрировала и значительная группа старообрядцев из Приамурья и Приморья, часть которых впоследствии поселилась в Харбине, а другая часть образовала недалеко от него несколько старообрядческих сел [4, с. 566; 9, с. 303]. Старообрядческие хозяйства на Дальнем Востоке отличались добротностью, зажиточностью, но, как пишет Ю.В. Аргудяева, «действия советской власти в 20-30-е гг. практически свели к нулю все усилия крестьянина-старовера по созданию крепкого хозяйства... раскулачивание и коллективизация послужили причинами возникновения взрывоопасной ситуации, вылившейся в 1932 г. в так называемое Кхунинское восстание старообрядцев на северном побережье Приморского края. Эти причины и обусловили исход части староверов в Маньчжурию, куда они перебирались тайно, теряя в пути часть членов семейных коллективов» [4, с. 566-567]. Об этом же см. у В.Кобко: «Исход самой крепковерующей и зажиточной части староверов с приморской земли в нач. 30-х гг. XX в. был вызван насильственной коллективизацией и репрессиями. Сотни семей вынуждены были уйти из Приморья «под крыло змея», так называли староверы соседний Китай» [9, с. 303].

Для полной характеристики русского населения в Китае необходимо особо отметить район так называемого Трехречья – долины рек Ган, Дербул и Хаул, куда с начала 20-х гг. отмечается большой приток русских и где к середине 20-х гг. было уже 19 [10, с. 187], а по другим данным – 25 русских поселений [11, с. 134]. Беженцами в Трехречье в основном были забайкальские казаки, покинувшие родные станицы. «Благодаря казачьему укладу жизни, основанному на принципах демократии, общинного землепользования, взаимовыручки, не обремененный тяжестью налогов, край богател и обеспечил людям высокий достаток, где понятие «бедность» стало весьма относительным: бедным считался тот, у кого во дворе было менее 30 голов скота и он освобождался от поселковых налогов» [10, с. 187].

Вот как описывалось Трехречье в одном из периодических изданий – журнале «Рубеж» – в 1941 г.:

«На западе Маньчжурии, к северу от линии ж. д., между реками Ган, Дербун и красавицей Аргунью, плавно несущей свои прозрачные волны в зарослях тополя и ивняка, разматался привольный край, называемый русскими Трехречьем...

Это всхолмленная степь, кое-где прорезанная лесными массивами, сбегаящими с предгорьев Хингана, географически тяготеющая к Барге, была еще три-четыре десятка лет тому назад настоящей пустыней, почти не имевшей постоянного оседлого населения.

Жители соседнего Забайкалья, однако, хорошо знали этот привольный девственный край. В ту пору, когда государственные границы еще почти совсем не охранялись в этом глухом углу, они нередко посещали его как охотники, а летом выгоняли сюда на пастбища свой скот, уплачивая за это небольшие деньги охранявшим его монголам.

Нужно сказать, что жители русского берега Аргуни всегда тяготели к «китайской стороне» и, когда грянула революция и после отчаянной борьбы всеудушающий большевистский строй утвердился в Забайкалье, Трехречье увидело у себя русских беженцев.

Это были бежавшие от преследований новой власти забайкальские казаки, перешедшие границу со своим скотом и осевшие на привольных трехреченских землях. Так создался в Маньчжурии, за рубежом, этот живой осколок кондовой, казачьей Руси, чудесно сохранившей свой красочный быт и славные традиции казачества» [12].

Кроме того, русские беженцы оседали в приграничных населенных пунктах, но по другую сторону – в чужой стране. Свидетельства об этом имеются в художественных произведениях писателей русского восточного зарубежья. См., напр., повесть харбинского литератора Арсения Несмелова «Драгоценные камни» [13], а также публикации в современной периодике последних лет о потомках русских в бывших русских деревнях на китайской стороне [14; 15; 16].

Беженство русского крестьянства из приграничных территорий в Маньчжурию с середины 20-х и в 30-е гг. XX в. мы рассматриваем как третью и последнюю волну восточной эмиграции.

Других массовых движений россиян на восток, которые можно было бы определить как волны эмиграции, не наблюдалось. По мнению исследователей, «основная масса российских переселенцев появилась в Китае в начале 20-х гг. В дальнейшем ее пополнение за счет новоприбывших шло уже не так интенсивно, а к 1945 г. упало до минимума и прекратилось совсем» [8, с. 162]¹.

Численность русской² колонии на протяжении всего ее существования в Китае менялась. Сведения о количественном составе русских в Китае в XX в. весьма противоречивы, тем не менее они отражают общую тенденцию развития восточной эмиграции и ее масштабы.

Охарактеризуем волны восточной эмиграции в их проекции на количественный состав русской колонии в Китае.

Дореволюционная – первая волна восточной эмиграции – вылилась в более чем пятидесяти тысячное на момент 1917 г. русскоязычное население на территории Китая [2, с. 125; 8, с. 162; 11, с. 130].

Резкое увеличение русского населения произошло вместе со второй волной эмиграции на восток: 200-250 тыс. человек, а по некоторым источникам – до 400-500 тыс. человек в период с 1918 по 1923 гг. [2, с. 127; 8, с. 162; 4, с. 564; 11, с. 130].

Третья волна – середина 20-х – 30-е гг. – прибавила количество русскоязычных в Китае, преимущественно крестьян из приграничных российских территорий, но в общем мас-

¹ В настоящее время эмиграция в Китай, Корею, Японию массового характера не носит, она касается немногочисленных случаев, связанных, как правило, с созданием брачных союзов. Прежде же (до XX в.) были русские, которые оказались в Китае по религиозным мотивам (см. историю Российской духовной миссии) [17, с.249-280].

² Нужно отметить, что понимается под определением «русский» в условиях эмиграции. Это и собственно русские – потомки древнерусской народности, а также коренные народы, являвшиеся, наряду с этническими русскими, народами общей для них страны, а также народы, оказавшиеся в силу разных причин на территории Российской империи и интегрировавшиеся в ее население (поляки, французы, немцы и т.п.) [8, с.163]. Непременным условием является то, что эти группы населения являются русскоязычными.

штабе ненамного, в то же время много русских убыло из Китая в другие страны или на родину. Так, в 1930 г. русская колония насчитывала 125-130 тыс. человек, включая, кроме эмигрантов, 50 тыс. советских граждан [2, с. 127; 8, с. 162; 11, с. 130].

В дальнейшем – после 30-х гг. – русскоязычное население Китая последовательно уменьшалось, и к 1945 г. в Маньчжурии осталось 71843 русских [4, с. 564].

Подведем некоторые итоги в таблице, которая покажет динамику русской эмиграции на восток и ее масштабы в Китае в целом, в крупных центрах русской эмиграции – Харбине и Шанхае, – а также в месте компактного размещения русскоязычного населения – в Трехречье. Ввиду противоречивости сведений, в таблице даны ссылки на источники информации.

Таблица 1

Численность русской колонии в Китае в первой половине XX в.

Период	Численный состав в Китае	Численный состав в Харбине	Численный состав в Трехречье	Численный состав в Шанхае и др.
К 1917 г.	Более 50 тыс. чел. [2, с.125; 8, с.162; 11, с.130].	Более 40 тыс.чел. [2, с.66]		Неск. сотен чел. [18, с.100]; 1900 г. – 47 чел., 1915 г. – 361 чел. [2, с. 183]
1918-1923 гг.	200-250 тыс. чел. [2, с. 127; 8, с.162; 4, с.564; 11, с.130]; 400-500 тыс. чел. [1, с.264].	Около 166 тыс. чел. [19, с. 94]	20-е гг. - до 5 тыс. чел. [18, с.30]	1919 – около 166 чел.; 1925 – 10 тыс. чел. [18, с.100]; 1917-1918 гг. – более 1 тыс. чел., 1923 г. – 6 тыс. чел. [2, с. 183]
1930 г.	125-130 тыс. чел. [2, с. 127; 8, с.162; 11, с.130]	В 1931-32 гг. ок. 64 тыс. чел. [8, с.162]	1939 г. – 6800 чел. [18, с.30]	1930 г. – 13 500 чел. [2, с. 184]; 1935 г. – 16 тыс. чел. [2, с. 137]; 1937 г. – до 25-27 тыс. [2, с. 184]
1945 г.	Около 72 тыс. чел. [4, с.564]; около 81 тыс. чел. [18, с.223]; 1947 г. – 35 тыс. чел. [18, с.224]	Десятки тысяч русских людей [2, с. 385]; авг. 1945 г. – 48 тыс. чел. [18, с.223]	11 тыс. чел. [20]	1948 г. - 8 тыс. [2, с. 384]; 1954 – 200 чел. [2, с. 384]

Восточной русской эмиграции исторически были предопределены два пути: репатриация и реэмиграция. Осуществлялось движение русских эмигрантских потоков и внутри Китая до окончательного исхода из страны. Так, тысячи людей из России двинулись из Харбина в Шанхай летом 1925 г. после перехода КВЖД в советско-китайское управление, затем в 1929 г. – после советско-китайского конфликта на КВЖД, в 1937 г. – в результате притеснений японцев, оккупировавших Харбин и Маньчжурию [2, с. 184].

Первая массовая репатриация советских граждан произошла в 1935-37 гг. в связи с продажей КВЖД, когда остро встала проблема трудоустройства [11, с. 281], вторая – в 1946 г., после разрешения получить советские паспорта [18, с. 228]. На Родине репатриантов в большинстве случаев ждали репрессии [11, с. 283; 18, с.231-232].

Реэмиграция осуществлялась в Австралию, Южную и Северную Америку, в другие страны и части света.

Было немало таких, которые никуда не хотели уезжать (в Харбине это – бездетные одинокие люди, в Трехречье – зажиточные крестьяне, староверы), но их почти всех вытеснили китайские власти с территории страны в 50-х – начале 60-х гг. [2, с. 386].

Таким образом, в начале и середине XX в. в Китае существовала обширная русская колония, говорящая на русском языке во всем многообразии его форм, т. к. русскую колонию составляли представители различных социальных групп и сословий, речь которых обладала социально обусловленной спецификой. Образованные люди, каковых было немало, владели литературной формой речи, представители крестьянства – диалектной; безусловно, были представлены и просторечие как форма языка, а также различные виды жаргонов. Это речевое многоголосье создавало естественную языковую среду и обуславливало естественное существование языка, пусть и на территории другого государства, в отрыве от метрополии. Наличие естественной языковой среды явилось, по нашему мнению, главным охранительным фактором для русского языка в восточном зарубежье.

2

Об особом русском языке харбинцев сохранилось немало упоминаний в различных источниках. «Историческая и социально-психологическая характеристика харбинского общества восполняется выявлением некоторых своеобразных черт языка харбинцев, стиля и культуры речевого поведения горожан», – писал бывший харбинец В.В. Левитский [21, с. 42].

Е.Н. Рачинская, оказавшаяся в Харбине в 1918 г. вместе со своими родителями, вспоминала: «...Харбин говорил по-русски; говорила линия КВЖД; в школах, гимназиях, университетах – преподавание шло на русском языке. Газеты, журналы, книги издавались по-русски. Русскими были названия улиц; над магазинами красовались русские вывески. Даже китайцы, с которыми нам приходилось иметь дело, заговорили по-русски, избавив нас от необходимости учить китайский язык. Вот почему «маньчжуры» так выгодно отличаются от эмигрантов, попавших в другие страны» [Цит. по: 22, с. 47].

Как мы указывали, именно наличие родной языковой среды, живой речевой стихии было главным «охранительным» фактором для русского языка в восточном зарубежье.

Приведем несколько подтверждений того, что Харбин **особенно** говорил по-русски.

«По речи, по особенностям произношения, мы отличаем москвича от ленинградца, владимирца – от сибиряка», – писала в 1946 г. газета «Русское слово» [23].

Из воспоминаний бывшей харбинки Л. Дземешкевич о вхождении Советской армии в Харбин после освобождения Маньчжурии от японцев: «1945 г. По главной улице Китайской шла Красная Армия через коридор русских по ковру живых цветов. Начался в Харбине веселый праздник: на каждом шагу – русские лица, русская речь, а они удивлялись: «Вы говорите на ленинградском языке!». Не понимали, что это – петербургский язык, язык русских интеллигентов, который мы сохранили нетронутым» [24, с. 101].

О том же писала родившаяся в Маньчжурии Н.В. Райан, одна из первых исследовательниц русского языка восточного зарубежья: «В 1945 г., когда войска Красной Армии вошли в Маньчжурию и солдаты, к своему большому удивлению, встретились с местным русским населением, вот какой была их реакция: «У-у... как вы тут все говорите! У нас так только в Ленинграде говорят!» [25, с. 86]. Н.В. Райан связывала это с высоким уровнем культуры и образования харбинцев, особенно – беженцев от революции: «...это люди, которые сохранили не только культурное русское наследство, но и дореволюционную бытовую культуру, они также сохранили дореволюционный русский язык во всей его чистоте и прелесть и сумели передать его своим детям и даже внукам. Они знали литературный русский язык, и у многих из них было петербургское произношение. Большинство были представителями элитарного и литературного типа речевой культуры» [25, с. 86].

То, что к середине XX в. русский язык в восточном зарубежье и метрополии различался, было очевидным для рядовых носителей языка. «Язык многих специалистов, приезжающих в последнее время в Китай, приводил меня в недоумение, – писала в своих воспоминаниях бывшая харбинка В. Ефанова о речи русских из Советского Союза. – Как-то странно и похоже один на другого говорили они: стереотипные газетные фразы, одни и те же эпитеты к одним и тем же существительным, много иностранных слов, нередко заменяющих выразительные русские слова и, вместе с тем, безграмотные обороты, неправильные ударения, непривычный смысл, приданный некоторым словам» [26, с. 33]. В воспоминаниях отмечаются новые для харбинцев слова – слова из советской действительности: «Слово «самодетельность» пришло к нам в сорок пятом году, когда майор Чепель собрал харбинские таланты в Желсобе и, наслаждаясь их мастерством, назвал самодетельностью». Тогда же в Харбине слышали советские по происхождению слова «спецторг», «ОПС» и др. [24, с. 126].

Репатрианты из Харбина при возвращении на Родину были неприятно удивлены услышанной русской речью: «...но самыми непривычными были те слова, которые нас окружали на том самом языке, к которому мы так рвались», – читаем мы в мемуарной литературе. Возвращавшиеся из Харбина на родину «не всегда понимали витиеватый жаргон», и «слова из женских уст по всем линиям железных дорог, которые по ту сторону дороги и мужчины не произносили» [24, с.164]. См. также воспоминание Г.В. Хотковского, сына белого офицера, потомственного дворянина, попавшего в Харбин двухлетним мальчиком, о русской советской речи: «Первое, что меня поразило, это речь советских людей. Мы в Харбине, а потом и в Шанхае, говорили исключительно на тургеневском языке» [27, с. 5].

Таким образом, в языковом сознании русских харбинцев оказалась противопоставленными русская речь советских граждан и эмигрантского Харбина.

Весьма частым в источниках является упоминание о том, что в Харбине был распространен так называемый «петербургский выговор». Бывших харбинцев на родине часто отождествляли с ленинградцами, о чем писала, например, М.П. Таут, видя причину этого в следующем: «Стало быть, в семье и в кругу близких людей, а возможно и в школе преобладал петербургский выговор, только мы об этом не задумывались».

Размышляя о причинах владения хорошим литературным языком основной массой русского населения в Харбине, М.П. Таут подчеркивала значение семейного воспитания и образования: «Просто в нашей семье и в ближайшем окружении говорили на грамотном

русском языке, которому учили в гимназиях и других учебных заведениях старой России. На этих же нормах были воспитаны педагоги харбинских школ и тем более институтов и техникумов. Поэтому дети из семей **разного** культурного уровня при обучении усваивали определенные **эталоны правильной русской речи**. И читали мы много и обязательно русскую классику» [28, с. 35].

Важно также то, что в Харбине было много примеров владения образцовой литературной речью: «В разработке проектов и строительстве города и железной дороги участвовали петербургские инженеры, хорошее образование имели харбинские врачи и представители других интеллектуальных профессий. Немало было таких, кто окончил известные университеты и другие высшие учебные заведения России. Не помню, какое произношение было у Игоря Александровича Мирандова³, известного в городе словесника, но культура речи была у него образцовой. Было, кому закладывать основы и на кого ориентироваться. Это не означает, что не было среди русского населения в Харбине малограмотных, что не употреблялись жаргонные словечки, но существовали надежные эталоны, с которыми можно было соотносить свою языковую культуру, и было к этому стремление» [28, с. 37].

Н.В. Райан указывала на то, что сохранение русского языка в дореволюционном состоянии на протяжении длительного времени было связано с его изолированным положением по отношению к языку Советской России и к китайскому языку. Изоляцию от китайского языка Н.В. Райан объясняет тем, что в начале XX в. Маньчжурия была совершенно неразвитым краем, а китайские традиции настолько сильно отличались от европейских, что не могли оказать никакого влияния на уклад жизни, язык и культуру русского населения в Маньчжурии» [25, с. 86], а изоляцию от языка Советской России – неприятием большинством иммигрантов всего советского, а также запретом всяческих связей с Советской Россией во время японской оккупации с 1932 по 1945 гг. [25, с. 86].

Полагаем, что можно говорить лишь об относительной изоляции русского языка от китайского и от языка Советской России. Взаимодействие все же было: с китайским языком – на протяжении всего присутствия русской диаспоры в Китае, с русским языком Советской России – до японской оккупации на протяжении более десяти лет, и это взаимодействие отразилось в первую очередь в лексических заимствованиях из китайского языка и из языка метрополии, приобретшего налет «советскости». Другое дело, что дореволюционный русский язык, на котором говорили в восточном зарубежье, проявил высокую степень устойчивости⁴ к факторам, естественно ведущим к разрушению исходной языковой системы вне естественной языковой среды.

Вместе с тем вопрос о сохранении русского языка в восточном зарубежье все же встал, но произошло это уже в 40-е гг., т.е. гораздо позже, чем это впервые случилось в западном

³ *Мирандов Игорь Александрович (1899-1970)* – педагог в Харбине [22, с.206], преподаватель английского языка, помощник директора гимназии и колледжа ХСМЛ (Христианский союз молодых людей) в Харбине [29, с. 117], заместитель директора филологических курсов при ХСМЛ [30].

⁴ М.П. Таут писала о том, как безошибочно может отличить репатрианта от «коренного жителя страны», не задавая никаких вопросов о месте его рождения и образовании – «по предпочтению говорившим отдельных слов, которые в речи коренных жителей страны употреблялись редко, т.к. их заменили другие, более «модные» синонимы; по некоторым выражениям и словечкам, сохранившимся у репатриантов еще с «дореволюционного» русского языка и вышедшим из употребления на Родине» [28, с.35-36].

зарубежье (см. напр., статьи С. и А. Волконских о необходимости бороться за сохранение русского языка в чистоте [31]).

3

Русская научная общественность Харбина проявляла заботу о качестве русской речи, выражала беспокойство по поводу некоторых наметившихся в речи русских харбинцев тенденций.

В январе 1945 г. в печатных изданиях восточного зарубежья началась кампания за чистоту русского языка. В печати выступили И.А. Мирандов, помощник директора гимназии и колледжа ХСМЛ (Христианского союза молодых людей), литератор А.А. Грызов, юрист, присяжный поверенный в Харбине Г.Л. Миленко и др. [32, с. 331]. Эту кампанию следует рассматривать как мероприятие общественной языковой политики, направленной на сохранение своего языка в хорошем состоянии.

В январе 1945 г. в Харбине были созданы филологические курсы при ХСМЛ (Христианском союзе молодых людей)⁵ как отклик на кампанию за чистоту русского языка. К открытию филологических курсов в газете «Время»⁶ 3 января 1945 г. [30] была опубликована беседа с зам. директора курсов И.А. Мирандовым, в которой представлена программа этих курсов, а также отмечены недочеты, встречающиеся в русской речи харбинцев. К моменту публикации на курсы записалось около 80 слушателей.

Из направлений работы филологических курсов, представленных в опубликованной беседе с И.А. Мирандовым, очевиден высокий уровень требований, предъявляемых обществом к хорошей русской речи харбинских жителей.

К числу недочетов русской речи в восточном зарубежье И.А. Мирандов с своим публичным выступлением отнес следующие: во-первых, недостаточный словарный запас («*В наше время, особенно среди молодежи, наблюдается определенный недостаток слов в словаре их родного языка, что особенно заметно, когда в разговоре нужно применить слова, не входящие в обиходный язык*»); во-вторых, «нерусскую расстановку слов во фразе» – неправильный порядок слов, нарушение структуры предложения («*Иногда приходится слышать такую расстановку слов во фразе, что только поражаешься*»); в-третьих, злоупотребление иностранной лексикой, неточное употребление иностранных слов вследствие незнания их значения («*В настоящее время встречается часто употребление иностранных слов, и я лично не противник их, но необходимо в этом случае правильно употреблять. Большинство употребляет их там, где по смыслу они совершенно не подходят*»); в-четвертых, «витиеватость речи – многие говорят заумно или лапидарно. И то и другое – плохо»; в-пятых, нарушения акцентологической нормы («*Русский обиходный язык сейчас неимоверно искажается неправильными ударениями*»); в-шестых, неумение публично говорить – отсутствие навыка в изящной речи («*тот, кто хорошо пишет, зачастую не может хорошо говорить и наоборот*»).

Пути преодоления этих недостатков И.А. Мирандов видел в работе над расширением активного словарного запаса говорящих («*вытянуть те слова, которые балластом лежат в*

⁵ Христианский союз молодых людей (ХСМЛ) – молодежное объединение Харбина, игравшее большую роль в общественной жизни города.

⁶ Директором филологических курсов был назначен генеральный секретарь ХСМЛ Сайто, а его заместителем – И.А. Мирандов. Это было время японской власти в Маньчжурии.

сознании»), в необходимости повышать энциклопедические знания говорящих для точного знания значений иностранных слов («на курсах будет проходиться общая энциклопедия»); обучение «правильной структуре фраз», правилам фонетики. Опора в обучении правильной и хорошей речи виделась организаторам филологических курсов в образцах классической родной литературы: «У классиков – в какой-то мере – учиться языку», – провозглашали они, не исключая при этом знания других наук и культуры в целом: «На курсах будут периодически читаться лекции по разным отраслям гуманитарных знаний: по истории культуры, психологии, теории поэзии, по теории и психологии изящного творчества. <...> В программе по классической литературе будет пройден один автор, но этот автор будет рассмотрен со всех точек зрения. Вероятнее всего, что этим автором будет Пушкин и, может быть, частично Толстой». Таким образом, очевидно понимание того, что хорошее владение языком непосредственно связано с общей образованностью, с широтой энциклопедических знаний и не может быть только следствием механического заучивания правил русского языка.

Прокомментируем некоторые из отмеченных И.А. Мирандовым положения.

1. В работе «В защиту русского языка», опубликованной в Берлине в 1928 г., С. и А. Волконские в числе недостатков русской эмигрантской речи также относили «ошибки против ударения» и обилие иностранных слов, по сути дублирующих исконно русские [31, с.11, 26]. О насыщенности русского эмигрантского текста в западном зарубежье иноязычными словами писала Л.М. Грановская [33, с. 30]. Справедливости ради необходимо отметить, что «губительное пристрастие к иностранным словам» наблюдалось и в дореволюционном языке метрополии⁷. Другое дело, что в западной эмиграции «губительное пристрастие» усилилось и было подкреплено нахождением эмигрантов в среде иностранных языков-доноров.

Учитывая общий характер явления (частотность иностранных заимствований в языках метрополии, западной и восточной ветвей русского зарубежья), вариативность которых зависит, в частности, от социальных условий, не будем относить его к специфическим особенностям русского языка в восточной эмиграции. Правильнее квалифицировать его как «болезнь роста», периодически обостряющуюся в любом языке.

К сожалению, И.А. Мирандов не иллюстрировал свои положения о состоянии русского языка в восточном зарубежье конкретными примерами. Наш же анализ текстов периодических изданий восточной эмиграции первой половины XX в. показывает, что заимствованная лексика в них присутствует, в том числе отражающая новые, недавно появившиеся реалии действительности. Именно такая лексика преобладала среди заимствованной, дублиеты же немногочисленны (см., напр., дублиеты *амбуланс* – *какета скорой помощи*).

2. Нарушения акцентологической нормы в языке обусловлены, как правило, внутренними тенденциями в языке, часто движимыми законом аналогии [34, с. 33]. Многие из примеров нарушения норм ударения в русском языке западного зарубежья, представленные в

⁷ См. об этом у С. и А. Волконских: «Грустно, но <...> любовь к своему языку не сидит в русском человеке. Когда я в Москве перед своими многочисленными слушателями-студийцами говорил о губительном пристрастии к иностранным словам, ни один не нашелся, который бы сказал: «Да, правда, это гадко, обидно; <...>. Давайте дадимте друг другу слово изгонять иноземные слова, будем говорить чистым, настоящим русским языком. Нет! Ни одного не нашлось...» [31, с. 26].

работе С. и А. Волконских, остались современными: до сих пор в русской речи конкурируют *ходатайство* и *ходатайство*, *переведен* и *перевéден*. Полагаем, нарушения в постановке ударения в языке восточного зарубежья носили точно такой же характер и наблюдались в тех же самых случаях. Считаем, что акцентологические нарушения также не были особенностью русского языка в восточном зарубежье, а носили общезыковой характер.

3. Отмеченная И.А. Мирандовым как недостаток «витиеватость» речи многих русских харбинцев (к сожалению, без каких-либо их социальных характеристик, как-то: указание на возраст, образование и т.п.), по нашему мнению, была дореволюционным реликтом, сохранившимся в языке эмиграции. Полагаем, это оказалось возможным из-за той относительной изоляции системы русского языка в восточном зарубежье от прямого воздействия языка метрополии вследствие отсутствия активных контактов с Советской Россией в 30-е гг. и первой половине 40-х гг., во время японской оккупации Харбина и Маньчжурии. В Советской России того времени «витиеватость» в речи была исчерпана и сохранялась как индивидуальная черта в речи отдельных носителей языка.

4. Такие явления в речи как недостаточный словарный запас у молодежи, неумение публично говорить часто зависят от индивидуальных особенностей, а также от образованности человека, и борьба с этими недостатками актуальна в любое время и в любом месте.

5. Не совсем понятным осталось, что имел в виду И.А. Мирандов под «нерусской расстановкой слов во фразе» (при относительно свободном порядке слов в русском предложении). Синтаксическое калькирование из европейских языков вряд ли могло быть чрезвычайно распространенным, хотя оно возможно под влиянием изучения иностранных языков (в гимназиях, высших учебных заведениях, частным способом) и при осознанной необходимости знать иностранные языки, поскольку это традиционно воспринималось русской эмиграцией как неотъемлемая часть общей культуры человека и как возможное средство коммуникации в будущем, в новой стране проживания. Обычно же изучение иностранных языков не оказывает сильного воздействия на родной язык и не вызывает его интерференции.

Таким образом, отмеченные И.А. Мирандовым недостатки русской речи в Харбине большей частью носят универсальный характер и актуальны для того, чтобы бороться с ними, в любой момент развития языка в естественной среде, а не только вне метрополии. Другое дело, что в эмиграции неудовлетворительные для состояния языка явления (хотя это тоже довольно субъективно: что – удовлетворительно, а что – нет) могут раньше проявляться и количественно превосходить аналогичные явления в метрополии. Напр., это может выражаться в большем количестве заимствований из иностранных языков, в большем количестве ошибок в использовании видо-временных глагольных форм, в предпочтении прямого падежа косвенным и т.д. [см. 35; 36]. Однако наш языковой материал, иллюстрирующий состояние русского языка на протяжении ста лет его существования в восточном зарубежье этого почти не показывает: масштаб указанных и других языковых нарушений там минимален.

Самих харбинцев отличает требовательность к своей русской речи, привитая в школе: «Научили нас излагать мысли на родном языке. И за это хочется сказать доброе слово благодарности нашим педагогам, воспитавшим в нас любовь и уважение к русскому языку» [28, с. 37].

К мероприятиям языковой политики по сохранению русской речи следует отнести и специальные программы радиопередач для школьников на русском радио Харбина. См., напр., программу радио на 5 января 1945 г., опубликованную в харбинской газете «Время»: «Вечером: 6-30 – передача для детей школьного возраста (лекция С.И. Цветкова «О русской орфографии») [30].

4

Видимые изменения в русском языке восточного зарубежья начались после 1945 г. и имели опять же социальную подоплеку. Эти изменения коснулись в первую очередь лексики как языкового уровня, обладающего наибольшей социальной чувствительностью. В августе 1945 г. Харбин и Маньчжурия были освобождены советскими войсками от японцев и КВЖД (переименованная в КЧЖД – Китайско-Чаньчуньская железная дорога) переходит в общую собственность СССР и Китайской Республики [2, с. 356]. Проникновение советских людей во все сферы жизни русского эмигрантского Харбина сопровождалось влиянием изменившегося за годы советской власти языка метрополии на язык русского восточного зарубежья. В частности, это проявилось в заимствованиях из советского языка в речи харбинцев, сопровождавшееся освоением новых семантических сфер.

Русский язык в восточном зарубежье после 1945 г. не разрушался, но менялся: происходило замещение традиционных, привычных для той или иной ситуации употребления лексических единиц на ставшие обычными в аналогичных ситуациях лексические единицы советского языка; обновлялось на советский манер микротопонимическое пространство Харбина; осуществлялась демократизация языковой нормы, о чем свидетельствуют материалы харбинских периодических изданий после 1945 г. [37].

Сложный внутренний конфликт, по мнению Н.В. Райан, возник у поколения русских, родившихся в Китае, дома усваивавших старую русскую культуру, а обучавшихся в советских школах: *«Дома они слышали о Петербурге, в школе – о блокаде Ленинграда. Дома бабушка, хорошо образованная, окончившая Смольный институт благородных девиц, говорила «библиотека» и «перо», в школе все знали, что это устарело, и говорили «библиотека» и «ручка». Люди этого поколения пели «Вечерний звон» и «Катюшу». Дома с семьей они молились, соблюдали посты и праздновали православные Рождество и Пасху, а в школе читали, что «религия – это опиум для народа» [25, с. 98]. Другими словами, в языковом сознании русских харбинцев, родившихся в Китае в середине XX в., столкнулись две языковые нормы родного языка – дореволюционная, «домашняя», усвоенная в детстве, и современная, советская, сложившаяся в метрополии уже после революции и пропагандируемая в школе.*

5

Итак, русское восточное зарубежье, по многочисленным свидетельствам, в том числе ученых из харбинской среды Е.П. Таскиной, В.В. Левитского, М.П. Таут, Н.В. Райан, демонстрирует высокий уровень владения русской речью, в том числе ее литературным образцом на протяжении первой половины XX в. Это обусловлено наличием лингвистического образца и его пропагандой в семье, школе, печатных изданиях, театре, а также заботой о сохранении выразительной русской речи, что проявилось в «охранительных» мероприятиях по отношению к языку в Харбине.

Эталон, образец поддерживался социально пестрой русскоговорящей средой на компактной территории в Китае.

Осознание языковых различий между русской речью в эмиграции (в целом дореволюционной) и в метрополии (советской) произошло в 1945 г. и признано носителями обеих форм русской речи. Сравнение было в пользу русской речи в Харбине как правильной и выразительной в отличие от советского языка, полного штампов и неправильностей, с одной стороны, и с более широким диапазоном этически допустимого, с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. – 276 с.

2. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: НД ИД «Русская панорама», 2004. – 432 с.

3. Василенко Н.А. Об основных этапах миграционного движения из России в Китай в дооктябрьский период (по материалам китайских публикаций) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. – С. 229-236.

4. Аргудяева Ю.В. Православное восточнославянское население в Маньчжурии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 563-569.

5. Лазарева С.И. Российская эмиграция в Маньчжурии: проблемы социальной адаптации (20-е-середина 40-х гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. – С. 239-244.

6. Дубинина Н.П., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (На материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. – 1996. – № 1.

7. Куликова Н.В. О политико-правовом положении русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае (1918-1924) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – С. 164-168.

8. Лазарева С.И., Сергеев О.И. Миграционный потенциал русских эмигрантов в Китае (20-30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – С. 161-164.

9. Кобко В. Старобрядческая община в Маньчжурии. 1936-1945 // Рубеж. Тихоокеанский альманах. – Владивосток, 2007. – № 7 (869). – С. 303-310.

10. Абеленцев В.Н. Амурское казачество XIX-XX вв.: Сборник статей и публикаций. Изд. 2-е, доп. и испр. – Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2005. – 304 с.

11. Аблажей Н.Н. Хозяйственно-экономическая деятельность российских эмигрантов в Северной Маньчжурии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – С. 130-136.

12. Рубеж. Еженедельный литературно-художественный журнал. – Харбин, 1941. – № 4.

13. Несмелов А. Драгоценные камни. Повесть // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. – Владивосток, Альманах «Рубеж», 2006.

14. Жэньминь жибао, 2007 (русская версия) <http://russian.people.com.cn/31516/4161234.html>.
15. Ворсобин В. Китайцев не надо бояться, у них надо учиться // Комсомольская правда, 2007, 26.06.
16. Ярошенко А. пятьсот метров до Родины // Рос. газета, 2008. 17. 01.08. № 8 (4505).
17. Самойлов Н.А. Россия и Китай // Россия и Восток / Под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 217-290.
18. Хисамутдинов А.А. Следующая остановка – Китай: из истории русской эмиграции. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. – 244 с.
19. Весь Харбинъ на 1923 годъ. Адресная и справочная книга гор. Харбина / Под ред. С.Т. Тернавского. Харбин, 1923 г.
20. Кайгородов А. // eps.dvo.ru/rap/2006/4/pdf/rap-121-134.pdf. 08.01.08.
21. Левитский В.В. Языковой и языковедческий фрагмент харбинистики // Города. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: м-лы конф. Москва, 19-21 мая 1998 г. – М., 1998. – С. 40-42.
22. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. – 384 с.
23. Русское слово. Ежедневная газета. – Харбин, 1946. – № 14.
24. Дземешкевич Л. Харбинцы. – Омск, 1998. – 230 с.
25. Райан Н. В. Россия – Харбин – Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. – М.: Русский путь, 2005. – 208 с.
26. Ефанова В. Домой с черного хода. – М.: Изд-во Н. Бочкаревой, 1999. – 320 с.
27. Хотковский Г.В. Воспоминания // Русские в Китае. Газета. – Екатеринбург, 2001. – № 25. – С. 5.
28. Таут М.П. Сбереженный русский язык // Русская Атлантида. – Челябинск, 2001. – № 7. – С. 35-38.
29. Печатные издания харбинской россии: Аннотированный библиографический указатель печатных изданий, вывезенных харбинскими архивистами из Харбина в 1943 году. – Хабаровск: Частная коллекция, 2003. – 128 с.
30. Время. Ежедневная японская газета. Орган независимой мысли. – Харбин, 1945. – № 2. 03.01.
31. Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка: Сб. статей. – Берлин: Медный всадник, 1928.
32. Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е.П.Таскиной. – М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. – 352 с.
33. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны / РАН. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык: история и современное состояние». Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Отв. ред. М.В. Ляпон. – М.: ИРЯЗ, 1995. – 176 с.
34. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. – Л., 1971. – 269 с.

35. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв. ред. Е.А.Земская. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – С. 19-340.

36. Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Там же. – С. 341-492.

37. Оглезнева Е.А. Русская периодика восточного зарубежья в первой половине и середине XX в.: о динамике общественно-политического дискурса // Вестник Томского университета, 2008. – № 314. – С. 26-32.

А. Н. Анцыпова

«ХАРБИНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ» В АВСТРАЛИИ

Говоря о русской эмиграции в Австралию, нельзя не коснуться проблемы предшествовавшей ей эмиграции в Китай, в частности в Харбин, который до Второй мировой войны оставался истинно русским городом, жившим по законам дореволюционной России, с его гимназиями (с обязательным преподаванием Закона Божьего) и высшими учебными учреждениями, балами, культурной и христианской жизнью, храмами (более двадцати православных) и прекрасной городской архитектурой [7].

По мнению эмигрантки, приехавшей в Австралию из Китая, «Харбин представляет собой особое исключительное явление... Это был подлинный уголок дореволюционной России, где в чистоте сохранились русский язык, православный быт и традиции» [3, с.105]. Харбин произвел неизгладимое впечатление на всех русских артистов, посетивших его в разное время. «...В Харбине русские действительно являются русскими, тогда как в Америке они больше американцы, чем русские, в Германии – немцы, во Франции – французы» [цит. по: 7, с. 8] – эти слова А. Вертинского дают исчерпывающую характеристику харбинской ситуации.

По официальным данным (отчет Народного Комиссариата за 1923 г.), в полосе отчуждения КВЖД насчитывалось 400000 человек русского населения [6]. Причем уровню их образованности могла позавидовать любая европейская страна: «В городе появилось даже чересчур много профессоров, докторов, юристов, педагогов. Газеты стали пухнуть от рекламных объявлений выпускников университетов, институтов и консерваторий России и Европы, предлагавших свои профессиональные услуги» [Там же: 7].

Уникальность харбинской ситуации как в социальном, так и в собственно лингвистическом плане признают и современные отечественные исследователи. «Основание русского города со всеми необходимыми инфраструктурами, созданными по образу и подобию российских, с преобладанием российского населения привело к возникновению на чужой территории своеобразной “малой России”» [10, с. 250]. Языком повседневного общения большинства населения, официальных документов и прессы в Харбине начала века был русский язык. Его статус в качестве основного сохранялся в Харбине до середины 50-х гг., пока город не покинула значительная часть русского населения.

Русским жителям Харбина удалось сохранить «русскость» вопреки всему: неприятию новых порядков бывшей Родины, иноязычному окружению, чуждой им азиатской культуре, даже интервенции японских войск (в 1932 г.), когда свободное перемещение по стране было запрещено, а русские школы закрывались [3].

Харбинцы начали уезжать из Китая в начале 30-х гг. XX в., а после провозглашения китайским правительством лозунга «Азия – для азиатов» (середина 50-х гг.) эмигранты практически полностью покинули страну.

Исследователи относят этих эмигрантов к первой волне, называя их «представители послереволюционной эмиграции» [1, с. 96], поскольку время их исхода из России совпадает с данной волной. Однако их послереволюционная эмиграция – довольно спорный вопрос, так как многие из них оказались там еще в конце XIX – начале XX вв. «Восточная эмиграция также носила “волнообразный” характер, не во всем совпадающий с западной эмиграцией. Первая волна эмиграции на восток – это массовый отъезд русских в Китай для строительства КВЖД. С позиций того времени это не было эмиграцией: уехавшие строить КВЖД граждане России не принимали китайское гражданство, и лишь последующее развитие событий (революция в России) привело к тому, что они стали вынужденными эмигрантами. Вторая волна восточной эмиграции связана непосредственно с изменением политической власти в России, ее так же, как и первую волну эмиграции на запад, можно назвать “послереволюционной”» [11, с. 197].

По времени прибытия в Австралию представителей данной эмиграции можно отнести ко второй волне, что и предлагает Д.Р. Эндрюс в отношении эмигрантов первой волны, попавших в США после Второй мировой войны [21]. Однако их отличие в том, что они не подверглись ни языковой, ни культурной интерференции, как представители первой волны эмиграции в странах Европы. С другой стороны, харбинцы не были выходцами из Советской России, чем, безусловно, отличались от других представителей эмиграции второй волны. Исходя из этого, для обозначения данных эмигрантов предлагается термин «харбинская эмиграция».

Вторая волна эмиграции в Австралию, как и первая, не соответствует по качественному составу эмиграции в страны Европы. Как утверждают исследователи, представители второй волны в Европу были, в основном, беженцами из СССР, перенесшими годы оккупации и советских репрессий, которые, попав в Европу, не собирались возвращаться, старались ассимилироваться и забыть о своем русском происхождении [13, 21, 2 и др.]. Считается даже, что нельзя говорить о второй волне эмиграции как о «цельном явлении», а поэтому и о ее языке [13].

Следует отметить, что эмигрантская ситуация в Австралии кардинально отличалась от ситуации в других странах. Причиной была «харбинская эмиграция», хлынувшая с конца 30-х гг. в разные страны, в том числе в Австралию. А эмиграция из бывшего СССР в Австралию значительно уступала в количественном отношении эмиграции в страны Европы и Америки. Основную же массу русских эмигрантов в Австралии составили представители харбинской эмиграции и так называемые Ди-Пи (Displaced persons – перемещенные лица), включающие как эмигрантов первой волны из разных стран Европы, так и военнопленных из бывшего СССР [22].

По мнению М. Раева, значение роли эмиграции из Харбина «стало очевидным лишь после новой эмиграции многих деятелей культуры из Харбина в Соединенные штаты и Австралию» [14, с. 37]. Действительно (по материалам русскоязычной печати в Австралии), «харбинская» эмиграция дала Австралии целую плеяду выдающихся культурных и научных деятелей: *А.А. Азовцева* – художник, занесена в реестр «лучшие 500» в книге «Кто есть кто на Дальнем Востоке и в Австралии», в 1988 г. награждена золотой медалью Международного биографического о-ва; *А.И. Савицкий* – художник, иконописец; *Е.В. Демидов* – артист и режиссер; *В.И. Томский*, *Т.Бугаева*, *Ю. Криволицкий* – актеры театра; *М.Н. Троицкий* – певец и регент-дирижер; *Н. Гайдарова* – артистка эстрады и оперетты; *С.Ф. Байгмальдин* – ведущий тенор Сиднейской оперетты; *А.И. Погодин* – виолончелист симфонического оркестра в Аделаиде, позже сиднейского симфонического оркестра; *Н.А. Байков* – писатель-натуралист; *В.И. Бабий* – архитектор, проектировал здания банков в Харбине, автор проекта церкви Св. Богородицы Владимирской в Брисбене; *М.А. Бакич* – архитектор, почетный член Австралийского института архитектуры, автор двух проектов часовен в Сиднее; *В.Н. Жернаков* – экономист, географ, геоботаник, палеонтолог; *А.П. Хионин* – востоковед, экономист, педагог, дипломат, автор многих научных трудов, русско-китайского и китайско-русского, монгольско-русско-японского и китайско-английского словарей; *В.В. Поносков* – археолог, этнограф, участник многих экспедиций, с 1966 г. – куратор антропологического музея Киндслендского университета; *Н.А. Гальфтер* – доктор технических наук, автор многих научных трудов, почетный член инженерных обществ в США, Гонконге, на Филиппинах; *С.К. Сажин* – врач, автор научных статей и докладов; *А.Г. Шандарь* – врач в области профессиональных болезней и патологии; *А.А. Жемчужный* – врач, разработавший безлекарственный метод лечения астмы. Кроме того, Харбин дал Австралии таких известных религиозных деятелей как *Митрополит Филарет* (Г.Н. Вознесенский), *Протоиерей о. Ростислав Ганн*, *Протоиерей о. Михаил Андреев*; *Протоиерей о. Илья Пыжов*, *Протоиерей о. Николай Депутатов*, *Протоиерей о. Николай Голубев*, *Протоиерей о. Николай Стариков* и др.

Несомненно, первое время в чужой стране эмигрантам пришлось нелегко. Потребовалось некоторое время на подтверждение их квалификации, и им приходилось зарабатывать себе на жизнь нелегким физическим трудом. Тем не менее почти сразу стали организовываться русские православные приходы, а к концу 50-х гг. начали строиться русские православные храмы. По мнению исследователей, эмигранты, «прибывшие из Харбина, внесли, поистине, свежую струю и в духовное объединение австралийской русской диаспоры» [18, с. 13]. Как свидетельствуют сами эмигранты, прихожане во главе с настоятелем трудились, не покладая рук. В строительстве храмов принимали участие взрослые и дети, местные жители и приезжие из других районов. Работали без перерывов, «часто до полуночи, т. к. работы было много, а времени мало. Был сооружен временный иконостас, алтарь с жертвенником и престолом, по стенам развешаны старые иконы, подвешены лампы, расставлены подсвечники...» [15, с. 75]. При храмах строились русские школы, а в 1946 г. в Мельбурнском университете было открыто первое в Австралии отделение русского языка и литературы, в чем основную роль сыграла «харбинская эмиграция».

С появлением второй волны эмигрантов православные храмы появились во всех крупных городах Австралии. Если до 1937 г. в Сиднее был только Свято-Владимирский храм, то

к 1981 г. в штате НЮУ было уже десять православных церквей [20, с. 36]. В 1952 г. был основан православный приход в г. Джилонге, а в начале 80-х гг. – Свято-Троицкий приход РПЦ Московского Патриарха в Мельбурне [17, с. 41]. Кроме того, как свидетельствуют материалы периодической печати, там, где нет соборов и церквей, русские объединяются в православные общины и проводят богослужения в снимаемых помещениях [9, с. 24].

После второй волны эмиграции стали создаваться различные русские общества: литературно-историческое общество имени А.С. Пушкина, литературное общество «На пятом материке» (основанное в 1952 г. бывшими харбинцами), общество «Наука и искусство» (основанное в 1953 г. русским эмигрантом из Югославии), кружок «Русское творчество (организованный в 1963 г. эмигранткой из Харбина, поэтессой И.И. Резаевой) и др. [4].

Следует отметить, что представители «харбинской» эмиграции, а также их дети до сих пор ведут активную работу по воспитанию молодежи в духе любви к России и ее духовному достоянию. Именно бывшие харбинцы (Н. Мельникова – главный редактор журнала «Австралиада. Русская летопись» и приложения к нему «Русские харбинцы в Австралии» (Сидней), Т. Малиевская – главный редактор журнала «Жемчужина» (Брисбен) и др.) являются организаторами и редакторами местных периодических печатных изданий на русском языке, объединяющих русское зарубежье Австралии.

Таким образом, можно утверждать, что именно вторая волна эмиграции, значительную часть которой представляла «харбинская эмиграция», создала социально-политические и культурно-исторические предпосылки становления русского зарубежья Австралии.

В настоящее время во всех крупных городах Австралии существуют русские общественные организации: этнические комитеты, выпускающие свои периодические издания, благотворительные общества, а также дома для престарелых. Ведется работа церковными и молодежными, скаутскими и спортивными организациями. Ежегодно в Сиднее, а также в некоторых других городах проводится «День русской культуры», включающий в свою программу выставки русских художников, концерты русских музыкантов, публикации русских писателей и поэтов [8]. Русская община в Австралии ведет активную общественную жизнь. Вот что об этом пишет журналист из Хабаровска: «Нам, до недавнего времени лишенным каких бы то ни было сведений о жизни наши бывших соотечественников, в разное время и по разным причинам покинувших родину, удивительно вдруг узнать, что там, далеко за океаном, не теплится и не влачится, а бурно кипит настоящая русская жизнь... Что основные ценности русского духа там, за тысячи километров от России, сохранились не хуже, а кое в чем даже и лучше, чем здесь, где мы с вами живем...» [5, с. 46].

В городах Австралии активно работают различные общественные организации. В частности, Русский Клуб в Сиднее в 2004 г. отметил 80-летие. В клубе есть библиотека на русском языке, насчитывающая более 8000 книг, а также коллекция русской периодики.

Более 15 лет существует в Сиднее литературно-историческое общество им. А.С. Пушкина, в котором за эти годы были прочитаны десятки докладов о творчестве великих русских писателей, поэтов, музыкантов: «Особенности русской литературы», «Добро и зло в литературе», «Пушкин», «Толстой», «Тютчев» и многие другие [4, с. 17].

В 1994 г. в Сиднее был основан Русский этнический комитет, который представляет интересы русских эмигрантов в Этническом совете штата НЮУ (Новый Южный Уэльс). Русские общественные организации действуют и в других городах Австралии.

Молодежную политику активно ведут НОРС (Национальная организация русских скаутов) и ОРЮР (Организация российских юных разведчиков). Кроме того, с 1959 г. действует Австралийский округ национальной организации витязей, объединяющий русскую молодежь под девизом «За Русь, за Веру» [19, с. 3].

Вплоть до середины 70-х гг. государственная политика в отношении эмигрантов была направлена на скорейшую их ассимиляцию, однако затем, по мере изменения этнического состава населения (по данным переписи 1976 г. одна пятая населения родилась за рубежом), этнические группы были призваны сохранять свое духовное и культурное наследие. В 1974 г. правительство вводит этническое радиовещание, а с 1979 г. ведутся этнические телепередачи [12, с. 101].

Что касается русскоязычной периодической печати, то в настоящее время издаются журналы «Австралиада. Русская летопись» (Сидней), Русские харбинцы в Австралии» (Сидней) и «Жемчужина» (Брисбен). Кроме этого, русские этнические представительства в штатах Виктория и Новый Южный Уэльс имеют свой печатный орган – «Вестник этнического представительства». Выпускаются также газеты «Единение», «Московские новости» и «Горизонт».

Однако представители русской эмиграции в Австралии высказывают озабоченность тем, что внуки и правнуки эмигрантов 40-50-х гг. (4-5 поколения эмигрантов – А.А.) ассимилируются, а русский язык становится для них вторым языком. Причину этого они видят в том, что их родители, получившие образование на английском языке, дома говорят по-английски. Решить эту проблему, по их мнению, могут лишь русские школы и церковь. Они считают, что русские, родившиеся и выросшие в Китае, не ассимилировались только потому, что «ходили в русские школы, изучали русский язык и литературу, в семьях всегда говорили по-русски и соблюдали все обычаи и традиции Русской Православной Церкви» [16, с.107]. Вместе с тем проблема не только в желании или нежелании изучать русский язык, но и в образовательном уровне самих учителей. По данным исследований, в настоящее время молодое поколение преподавателей русского языка в Австралии (в отличие от учителей, получивших образование в Китае), не всегда обладает глубокими знаниями в области русского языка и литературы [23], а это не может не отразиться на состоянии русского языка в Австралии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васянина Е.Ю. Наброски к лингвистическому портрету русских американцев // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 2. – С. 95-102.
2. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. – М.: Вена, 2001. – С. 25-340.
3. Золотарева Т.И. Маньчжурские были. – Сидней, 2000. – 267 с.
4. Коренева О. Общественные организации // Австралиада. Русская летопись. – 1996. – № 7. – С. 16-18.

5. Литвиненко И. Русское небо над Австралией // Австралиада. Русская летопись. – 1998. – № 16. – С. 46.
6. Мезин Н. Харбин и харбинцы (Страницы русской истории) // Русские харбинцы в Австралии. – 2000. – С. 5-11.
7. Мезин Н. О книге «Архитектура гор. Харбина» // Там же. – С. 23-24.
8. Мельникова Н. Русские общественные организации // Австралиада. Русская летопись. – 2004. – № 38. – С. 25.
9. Мельникова Н. Св. Пантелеймоновская община в Госфорде // Там же. – С. 24.
10. Оглезнева Е.А. Русская диаспора в Харбине: Уровни лингвистической адаптации // Восточная Азия – Санкт-Петербург. Межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. – СПб., 2001. – С. 250-254.
11. Оглезнева Е.А. Жанр воспоминания в речи современных представителей харбинской диаспоры: мотивы и настроения // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2001. – С. 196-201.
12. Петраковская А.С. Государство и развитие национальной культуры в Австралии (1945–1980) // Австралия и Океания в современном мире. – М., 1982. – С. 83-106.
13. Пфандль Х. Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // Русский язык за рубежом. – 1994. № 5-6. – С. 101-108.
14. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919-1939. – М., 1994. – 296 с.
15. Суворов И. Краткая биография митрофорного протоирея о. Николая Старикова // Русские харбинцы в Австралии... – С. 75-76.
16. Сулова Т.К. Учителя русских школ // Там же. – С. 107.
17. Филяровский И. Свято-Троицкий приход Русской Православной церкви Московского Патриарха в Мельбурне // Австралиада. Русская летопись. – 2001. – № 26. – С. 41-43.
18. Шатилов А.Б. Эмигранты из России в Австралию в 20-30-е годы // Славяноведение. – 1997. – № 5. – С. 9-14.
19. Ширинская Е. Памяти Витязя // Австралиада. Русская летопись. – 1999. – № 20. – С. 2-3.
20. Ширинская Е. Георгий Евгеньевич Радионов // Австралиада. Русская летопись. – 2001. – № 26. – С. 35-36.
21. Эндрюс Д.Р. Пять подходов к анализу языка русских эмигрантов в США // Славяноведение. – 1997. – № 2. – С. 18-29.
22. Kouzmin L. Language use and language maintenance in two Russian communities in Australia // International Journal of the Sociology of language 72. – 1988. – P. 51-65.
23. Ryan N. Socio-linguistic Changes with Particular Reference to Speech Etiquette in a Russian-speaking Community Living in two Different Cultural Environments during the 20th century. PhD Thesis. – Sydney, 1998. – 225 p.

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «СУНГАРИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ»: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

*О, сунгарийская столица!
До гроба не забуду я
Твои мистические лица
И желтые твои поля!
Бегающего рысцою рикшу,
Твоих изысканных «куpez»,
Шелк платья ко всему
привыкший,
Твоих шаланд мачтовый лес,
И звонкой улицы Китайской
Движенья, шумы и огни,
И солнечные в зимах дни,
И Фудзядана смрадный запах
От опиума и от бобов,
И страшных нищих в цепких лапах
Нужды и тягостных годов.*

В. Логинов

В статье анализируются топонимическое пространство русского Харбина, его объем, структура, названия районов города и их улиц. Материалом для исследования русских названий города послужили карты города, проектные планы застройки, рекламные объявления из старых газет, публицистические издания, специальные исследования по истории, культуре, архитектуре города на русском и китайском языках, художественная и мемуарная литература [1-16].

Известно, что топонимическое пространство конкретно у каждого народа. В национально-культурном аспекте – обычно свое «представление о собственных названиях и о круге онимизируемых объектов» [17, с.33-34]. Ономастическое, в том числе топонимическое, восприятие действительности зависит от мировоззрения, уровня культуры того или иного исторического сообщества. Так, для буддийского мировоззрения характерно превращение в индекс собственных имен всего, «что связано с высшими авторитетами и ценностями в мире буддийских представителей – с Буддой и Каноном в первую очередь» [17, с. 46].

В национально-культурной традиции русского народа онимизация как проявление познавательно-классификационной деятельности человека также аккумулирует в себе мировоззренческие и культурные представления.

Названия районов и улиц русского Харбина входят в систему историко-культурных и пространственных вех жизни этого города и играют большую роль в формировании неповторимого образа «Восточной Москвы», «сунгарийской столицы», как называли его в начале XX в.

Русские названия возникли в конце XIX –первой половине XX в., в период основания и развития города русскими. Они связаны с социально-историческими условиями жизни, быта

русских людей, а в грамматическом, словообразовательном аспектах, как отмечают исследователи, обусловлены строем русского языка, его спецификой.

Семиотический аспект исследования русских названий улиц Харбина отражает разные проявления культурно-исторического сообщества русских людей, которое оказалось в первой половине XX в. на территории Северной Маньчжурии. Улицы и названия районов Харбина представляют своеобразную летопись жизни этого сообщества.

Вот некоторые вехи этой истории.

Конец XIX в. – возникновение города.

Первая дата в хрониках города – несколько недель лета 1897 г., на которые пришлось изыскания инженера Адама Шидловского, нашедшего идеальное место на пересечении будущей КВЖД с рекой Сунгари, впадающей в Амур неподалеку от Хабаровска, и ее притоком Ашихэ.

Собственно история города для русских началась 28 мая (ст. стиль) 1898 г., когда к временной пристани, расположенной приблизительно в районе современной Центральной улицы, подошел колесный пароход «Благовещенск», на котором из Хабаровска прибыли строительное управление КВЖД и первые русские харбинцы. Именно этот день у русских харбинцев считался Днем рождения Харбина.

«Палаточный городок был разбит на узком прибрежном валу. Фарватер реки проходил у правого берега, и несущиеся в водоворотах мутные воды реки беспрерывно подмывали обрывистый берег.

На юг простиралась широкая заболоченная низина с редкими китайскими фанзами, клочками возделанных огородов да группами растущих по взгивкам вязов. А еще дальше пологими холмами шла возвышенность, на которой в скором времени началось строительство будущего центра Харбина.

Левый же низкий и заболоченный берег терялся за далью широкой, тогда еще полноводной Сунгари и переходил на западе в бескрайние степные пространства с бесчисленными озерами и озерками... Такой предстала эта местность глазами первых поселенцев из России», – так описывает начало Харбина Елена Таскина, известный автор-популяризатор славной истории русского Харбина, выросшая в *том* Харбине [7, с. 30].

Многочисленные свидетельства о начальном периоде города есть и у многих других русских жителей старого Харбина, например, у Николая Апполоновича Байкова (1872-1958).

«В те далекие времена, – писал он, – Харбин представлял собой еще незастроенный пустынный участок степи, покрытый травой и кочковатыми болотами. Вся жизнь была сосредоточена в Старом Харбине, где размещены были во временных саманных домах управление Дороги, штаб Заамурского округа пограничной стражи, метеорологическая станция, телеграф» [7, с. 33].

Вслед за строительством административного центра города началось энергичное возведение построек в прибрежном районе, ставшем позже коммерческой и торговой частью города, – под названием «Пристань». Тут сосредоточились банки и представительства отечественных и зарубежных фирм и предприятий. Административная часть города позже получила название «Нового города».

Главное управление КВЖД в первое время находилось в Петербурге. Как свидетельствуют исторические материалы да и сами реалии Харбина в те годы, в числе первых инженеров-строителей и архитекторов было много прибывших из Петербурга, откуда получили начало названия первых улиц города: Садовая, Первая, Вторая, Третья линии, Большой проспект, Крестовский остров, Крестовоздвиженская улица и многие другие. Сопоставление названий первых харбинских улиц с улицами современного Петербурга указывает на это [18].

Строительство дороги разворачивалось бурно, хотя работать приходилось в сложных климатических условиях – в суровые маньчжурские зимы жили в палатках, цинопочных бараках. Работа затруднялась бездорожьем, отсутствием точных карт, подъездных путей, оторванностью от индустриальных центров, отчасти языковым барьером – ведь рабочая сила вербовалась из числа китайского населения в различных провинциях, чаще всего в районах Чифу и Тяньцзиня.

Несмотря на все эти трудности, в результате пятилетнего напряженного труда к 1 июля 1903 г. основные работы согласно Первому проектному плану Харбина были завершены, и строительное управление КВЖД передало в эксплуатацию рельсовый путь общей протяженностью 2373,27 версты.

С этого дня началось пассажирское сообщение по КВЖД – два раза в неделю с Курского вокзала Москвы стали регулярно отходить экспрессы на Восток. Харбин становится важным железнодорожным пунктом и административным центром всей полосы отчуждения.

На строительстве КВЖД трудились китайские рабочие, русские инженеры, купцы и люди других профессий из России. Однако россияне и китайцы селились отдельно, в разных районах города. В районах, где жили россияне, были построены православные церкви и здания в европейском стиле, названия улиц и вывески магазинов были написаны по-русски, открылись русские школы для детей служащих КВЖД. В районах контактного проживания китайцев (например, Фудзядань) было по-другому.

К 1903 г. Харбин отвечал уже почти всем европейским требованиям градостроительства. Так, *Е.Рачинская* вспоминает: «Прелесть Харбина заключалась в сочетании всех атрибутов больших культурных центров, где люди нередко задыхаются от одиночества, с прочно наложенным патриархальным, чисто русским бытом, в котором было что-то уютно провинциальное. Царило широкое русское гостеприимство. Люди поддерживали между собою живую связь, и каждый чувствовал себя членом одного большого целого, в котором и ему находилось место» [7, с. 46].

Исследователи харбинской истории выделяют несколько периодов в строительстве и развитии города.

1. 1898-1918 гг. – начальный период русского Харбина. Россия начала строить этот город как административный центр КВЖД. Планировка и архитектура проектировались петербургскими архитекторами. Под руководством русских инженеров, создававших этот славный город, огромный труд вложили в него и китайские рабочие. В это время Управление КВЖД, используя право экстерриториальности, фактически являлось и административным органом управления Маньчжурией.

2. 1918-1924 гг. – после Октября 1917 г. и гражданской войны в России, – всплеск эмиграционной волны в Харбин. В Маньчжурии продолжает жить и развиваться русская колония. В России царит разруха, а в Харбине исправно ходят трамваи, поезда, и служащие Управления железной дороги, все, от начальника до путевых обходчиков, получают зарплату золотом. В тот период численность Харбина резко увеличилась за счет прибывающих беженцев. На границах России с Европой границу перейти было невозможно, а на востоке возможно. Харбин принимал всех.

3. 1924-1935 гг. – начало советского периода в жизни Харбина. В 1924 г. СССР заключил с Китаем «Договор о совместном управлении КВЖД». Большинство русских служащих КВЖД приняли советское гражданство. В 20 – начале 30-х гг. здесь возник полноценный оазис русской жизни. Бушевали политические страсти (представлены были разные партии – от левых до фашистов), работали школы и университеты, на харбинской сцене выступали мировые знаменитости: Ф.И.Шаляпин, А.Вертинский и др. Харбинский театр, харбинская музыка, харбинская поэзия, русская культура присутствовали везде и во всем.

4. 1932-1935-1945 гг. – «японский период» в жизни Харбина. В 1932 г. Япония оккупировала Маньчжурию и создала марионеточное государство Маньчжу Ди Го. СССР продает КВЖД Японии. Это был мрачный период в жизни Харбина и всей Маньчжурии, период террора, подавления инакомыслия, жестоких расправ над мирными жителями. Стали ограничиваться в правах русский язык и культура, проводилась насильственная японизация. Начало первого исхода русских из Харбина.

5. 1945-1949 гг. – второй советский период. В августе 1945 г. Советская армия заняла Маньчжурию. Харбин стал, по сути, частью СССР. Город был насыщен советскими войсками (в начальный период), потом советскими служащими КВЖД, специалистами и инженерами, рабочими. Возвращение русских харбинцев в СССР, где большинство из них ожидала смерть в лагерях или прямо от расстрелов. Десятки тысяч семей оказались разорены. Произошел второй исход русских – из Харбина в Австралию, Бразилию, США, Канаду и другие страны.

6. с 1949 г. Образование КНР. Харбин становится полностью китайским и превращается в административный центр провинции Хэйлунцзян.

Город с первых дней своего существования жил без деления на сословия и национальности. «В одном доме с нами обитали: степенный пожилой китаец – хозяин двух домов, соединенных одним двором; японец с русской женой; многочисленная семья индийцев (имели магазины шелковых тканей); турок с женой – полунемкой-полурусской; польская семья; молодая еврейская пара и китаец-дворник, тоже с многочисленным семейством», – отмечает Е. Таскина [7, с. 24]. Другая бывшая харбинка (А.Дворжицкая) вторит ей: «Помню, в школе в одном классе со мной учились, помимо русских, одна чешка, несколько евреев, корейцев и китайцев; в колледже в нашей группе была татарка, гречанка, еврей» [9, с. 24]. Русский язык был, как теперь говорят, «языком межнационального общения». Им владели в разной степени и китайские предприниматели, и рабочие, и торговцы.

Стремительный рост многонационального Харбина отмечал и Вс. Н. Иванов: «Харбин рос как на дрожжах, стремительно, на глазах, как растут тополя в Маньчжурии. За 20 лет вырос огромный, как Одесса, скороспелый город, развернулось много поселков на западе, на

востоке и на юге по железной дороге. К 1917 году здесь проживало уже больше 100 000 человек – люди всех народностей, населявших империю, и самого разного происхождения. Этот город, как бурлящий котел, в котором замешано блестящее будущее, волнует сердца, тревожит воображение. Никогда не воспринимал он себя оторванным от России. Благодаря железной дороге «русский Китай» стал просто промежуточной станцией между Читой и Владивостоком. Во Владивосток ездят «попить чаю у тети», в Читу – глянуть, как живет младшей сестренке. Благо, поезда ходят точно по расписанию...» [7, с. 25].

«Образование поселков и районов Харбина началось практически с самого основания» [7].

По данным на 1923 г., помимо трех основных районов города – Пристань, Новый город и Старый Харбин, – существовало 12 городков и поселков в черте Харбина. По окраинам Харбина, разбившись по специальностям, селились менее зажиточные слои населения: в Мостовом поселке – строители моста, отсюда и его название; извозчики и ремесленники – в Алексеевке; торговцы – в районе Пристани; в Модягоу, харбинском «Царском Селе», напротив, – богатые люди, в Новом городе – железнодорожники.

Таким образом, город разделился на обособленные районы: Пристань, Новый город, Модягоу, Старый Харбин, Фудзядянь и Сунгарийский городок. Было еще несколько небольших районов-образований: Алексеевка, Гондательевка, Госпитальный городок, Корпусный городок, Московские казармы, Остроумовский городок, Саманный городок. Поселки и районы города возникали один за другим в разных местах. Уже в 1902 г. их было 5: Старый Харбин, Новый город, Пристань, Мостовой поселок, Затон. Во время русско-японской войны (1904-1905) возникли Корпусный городок, Госпитальный городок, Московские казармы, позднее – Алексеевка, Модягоу, Славянский городок (Нахаловка), Остроумовский городок, Саманный городок и др. Районы города были разными и имели свои особенности: «В каждом из районов и поселков формировались свои группы населения, возводились соответствующие по функции сооружения здания» [19].

Район Пристани развивался исключительно благодаря частной инициативе и без всяких строительных планов. Он возник из первых поселков русских и китайских рабочих, поэтому и застраивался своеобразно: «здесь каменные двух- и трехэтажные дома разбогатевших предпринимателей соседствовали с деревянными избами и глиняными фанзами» [9, с. 26].

Главной улицей Пристани была Китайская (сейчас Центральная). История возникновения этой улицы такова: осенью 1898 г. группы китайцев и маньчжуров самовольно распланировали эту часть Пристани и произвели разметку участков колышками. Контроля за самостроем на свободных территориях в то время не было, так эта улица и осталась на карте города, отсюда и истоки названия, которое дали ей русские. С начала 20-х гг. Китайская занимала центральное положение, была главной магистралью, связывавшей северную и южную части района. С восточной стороны к Китайской примыкало огромное количество улиц, названия которых были русскими: Базарная, Биржевая, Кавказская, Коммерческая, Магази́нная, Монгольская, Мостовая, Русская, Рыночная, Страховая, Тюремная, Сквозная, Широкая, Школьная, Японская.

Китайская улица осталась в воспоминаниях многих старых харбинцев: «Китайская улица оказалась символом одной из основных ипостасей города – торговой... Подобие неко-

его нашего Кузнецкого моста или даже петербургского Невского проспекта в уменьшенном варианте – кирпичная вычурность фасадов с куполами завершения, с «маркизами» полотняными – над стеклом витрин, солидность «торговых домов К^о» во всем национальном многообразии (от Петрова до Цхомелидзе-Митадзе и Ипсиланти), и, конечно, кругло цокающая булыжная мостовая...» [9, с. 26].

Здесь можно было купить любой товар, – не только ширпотреб из Парижа и Токио, но и редчайший китайский антиквариат, и старообрядческие образа, и ювелирные изделия работы русских, китайских и японских мастеров.

Нельзя не упомянуть торговой рекламы, *«этой пестрой листвы на ветке русского дерева – Харбине, безусловно, она была не только важной составляющей любого торгового дела, но и вносила свой русский колорит во внешний облик всего города, в ней чувствуется сильно влияние «языка воздействия» западных образцов – стремление энергично повлиять на покупателя, завоевать его»* [20].

«Астма? Вы задыхаетесь? Мы рекомендуем «Таумаген», капли и таблетки для лечения. Спросите Вашего врача по поводу этих зарекомендовавших себя средств. Представители «Кунст и Альберс», угол Китайской и Биржевой ул. Телефоны: конторы 22-88, дирекции 40-91i12.311.

«Дамы! Зачем пробовать то, что уже давно оказалось негодным? Продолжайте умыться всегда Вашим излюбленным марсельским мылом марки «Свеча», приготовленным на чистом оливковом масле, и Вы не испортите кожу Вашего лица!». Косметический кабинет Доктора Чунихина, Пристань, Китайская улица 33, телефон 48-47, 112 и 51.

«Искусственные зубы всех систем! «Зуботехническая лаборатория зубного техника М.З. Озерова». Ежедневный прием. Харбин-Пристань, Китайская, угол Школьной, 15, кв. 4151.

«Первое время на Дальнем Востоке виноделие «Татос» выпускает наилучшую по качеству и вкусу вина из местного красного и Шаньдунского белого винограда!». Пристань. Пекарная, 10, Шашлычная «Татос», телефон 36-73* 151⁸.

«Прокат автомобилей днем и ночью!». Пристань, Саманная улица 16, телефон 30-04, гараж «Эсек».

На Пристани была сосредоточена почти вся торговая и финансовая жизнь. Здесь жило большинство коммерсантов всех национальностей, было громадное количество коммерческих предприятий, магазинов, складов, здесь же находились все европейские и американские банки, а также Главное Полицейское Управление, давшее название улице Полицейской, Городское Общественное Самоуправление, Биржевой Комитет, давший название улице Биржевой, Окружной суд, Прокурорский надзор, нотариусы и адвокатура и т.д. Все вместе взятое делало эту часть города наиболее деловой и оживленной. Здесь же были расположены городская тюрьма и получившая от нее название Тюремная улица.

Из других улиц следует отметить Мостовую, где с раннего утра и до позднего вечера шла бойкая торговля, Новогородную, на которой располагались исключительно китайские магазины, рестораны и харчевки. Был и тенистый городской сад, в котором находились ки-

⁸ «Татос» – ресторан русской и армянской кухни с таким названием существует и сегодня почти по старому адресу на бывшей Китайской улице.

тайский театр, кинематограф, ресторан, много киосков, оранжерея цветов, водный канал с катанием на лодках и перекидными мостами.

В районе Пристани строились церкви и соборы. 27 мая 1907 г. было завершено строительство церкви Иверской Божией Матери на Офицерской улице, в народе прозванной «военной» церковью.

В этом районе был построен Софийский собор на пересечении Мостовой и Водопроводной улиц. Софийская церковь в Харбине самым непосредственным образом была связана с церковью Святой Троицы в Благовещенске, в народе называемой Шадринской (Шадринский собор в Благовещенске).

Район под названием «Новый город» возник в 1900 г. Он был расположен на возвышенном месте и являлся в топографическом отношении центром Великого Харбина, соединялся с Пристанью конным виадуком, переброшенным через рельсы неподалеку от вокзала КВЖД. Этот район был застроен фундаментальными постройками. Почти все они были окружены садами и палисадниками.

Главной достопримечательностью района была Соборная площадь со знаменитым Свято-Николаевским храмом в центре. Полностью деревянный собор из-за темного цвета бревенчатых стен жители прозвали «шоколадным». Храм был заложен весной 1899 г. по проекту петербургского архитектора И.В. Подлевского.

«Внутри собор украшали прекрасные образцы московского письма. Особенно притягивал к себе внимание большой образ Святителя Николая: глаза Святителя глядели на вас, где бы в храме вы ни стояли» [9, с. 103]. Свято-Николаевский собор долгие годы был центром духовной жизни всей русской Маньчжурии, а после революции – и всего русского Востока.

По праздникам Соборная площадь перед храмом превращалась в людское море. Преимущественно в семьях сохранялись традиции отмечать по православному обычаю календарно-религиозные праздники. Харбинцы особенно были равнодушны к большим праздничным гуляньям. Как правило, праздники включали элементы религиозного, гражданского и военного обрядов. Торжественная часть проходила на площади при большом скоплении народа, представлявшего все социальные слои бывшей России. Праздники начинались молебном и панихидой по жертвам Коминтерна на Соборной площади Харбина, проводились крестный ход, окропление святой водой знамени и строя. В ходе торжества звучал гимн России. Войска проходила парадом, а затем шли гражданская демонстрация и антикоминтерновское общеэмигрантское Собрание. Позже стали включать джигитовку, но эта, исконно казачья традиция в условиях эмиграции стала утрачиваться: ведь «молодежь, выросшая и воспитанная в эмиграции, сплошь да рядом не подходила к коню совсем», – отмечал журнал «Казачий клич», описывая красоту конных состязаний [21].

Настоящим украшением праздников был казачий хор. В его репертуаре были как казачьи песни – «Казачья думка», «Не орел за облаками», «Конь боевой», «Слава казака» и другие, так и русские народные: «В лесу говорят», «Гармония», «Солнце красное» и другие. Такая культурно-просветительская работа была существенной частью образа жизни российской эмиграции, помогала ее объединению, являлась важным средством моральной поддержки на чужбине, сохранения национальных и сословных культурных традиций.

Среди многочисленных улиц Нового Города выделялась Главная. Она была застроена престижными особняками главных начальников отделов и служб Управления КВЖД. Отсюда и ее название [22, с. 108]. Впоследствии здесь находились главные здания: Желсоб, Российское генеральное консульство (с 1911 г.), Генеральное консульство СССР (с середины 20-х гг.), первоклассные гостиницы Гранд-отель, Ориент, Селект, Версаль, Эрмитаж и др. Новый Город быстро рос и развивался. Здесь было много улиц: Ажихейская, Айгуньская, Банковская, Больничная, Большой проспект, Бонеровский проспект, Бульварный проспект, Дальняя, Дровяная, Думская, Железнодорожный проспект, Инженерная, Институтская, Кирпичная, Кладбищенская, Ляоянская, Мещанская, Модягоуская, Мукденская, Нагорный проспект, Новоторговая, Обозная, Пассаж, Пекинская, Портовая, Правленская, Раздельная, Речная, Садовая, Сангинская, Сахалянская, Соборная, Стрелковая, Сунгарийский проспект, Таможенная, Товарная, Хайларская, Хорватовский проспект, Штабная и др.

Преимущество Нового города, резко отличавшее его от Пристани, – это отличный воздух и дивная вода. Вот как описывал Харбин в 1908 г. один из гостей города: «Каждый, кто приезжает первый раз в Харбин, невольно обращает внимание: среди вытянутых в правильные линии одноэтажных, небольших кирпичных домиков, уныло-казарменного типа, которых не скрашивают черепичные крыши с коньками в китайском стиле (речь идет о саманных домах Нового города), – там и сям разбросаны громадные дома самых разнообразных типов и архитектуры. Перед глазами изумленного приезжего встают дворцы в мавританском ренессансе, модерне и других всевозможных стилях, с громадными, иногда в несколько саженей длины и высоты, стенами из зеркального стекла, предназначенные для террас и зимних садов. Изящной и стильной постройки службы и ограды, окружающие эти фудутунские, как их называют в Харбине, дома завершают сходство с дворцами и палаццо» [6, с. 92].

В Новом городе было расположено много официальных учреждений, все иностранные консульства, представительства иностранных фирм и железнодорожный вокзал Харбин-Центральный. Вот некоторые из них: Управление Главногоначальствующего, Земельное Управление, Департамент народного просвещения, Высший Суд, давший название улице Судной, камера Прокурора высшего суда, Главный Почтамт, давший название улице Почтовой, Управление и Правление КВЖД, отсюда Правленская улица, Управление китайскими таможенниками, соответственно Таможенная улица, вокзал, оба Политехникума, несколько гимназий, православный кафедральный собор, католическая и лютеранская церкви и др.

История возникновения другого района-города – Модягоу – связана с таким фактом. По просьбе жителей растущего города в 1907 г. руководство дороги отвело новую территорию для расселения, вернее, – для переселения, ближе к Новому городу, с восточной стороны от речки Модягоу. Эта территория, которую в последующее время стали осваивать более активно, превратилась в один из самых привлекательных «спальных» районов Харбина с названием Модягоу, по названию небольшой речки на границе с Новым городом.

В 1930 г. три больших каменных здания выросли на свободной территории в Модягоу между улицами Дачной и Брусиловской, которые получили свое продолжение. На свободном участке при соединении Сунгарийского и Большого проспектов, а также Речной улицы начато было строительство каменных зданий. Стали застраиваться ряды пустых участков за чуринскими магазинами в Новом городе и в Нахаловке.

Как свидетельствуют данные Коммерческого указателя Великого Харбина (1933), многие улиц этого района сохранили русские названия. Ср.: Банковская (Инь ханцзе), Большой проспект (Да чжи цзе), Бульварный проспект (Цзя шу цзе), Главная (Яо цзинь цзе), Институтская (Тун чэн ши цзе), Конторская (Шан Фан цзе), Маньчжурский проспект (Мань чжу лин цзе), Модягоуская (Ма цзя цзе), Новоторговая (Синь май май цзе), Пекинская (Бей цзин цзе), Почтовая (Ю чжэн цзе), Правленская (Гунн си цзе), Садовая (Хуа юань цзе), Сансинская (Бэй цзяо тан цзе), Соборная (Бэй цзяо тан цзе), Сунгарийский проспект (Сун хуа Цзян цзе), Таможенная (Хай гуань цзе), Товарная (Хо чжан цзе) и многие другие [5, с. 267].

В названиях улиц этого района много патронимических наименований (Брусилловская, Скобелевская, Вершинная и др.), названий, возникших на основе русских гидронимов (Двинская, Днепровская, Печорская), имен русских писателей (Гоголевская) и др.

Патронимические названия улиц впоследствии были изменены: Брусилловская – в Чжун хэ цзе, Скобелевская – в Ши хэ цзе и т.д. Не стало на карте города и русских гидронимических топонимов типа Двинская, Днепровская, Печорская и др.

А вот Гоголевской улице повезло: в 2003 г. было восстановлено ее прежнее название. На информационном портале агентства Синьхуа была опубликована статья «Гуляя по улице Гоголя...», из которой следует, что «свое название она (улица) получила в 1901 году в честь русского писателя-реалиста Н.В.Гоголя. Ее длина 2,7 км. За свою 102-летнюю историю меняла названия: в 1958 году была переименована в проспект Самоотверженной борьбы (Фэньдоулу)» [14].

Исторический облик улицы можно реконструировать по многим фактам и заглянуть в прошлое.

Для многих русских харбинцев, живших в районе Модягоу, земной путь начинался в модягоуской общедоступной лечебнице врачей Тарновского и Челохсаева, расположенной на Гоголевской улице между Дачной и Брусилловской. Здесь были кровати для рожениц. На Гоголевской, 58 велся прием у акушерки Т.С. Масленниковой, которая бесплатно давала советы беременным женщинам. Здесь находилась модягоуская общедоступная лечебница. Здесь же, на Гоголевской, была и амбулатория имени Казим-Бека, врача, известного всему Харбину. На Гоголевской улице жило много частных практикующих врачей, о чем свидетельствуют реклама и объявления тех дней: «Доктор Кривенко В.Т. внутренние, детские (болезни), прием 9-12 и 4-7 ч. вечера; доктор Лыбин А.Г., прием 10-1 ч. и 3-6 ч. , Гоголевская,27» и мн. др. [14].

Здесь же, на Гоголевской, 63 находился аптекарский магазин Ю.П. Ласиса. Помимо перечисленных больниц, амбулаторий и аптек, на Гоголевской было много других, нужных для харбинцев, магазинов, контор, заведений.

На дворах домов висели медные таблички с гравировкой славянской вязью: «Библиотека Афонской А.Ф. Модягоу, Гоголевская, 35; кондитерская Д.И.Азаровского. Модягоу, Гоголевская, 35; Фотосалон Шилова. Модягоу, Гоголевская, 77; винно-бакалейная гастрономическая торговля О.А.Вахткрель. Всегда свежие закуски и заграничные вина. Модягоу, Гоголевская ул., 80» и т.д.

Здесь находились кинематограф «Стар» (Гоголевская ул., угол Балканской), склад сыра и масла (сыроваренный и маслодельный завод в Имяньпо «Сибирь»), винные погреба и мн. др.

Отпевание умерших происходило в Алексеевской церкви (Модягоу, угол улиц Церковной и Сербской) и православно-католическом храме во имя равноапостольного князя Владимира (Модягоу, Балканская ул., угол Ротной).

На Гоголевской находились издательства и магазины: «Харбинское время» (Модягоу, Гоголевская, угол Бельгийской), книжные магазины (Модягоу, Гоголевская ул.), книжный магазин «Букинист» и мн. др.

Реальная жизнь улицы Гоголя наглядно воспроизводит топонимический облик старого, русского Харбина, исторически достоверную топонимическую картину одного из его районов.

Одним из первых районов города был Старый Харбин. Приступая к постройке КВЖД, русские инженеры избрали своей базой небольшой китайский поселок с заброшенным ханшинным заводом, приблизительно в восьми километрах от реки Сунгари, под названием «Сян-фан». Все постройки – 32 фанзы (некоторые были даже кирпичными) и разоренный хунхузами завод – китайцы (владельцы завода и имения) продали железной дороге за 12 тысяч золотых рублей. Вся территория завода вместе с фанзами имела ограждение в виде стен с бойницами в них. На месте ханшинного завода прибывшие рабочие в течение нескольких дней приспособили бывшие китайские фанзы под жилье. Служащие конторы Управления КВЖД, прибывшие сюда первым пароходом 28 мая (по старому стилю) 1898 г., устроились на первое время в этих переоборудованных фанзах.

Немногие знают, что представляют собой ханшинные заводы, а между тем они располагались в непосредственной близости к городу и были весьма оригинальными по устройству.

Кроме курения ханшина, завод размалывал пшеницу, выжимал масло, торговал цза-хо (ширпотребом), скупал хлеб, выдавал ссуды и пользовался даже правом выпускать свои деньги – «дяо». В провинции влияние таких ханшинных заводов в области торгово-промышленной жизни громадно и характеризовалось особенно прочной и постоянной связью с местным населением. Заводы обычно были обнесены валом, на их стенах были бойницы, они имели огнестрельное оружие и в случае нападения хунхузов защищали все население, которое стекалось под защиту стен завода.

Число таких заводов в Маньчжурии весьма значительно. Количество перерабатываемого ими на ханшин зерна достигало 7 млн. пудов.

Именно этот жилой район «Сян-фан» и получил впоследствии наименование «Старый Харбин», ставший первым районом города. Старый Харбин активно развивался в течение примерно трех лет, однако во время боксерского восстания в 1900 г. он был разграблен и сожжен, после чего темпы его роста заметно снизились, а административный центр города переместился в Новый город.

Старый Харбин первостроители долго еще называли колыбелью города, и он действительно таковым был. Еще и 40 лет спустя здесь сохранялись старые здания как память о далеких первых годах. На плане города 1920-х гг. можно видеть прямоугольную планировку Старого Харбина с двумя десятками взаимно перпендикулярных улиц.

По названиям некоторых из них – Лагерная, Обозная, Солдатская, Гренадерская, Драгунская, Пограничная, Армейская, Офицерская, Военная и др. – район гораздо имел больше

сходства с военным городком, нежели с административным центром, каким он в действительности являлся.

Вся первоначальная застройка Старого Харбина состояла из временных сооружений, которые годами перестраивались и заменялись новыми, более капитальными и долговечными. Еще до 1900 г. здесь было начато строительство нескольких зданий, предназначенных для администрации дороги. Центр города в первоначальных замыслах предполагалось устроить в этом районе, а в техническом отделе, находившемся в Старом Харбине, разрабатывались проекты для Нового города. Были здесь усадебные дома главного инженера дороги и его заместителя. Кстати, именно в этом районе появился первый ресторан с европейским названием, который открыл обрусевший немец Кокель. Сюда приезжали покутить даже из Нового города.

На одном из участков, на пересечении улиц Офицерской и Пограничной, располагалась небольшая церковь в честь Святителя Николая, построенная в стиле новгородской архитектуры, якобы копия одной из церквей Царского Села. В этом храме были даже иконы XVII-XVIII вв., пожертвованные жителями старого Харбина.

Здесь же жил новый управляющий по эксплуатации дороги Дмитрий Леонидович Хорват, с 1903 г. управлявший КВЖД и пробывший на этом посту 16 лет. Зимой в Старом Харбине организовывалось катание с горки, очень любимое Дмитрием Леонидовичем. «Нередко можно видеть, как на спине генерала Хорвата, мчавшегося на салазках с ледяной горы, восседала хохочущая и визжавшая детвора» [9, с. 45].

В южном углу Старого Харбина можно было увидеть парк с круглой площадью в центре и восемью радиальными аллеями, расходящимися от нее. Парк занимал целый квартал в границах улиц Охранной, Штабной и Обозной. В те годы это был лучший парк во всем Харбине [9, с. 43].

По поводу происхождения и значения названия «Харбин» существует несколько версий. По одной версии оно означает по-маньчжурски «место, где рыбаки сушат сети или саму сеть». Этот район действительно был пунктом рыболовства.

По другой версии в более давнюю эпоху этот рыбацкий поселок именовался по-маньчжурски «Хара-хин», но затем рыбаки при написании слова «Хара-хин» китайскими иероглифами сделали изменение, превратив его в «Ха ер бин».

Наконец, по третьей версии, слово «Хаербин» произошло от китайского «Хао-Пин», что означает «большая могила».

Старый Харбин возник раньше остальных районов города, но отдаленность от Сунгари помешала его дальнейшему развитию.

Некоторые постройки, возведенные русскими инженерами, предполагавшими вначале сделать Старый Харбин центром КВЖД, были уничтожены шайками «Большого кулака» в 1900 г., когда Старый Харбин был не только разграблен, но и сожжен.

В 1901 г., когда закончилось строительство ряда железнодорожных учреждений, в том числе Правления и Управления КВЖД, административный центр переместился в Новый город. Это решило судьбу Старого Харбина и он приобрел лишь второстепенное значение.

Каких-либо особых достопримечательностей в районе Старого Харбина не было, если не считать дом бывшего управляющего дорогой генерала Хорвата и довольно большой парк.

Поблизости к Старому Харбину, влево от шоссе, впоследствии выросло громадное красивое здание типографии КВЖД. Старый Харбин был связан с другими частями города автобусным движением, которое при скверной дамбе было мучением для пассажиров. С изменением состава в административном аппарате власти у жителей Старого Харбина проснулась надежда, что трамвайная линия будет проведена и к ним, тем более, что население этой окраины было большим, особенно если принять во внимание расположившийся поблизости к Старому Харбину многочисленный китайский поселок.

Промышленного значения Старый Харбин почти не имел, кроме нескольких маслобойных заводов и ханшинного завода. Торговли было мало, за исключением обычных бакалейных китайских лавок. Зато там был построен вокзал, выражавший значение, которое придавали Старому Харбину инженеры-строители.

Район Фудзядяна был расположен на восток от линии КВЖД и населен исключительно китайцами. История этого молодого района весьма интересна. Вначале постройки русскими железной дороги на месте Фудзядяна стояла лишь одна китайская фанза, где жил бедный китаец Фу со своей небольшой семьей. С оживлением строительства эта фанза стала развертываться в гостиницу. Позже появился ряд домов, образовавших в результате целый поселок.

Поселок этот рос не по дням, а по часам и постепенно превратился в богатый промышленный Фудзядян. Быстрому росту этого района способствовало массовое переселение рабочей силы из южной Маньчжурии и Китая, а впоследствии сюда из различных частей Китая устремились коммерсанты, благодаря которым в Харбине возникло много фабрик, заводов, мельниц, крупных торговых фирм, шикарных ресторанов и гостиниц, всевозможных магазинов.

Больно ударило по промышленности Фудзядяна наводнение. Простояв несколько месяцев в воде, Фудзядян вынужденно остановил свою деятельность, в результате чего потерпел огромные убытки.

В Фудзядяне было сосредоточено текстильное производство на 5-й, 13-й, 14-й, 16-й, 17-й, 18-й и 20-й улицах. Здесь день и ночь гремели ткацкие станки. Работали тысячи людей, большинство которых далеко не достигло рабочего возраста. Предприятия вырабатывали одеяла и сукна, которые, кроме местного рынка, шли в Мукден, Пекин, Шанхай, Инкоу и другие города. Трикотажных фабрик насчитывалось 22, их дневная производительность была велика.

Неподалеку от таких фабрик располагались красильные мастерские.

По торговым оборотам Фудзядян во много раз превзошел Пристань. Громадное количество оптовых складов питало всю мелочную торговлю Харбина. Отсюда же поступали для всего города свежая рыба, птица, яйца, прочие продукты питания и первой необходимости.

Названия улиц этого китайского района были по номерам: Первая, Вторая, Третья и т.д. Главная улица содержалась в полном порядке и всегда была оживлена. По вечерам сплошная иллюминация делала ее особенно красивой. Другие улицы были неблагоустроенными, грязными.

В конце Фудзядяна, по направлению к 20-й улице, находился большой сад. Там были театр, киоски, игры, фонтаны с живой рыбой и оранжерея цветов. От гостиницы «Новый мир», находившейся на 16-й улице, начиналась линия трамвая, которая доходила до центрального вокзала в Новом городе. Большое оживление весной, летом и осенью вносили па-

роходные пристани на реке Сунгари. Против 17-й и 18-й улиц располагалась верфь, где строились небольшие пароходы.

Сунгарийский городок, известный под названием «Нахаловка», находился за железнодорожной насыпью в непосредственной близости к Пристани. С Новым городом эта местность соединялась пешим виадуком за товарной конторой КВЖД, в западной части поселка протекала Сунгари, на берегу которой были расположены главные механические мастерские и жилища большинства рабочих и мастеровых КВЖД.

Низменная местность, занятая Сунгарийским городком, заливалась во время наводнений, поэтому район был опасным для здоровья и жизни.

Заселена была Нахаловка в большей части наиболее беднейшими эмигрантами, и только потом здесь стали вырастать целые кварталы с китайским населением. Жители поселка вели небольшие скотоводческие хозяйства или добывали хлеб насущный подневной работой. Поселок находился в антисанитарном состоянии.

Нахаловка была в большей части промышленным районом. Здесь находились лесозавод, газовый завод, Главные механические мастерские железной дороги, выходившие к Сунгари, паровозное депо и др.

Как и в других районах города, здесь воздвигались культовые постройки. В 1922 г. была построена Петропавловская церковь. В 1943 г., по свидетельству Н.П. Крадина, ее стали перестраивать, и «этот, по-видимому, православный храм стал последним из построенных в Харбине» [9, с. 66].

Наименования улиц свидетельствуют о функциональном назначении района. Ср., например: 1-я, 2-я Дёповская, Трактовая, Электрическая и др. В то же время, поскольку поселок активно начал застраиваться с увеличением потока беженцев из России в 20-е гг., именно здесь широкое распространение получили микротопонимы, содержащие информацию об этническом составе населения и о его связи с покинутой Родиной. Так появились улицы Албазинская, Бурятская, Варшавская, Владимирская, Житомирская, Зейско-Атаманская, Киевская, Малая Киевская, Ковельская, Псковская, Севастопольская, Тверская, Харьковская, Хинганская и др.

Наименования нескольких улиц этого района связаны с особенностями ландшафта, например, улица Болотная. Общеизвестно, что район Нахаловки «был заболоченным и мало пригодным для жилой застройки» [9, с.31].

Таким образом, система названий районов и улиц «сунгарийской столицы», возникших в эпоху становления и развития русского Харбина, осознавалась жителями города как особая микротопонимическая система. Существование ее было обусловлено близостью расположения микротопонимических объектов относительно того или иного географического пункта (реки, болота, возвышенности и т.д.), широкой известностью микротопонима в микрорайоне; хозяйственной, социальной, культурной значимостью его в жизни населения, этнической многослойностью населения и другими факторами.

Состав наименований районов и улиц города показывает, что каждый из них имел свои особенности в номинации, что и обусловило специфический культурный ландшафт русского Харбина. Микротопонимы «сунгарийской столицы» позволяют современникам проникнуть в

мир прошлой жизни наших соотечественников и представить себе их видение мира, глубже познать особенности культуры, языка, быта и обычаев.

Названия многих микротопонимов «сунгарийской столицы» оказались недолговечными. Были переименованы и многие районы города. Но под слоем новых наименований сохранились старые топонимы русского Харбина в китайской огласовке (см. выше).

ЛИТЕРАТУРА

1. Великий Харбин. Коммерческий указатель Великого Харбина. – Харбин, 1933.
2. Русский православный календарь на 1936 год. – Харбин, 1936.
3. Город Харбин и его пригороды по однодневной переписке 24 февраля 1919 г. – Харбин. Т. 1. Вып. 1, 1913; Вып. 2, 1914.
4. План города Харбина 1938. Изд. А.М. Урбанович. Исправлено и дополнено редакцией журнала «Политехник». – Сидней, Австралия, 1941.
5. Великая Маньчжурская империя. К 10-летнему юбилею города Харбина и КВЖД // Материалы конференции. – Новосибирск 1998.
6. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. – М.: Наука, 1991.
7. Русский Харбин / Сост. Е.П. Таскина. – М.: Изд-во МГУ, 1998.
8. Ли Шу Сяо. Харбинские исторические хроники (летопись) (1763-1949 гг.). – Харбин, 2000 (на кит. яз.).
9. Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск: А.Ю. Хворов, 2001.
10. Алабамский В.П. Русские в Харбине. 1920-1940 гг. Фотоархив (<http://frontiers.nsc.ru/index.php?id=2179&showcoll=48&f=1&media=4>).
11. Лундстрем Олег и его оркестр. Биография (<http://www.lundstrem-jazz.ru>).
12. Полонский А. Русская Маньчжурия. На сопках, покрытых мглой... 2005 г. (<http://www.kastopravda.ru/kastalia/russia/manchjur.htm>).
13. Разжигаева Н.П. Под покровом Святителя Николая Мирликийского (<http://russian-harbin.com/content/view/120/>).
14. Синьхуа Ньюс. Гуляя по улице Гоголя. Xinhuanet news 27/01/2004 г. (<http://www.xinhuanet.com>).
15. Тулакпаев Р.У. Харбин. Памятные даты. 2006 г. (<http://polusharie.com/index.php/topic,44233.0.html>).
16. «Жэньминь жибао» (газета он-лайн, на кит.яз.) (<http://russian.people.com.cn/>).
17. Топоров В.Н. О палийской топономастике. Ономастика Востока. Исследования и материалы. – М., 1969. – С. 33-34.
18. Городские имена сегодня и вчера. Ленинградская топонимика / сост. С.Алексеева, А.Владимирович, А.Ерофеев и др. Добровольное общество любителей книги РСФСР, Ленинградская организация / РПК «Лик», 1990.
19. Иванов Вс.Н. Харбин. 20-е годы // Русский Харбин / Сост. Е.П. Таскина. – М.: Изд-во МГУ, 1998.
20. Харбинские газеты и журналы: «Заря» (1922-1937 гг.), «Рубеж» (1931, 1937, 1938) и др.
21. Топонимический словарь русских названий улиц Харбина / Коммерческий Вестник Великого Харбина 1933 г. – Харбин, 1933.
22. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1975. – С. 108.

НАЗВАНИЯ УЛИЦ СТАРОГО РУССКОГО ХАРБИНА: ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ

*Флаг Российский. Коновязи.
Говор казаков.
Нет с былым и робкой связи, –
Русский рок таков.
Инженер. Расстегнут ворот.
Фляга. Карабин.
«Здесь построим русский город,
Назовем – Харбин».*

А.Несмелов

Харбин – центр провинции Хэйлуцзян – известен в Китае русскими историческими традициями. В настоящее время это крупный политический, экономический, торговый, научно-технический, информационный, туристический и культурный центр, а также главный транспортный узел в Северо-Восточном Китае. «Город включает 8 подведомственных районов и 11 уездов, площадь территории его округа составляет 53 тыс. кв. км, население – более 9 млн. человек» [1].

Как объект изучения Харбин представляет интерес в силу своей уникальности. Специфика города заключается как в географическом положении, в этнической неоднородности населения, так и в историческом прошлом этого русского островка в Китае.

В его строительстве ведущую роль сыграли русские инженеры и архитекторы. Харбин, построенный русскими людьми, стал для них после революции 1917 г. эмигрантским пристанищем, «своим городом» на чужбине. Сюда стекались изгнанники из Забайкалья, Сибири, дальневосточных городов. Невозвращенцами в Россию стали по воле судьбы и те из русских, кто приехал строить Харбин задолго до революции.

Среди десятков населенных пунктов, появившихся вдоль новой железной дороги – КВЖД, – Харбин стал центром, а впоследствии и самым крупным городом Маньчжурии.

Основу статьи составили 366 наименований харбинских улиц, извлеченных из старых карт города, мемуарной и специальной литературы, других источников [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Уже «в 1912 г. (в Харбине – *Л.Ш.*) появилось решение о введении табличек на домах с указанием их номеров и названий улиц» [7, с.34]. О русском «духе» старого Харбина написано немало статей, монографий, книг.

Один из аспектов, не получивших отражения, – это наименования русских улиц Харбина. Настоящая статья ставит целью восполнить этот пробел в истории русского Харбина.

Анализ наименований позволил осуществить их тематическую классификацию. В основу классификации были положены следующие признаки номинации, отражающие способ представления в названии действительности: наличие выдающегося объекта; этнический состав населения; производственный (трудовой) признак; принадлежность коллективу; социальная доминанта населения; торгово-транспортный признак; соотносимость названия с определенным человеком, известной личностью или историческим событием; особенности

флоры территории; религиозный признак; административный; особенности объекта (возраст, внешний вид, размер, расположение и т. д.); соотнесенность названия с другим топонимом.

Наблюдение над микротопонимами позволило выделить следующие группы по числу составляющих наименований. Наиболее многочисленной является группа, включающая названия, связанные с выдающимся объектом, находящимся в границах той или иной улицы. Ее состав – 40 наименований.

Несколько меньше названий (36), в основе номинации которых лежит признак качества, отличающий данную улицу от всех других. При этом самыми продуктивными являются такие признаки как особенности расположения и размер.

Третьей по объему является группа оттопонимических названий, в которую входит 35 наименований. В основе 23 из них лежат известные ойконимы, другие 12 образованы от гидронимов.

Далее, по убывающей, следуют группы патронимических наименований по торгово-транспортному признаку, мемориальные, по принадлежности к коллективу, по трудовому признаку, по этническому составу, административные и религиозные, наименования по производственному признаку, фитотопонимы. По социальной принадлежности – лишь улицы Мещанской.

В Харбине было немало и порядковых наименований улиц. Например, 2-6 Круговая, 1-15 улица, 2-7 Продольная, 2-3 Радиальная, 1-5 Поперечная и др.

Перечень наименований харбинских улиц, помимо тематической классификации, был подвергнут и словообразовательному анализу, в результате чего определены доминирующие в харбинской микротопонимии словообразовательные модели. Наиболее продуктивная модель (132 наименования) представлена прилагательным женского рода с суффиксом *-ск-* (например, ул. Амурская, Бородинская, Воронежская, Киевская, Армейская, Монгольская, Русская, Японская и др.)

Второе место по продуктивности занимает модель, послужившая для создания 109 наименований. Названия этой группы имеют форму прилагательного женского рода с суффиксом *-н-* (например, ул. Базарная, Болотная, Вагонная, Дачная, Заливная, Лесная, Пекарная, Причальная и др.).

Значительно меньше наименований, образованных при помощи суффиксов *-ов-/-ев-* и нулевого суффикса: 22 и 15 единиц соответственно (например, ул. Трудовая, Чистая и др.).

Немногочисленна группа названий, созданных при помощи сложносуффиксального способа словообразования. Таких примеров всего 9 (например, ул. Новоселовская, Старохарбинское шоссе и др.)

Наблюдается, правда, незначительный, процент наименований, представленных не в форме прилагательного женского рода, как в подавляющем большинстве названий, а в форме существительного в родительном падеже (к примеру, ул. Вершинина, Чехова и др.).

Топонимический фонд старого Харбина представлен множеством разнообразных наименований улиц, где нашли отражение практически все ведущие принципы номинации, известные в лингвистике. Названия улиц характеризовались разнообразием даже на начальном этапе строительства. Рассмотрим подробнее эти наименования.

Для людей всего земного шара характерно стремление связать конкретную территорию с выдающимся объектом, находящимся на ней и определяющим тем самым ее специфику.

Русские харбинцы не были в этом случае исключением. Примером может служить район Пристани, названный так по объекту, находящемуся там.

Улица, на которой разместился ряд магазинов, начиная с небольших киосков и заканчивая универмагами, изобилующими всевозможной продукцией, получила название Магази́нной. Улица, где находился какой-либо значимый объект, могла называться, к примеру, Тюремной.

По оси Нового города, одного из районов Харбина, протянулся Вокзальный проспект, поднимавшийся от просторной, полуциркульной в плане привокзальной площади. Здесь располагались здания гостиницы, Русско-Китайского банка, центральная больница. С одной стороны проспект замыкался Свято-Николаевским собором, а с другой – зданием вокзала, по которому и была названа улица.

На Школьной улице располагалась харбинская школа, на Больничной – больница. Улица Полицейская была названа так в честь основанной здесь в 1899 г. первой харбинской полиции. Улица Таможенная была названа по находящейся на ней таможне.

Номинация по объекту легла в основу значительной части топонимов города и представлена в таких наименованиях: Аптекарская, Батальонная, Биржевая, Ветеринарная, Водопроводная, Гарнизонная, Дачная, Заводская, Институтская, Искровой бульвар (там располагался искровой телеграф), Кладбищенская, Конторская, Корпусная, Лагерная, Магази́нная, Мостовая, Пекарная, Полицейская, Портовая, Почтовая, Пристанская, Причальная, Приютская, Ротная, Соборная, Таможенная, Телеграфная, Траншейная, Участковая, Ханшинная, Церковная, Штабная.

При топостилизации может быть актуализован такой признак как национальность. Для Харбина, ввиду его многонационального состава, этот принцип также оказался весьма актуальным. В итоге возникли следующие названия улиц: Бурятская, Китайская, Монгольская, Румынская, Русская, Сербская, Славянская, а также Японская, Маньчжурский проспект и др.

Так, Китайская улица, главная артерия района Пристани, была главной магистралью, связывающей северную и южную части района. «Китайская улица, ныне именуемая Центральной, и сегодня играет роль главной планировочной и композиционной доминанты района Пристань, хотя автомобильное движение по ней запрещено. Постепенно застраиваясь, она все более приобретала вид самой фешенебельной, нарядной и обустроенной улицы не только в районе, но и во всем городе. Улица всегда была многолюдной, с огромным количеством магазинов. Ее легко преодолеть пешком, т.к. длина улицы составляет всего 1450 метров. Здесь много памятников архитектуры и здесь присутствует целостная историческая среда, наполненная всеми сопутствующими ей атрибутами. Упираясь в набережную реки Сунгари, она заканчивается просторной площадью с памятником. Как градостроительная примечательность включена в перечень охраняемых государством памятников» [7, с. 50].

Ряд микротопонимов старого русского Харбина отразил производственную деятельность жителей города, трудовые навыки, их социальный статус. Это такие наименования улиц как Ветеринарная, Егерская, Инженерная, Коммерческая, Кузнечная, Механическая, Охранная, Пекарная, Слесарная, Столярная, Строительная, Техническая, Электрическая, Ямская и др. По роду деятельности проживавшего населения характеризуются названия улиц Армейская и Военная. Возникновение двух последних наименований связано с историческими событиями русско-японской войны.

След военных мероприятий на территории города запечатлен и в наименованиях, выделенных на основании принадлежности коллективу. В старом русском Харбине этот признак отражен в наименованиях улиц Артиллерийской, Гренадерской, Драгунской, Интендантской, Офицерской, Саперной, Солдатской, Стрелковой и др. Названия отражали размещение в Харбине русских войск во время русско-японской войны и создание целого военного городка для нужд воюющих армий. Несмотря на завершение военных операций и упразднение армейских корпусов, поселков, улицы сохранили свои названия и после окончания войны.

Ни один населенный пункт не в состоянии обойтись без торговых организаций. Этот фактор не мог не отразиться в топонимике Харбина. Названия улиц Новоторговая, Рыночная, Базарная, Товарная свидетельствуют об общественной важности торговли для харбинцев. А в наименовании таких улиц как Вагонная, Гужева, Дёповская, Железнодорожный проспект, Конная, Обозная, Магистральная, Путевая, Разъезжая, Трактовая, Трамвайная и многих других отражена важность транспорта в инфраструктуре города.

Патронимические названия – по именам и фамилиям людей – также продуктивны в наименованиях улиц старого русского Харбина. Это улицы Антоновская, Владимировская, Зоринская, Игоревская, Константиновская, Максимовская, Митрофановская, Михайловская, Надеждинская, Олеговский переулок, Сергиевская, Соболевская, Татьянинская и др.

Порой нелегкую задачу представляет разграничение патронимических и мемориальных наименований, увековечивающих события или выдающихся людей, героев. Часто со временем теряется связь между названием улицы и личностью, с именем которой оно связано. По этой причине ряд мемориальных наименований переходят в разряд патронимических, поэтому наиболее устойчивы в данном случае названия, производные от имен всемирно известных людей или национальных героев. Соотнесение топонимов со знаменитыми личностями – черта, характерная как для России, так и для многих других народов.

В старом русском Харбине примером таких наименований могут служить названия улиц Брусиловская, Вершинина, Гондатти, Ильинский бульвар, Львовская, Скобелевская, Хилковская. Так, улица Хилковская названа в честь князя С.Н. Хилкова, стоявшего во главе строительного комитета, организованного в 1903 г. и осуществившего строительство великолепной Благовещенской церкви. Можно предположить, что Ильинский бульвар соотносится с именем Ф.Ф. Ильина – профессора и инженера, лектора кафедры строительного искусства и вентиляции в Харбинском Политехническом институте (ХПИ). Улица Гондатти была названа в честь Николая Львовича Гондатти, генерал-губернатора Приамурского края в 1911-1917 гг., затем эмигрировавшего в Харбин и долгие годы занимавшего должность управляющего КВЖД.

Мемориальны наименования улиц в честь русских писателей, ученых – Толстого, Чехова, Шевченко, Ломоносова, Некрасова, Гоголя. Ведь русское население старого Харбина было большей частью образованным и не могло не гордиться талантливыми соотечественниками.

Среди наименований русских улиц довольно широко распространены фитотопонимы – названия, связанные с растительностью. В Харбине группа подобных наименований немногочисленна. При каждом доме вдоль улицы Садовой были небольшие садовые участки, отчего улица и получила такое название. На самой же Садовой был разбит сквер длиной в два

квартала, с круглой клумбой в центре. Весь район особняков вокруг сквера представлял собой настоящий сад-город в миниатюре. Лесная улица, утопавшая в зелени многочисленных аллей, также оправдывала свое название.

В топонимии Харбина отображены названия религиозного и культового характера. Принцип номинации улиц по церковным праздникам свидетельствует о православном вероисповедании как о национальной черте русского характера. Церковь всегда была местом объединения представителей русской диаспоры в Харбине. Русские харбинцы в подавляющей части были религиозны, широко отмечали церковные праздники, соблюдали посты, трепетно относились к русским православным канонам, воспроизводя многовековую традицию родины. «К началу 1940 г. в Харбине было более двадцати православных храмов и более десятка культовых построек других конфессий» [7, с. 83].

Влияние религии также отразилось на названиях улиц города. Великий церковный праздник Воздвижения Креста нашел отражение в названии улицы Крестовоздвиженской, Сретение Господне – в наименовании улицы Сретенской, Благовещение Пресвятой Богородицы – в Благовещенской. А названия Борисовская и Глебовская ассоциируются с именами первых русских святых Бориса и Глеба, «князей, канонизированных Русской Церковью в XI в.» [8, с.40]. Обращаясь к православию, русское население старого Харбина стремилось воссоздать в строящемся городе атмосферу далекой России, перенося ее культурные ценности на новое место жительства, в том числе на названия улиц.

В названиях улиц города отразились также особенности административного деления, о чем говорят такие названия улиц как Административный бульвар, Главная, Думская, Правленская и некоторые другие.

Часто ведущим признаком в названии была характеристика особенностей самого объекта, его размеры, форма, возраст, отличительные признаки, положение. Это названия таких улиц как Болотная, Большой проспект, Кирпичная, Короткая, Косая, Кривая, Крутая, Линейная, Насыпная, Новая, Саманная, Чистая, Широкая и другие. Признак формы активизируется в таких наименованиях как Косая, Кривая, Линейная. По возрасту названа всего одна улица – Новая; уместно заметить, что практически в каждом русском городе существует улица с аналогичным названием.

Внешний вид географического объекта, его особенности положены в основу номинации улиц Болотной, Глухой, Кирпичной Крутой, Насыпной, Чистой и Саманной. Последняя застраивалась зданиями из самана – кирпича-сырца из глины и навоза. Улица Болотная изначально находилась на затапливаемой местности. К номинации по внешнему виду можно отнести и улицу Королевскую, – очевидно, внешняя привлекательность улицы стала основой для ее наименования.

Улицы Широкая, Короткая и Большой проспект названы по их размерам. В наименовании последнего сочетаются как размер, так и выражение степени значимости. Проспектом обычно называют «большую, широкую, прямую улицу» [9]. Здесь были расположены самые крупные комплексы зданий: Железнодорожное собрание (Желсоб), штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, Московских торговых рядов, Управление КВЖД, коммерческие училища (мужское и женское). Кроме того, тут же были построены «несколько шикарных двухэтажных особняков с шатровыми завершениями, которые вместе с остро-

верхим Свято-Николаевским собором составляли неповторимую панораму этой части города» [7, с. 54].

Расположение улицы по отношению к другим объектам также определяло ее название. Так, в старом, русском Харбине были улицы Набережная и Речная, названные так по их отношению к реке Сунгари, а также Дальняя, Диагональная, Загородный проспект, Западный бульвар, Низкая, Окружная, Поперечная, Продольная, Сквозная, Спускная, Центральная. Улица Раздельная получила название из-за своего положения – она выступала границей двух соседствующих городков, европейского и китайского (поселков Алексеевка и Модягоу). Аналогично стал называться Пограничный проспект.

Иногда основанием для наименования улиц были другие топонимы, производные от наименований городов, рек, стран и других географических объектов разных уголков России. Многочисленна группа, название которой составляют ойконимы: улицы Албазинская, Варшавская, Владивостокская, Воронежская, Житомирская, Иркутская, Киевская, Красноярская, Московская, Псковская, Сахалинский переулочек, Севастопольская, Сибирская, Тверская, Харьковская, Хабаровская.

К примеру, Албазинская улица была названа в честь с. Албазино в Амурской области – одного из первых русских поселений XVII в. (крепость Албазин) в Приамурье; Хабаровская улица – в честь города Хабаровска, названного по имени Е.П. Хабарова, русского землепроходца XVII в., положившего начало освоению Приамурья.

Носят на себе след известных гидронимов такие названия харбинских улиц как Белозерская, Ильменская, Ладожская, Онежская, Чудская – названия, связанные с крупными озерами России (улицы в районе Московских Казарм), а также производные от названий крупных рек – Амурская, Ангарская, Донская, Двинская и др.

Многочисленность «переносных» наименований объясняется тем, что старые русские харбинцы трепетно относились к своему прошлому и пытались создать островок русской жизни в Китае. Вместе с собой в далекий край они уносили дорогую сердцу память о родине, окружая себя именами родных городов, речек, озер и районов, превращая молодой город в маленькую Россию, перенося образы своей страны в чужие земли. Слово «родина» не было для русских харбинцев пустым звуком, они любили ее, гордились ею и стремились запечатлеть в новых наименованиях ее славу и достижения.

Что касается наименований, не характерных для русской культурной традиции и несущих отпечаток иноязычного влияния, следует сказать о номинации улиц по номерам. В разных районах города встречаются названия 1-10 улицы (Саманный городок), 1-4 линии, 1-18 улицы, Малая 6 улица, Большая 6 улица (Фу-дзя-дань), 1-7 Продольные улицы, 1-5 Поперечные улицы (поселок Алексеевка), 1 и 2 Радиальные улицы (Славянский Городок). В районе Фу-дзя-дань многие улицы изначально носили китайские наименования, они не переводились и не подвергались русскоязычному влиянию.

Китайские топонимы положены в основу номинации некоторых улиц в районе Нового города. Однако их наименование функционирует по законам русского языка. Таким образом, несмотря на иноязычные корни, легшие в основу таких названий улиц как Айгуньская, Гиринская, Куанченская, Ляоянская Мукденская, Модягоуская, Нингутинская, Сансинская, Сахалинская, Телинская, Унгинская и др., они являются русскими топообразованиями.

Старый русский Харбин, будучи оторванным от России, строился и развивался так же, как другие русские города. Его топонимический фонд свидетельствует о национальном мировосприятии россиянами действительности и об отражении их познавательной деятельности в языковой номинации.

Это подтверждает и сравнительный анализ топонимики Харбина с микротопонимами других русских городов. Сопоставление карт Харбина и Москвы привело нас к заключению, что часть наименований улиц этих городов совпадает. При этом наиболее часто встречаются названия-мигранты (улицы Ангарская, Амурская, Иркутская, Киевская, Красноярская, Кубанская, Ладожская, Московская, Онежская, Сахалинская, Тверская, Хабаровская, Харьковская). Совпали в своих наименованиях и другие улицы сопоставляемых городов: улицы Аптекарская, Большая, Борисовская, Главная, Инженерная, Казачья, Кирпичная, Лесная, Магистральная, Новая, Озерная, Почтовая, Путевая, Сигнальная, Сергиевская, Скобелевская, Солдатская, Строителей, Центральная, Широкая, Школьная и многие другие.

Аналогичное сопоставление наименований русских харбинских и благовещенских улиц обнаружило эту же тенденцию. Ср., например, одинаковые наименования улиц обоих городов: Амурская, Артиллерийская, Батарейная, Больничная, Заводская, Загородная, Институтская, Конная, Кузнечная, Ломоносова, Магистральная, Мостовая, Новая, Почтовая, Речная, Широкая, Школьная, а также ул. имени Чехова, Шевченко и др.

Во второй половине XX в. в силу известных исторических событий русских в Харбине стало меньше. Теперь Харбин уже не был русским городом. С переменой власти, как это всегда случается, изменился и культурный фон города. Однако, отдавая дань прошлому, заметим, что пышный культурный расцвет города пришелся именно на русский период. Изменение политики и идеологии повлекло за собой и переименования в топонимии города. Наиболее неустойчивыми оказались названия улиц, связанные с русской культурной спецификой. Эти наименования были чужды для китайцев. Поэтому многие улицы были переименованы. Так, исчез обильный пласт топонимов, отражающих армейскую терминологию (Гренадерская, Дивизионная, Драгунская, Офицерская, Солдатская и т. п.). Не сохранились и наименования, производные от русских имен и фамилий, русских топонимов, названий православных праздников, например, Крестовоздвиженская, Сретенская, Борисоглебская и др.

Самыми устойчивыми к переименованию оказались топонимы, в основу которых были положены общие принципы языковой номинации. Такие микротопонимы ориентированы на географическое, физическое пространство, существующее вне зависимости от человека, его деятельности. Это наименования по объекту, расположению, внешнему виду. Большинство таких названий были переведены на китайский язык, изменив только внешнюю оболочку. Ср., например: Базарная (Сы Дао цзе), Болотная (Ань ин цзе), Больничная (И юань цзе), Инженерная (Гунн чэн ши цзе), Институтская (Сюэ юань), Конторская (Шан Фан цзе), Новая (Си сяо ли), Пекарная (Мень бао цзе) и многие другие.

Анализируя названия улиц, образованных от русских топонимов типа Ангарская, Воронежская, Днепровская, Донская, Иркутская, Красноярская, Кубанская, Малая Киевская, Московская, Нерчинская, Омская, Печорская, Читинская, мы убедились, что они отсутствуют на харбинских картах середины XX в. Не сохранились также наименования улиц, образованные от собственных имен, – Антоновская, Борисовская, Вершинина, Малая Соболевская,

Митрофановская, Толстовская, Чеховская и др. Однако улица Гоголевская сохранила свое название, что говорит о признании китайцами реалий русской культуры.

Топонимические названия создаются на базе языковых единиц конкретного языка с использованием словообразовательных моделей, словосочетаний и даже предложений, – например, улицы Крестовоздвиженская, Театральная, 50 лет Октября и т.п.

Сходство топонимических моделей с обычными словообразовательными моделями апеллятивов, типами слов, словосочетаний и предложений ограничивается только этим. Далее наблюдаются существенные различия. Как только слово или словосочетание превратилось в географическое название, оно сразу становится именем собственным, и эта особенность за ним прочно закрепляется. «Превращение слова или словосочетания в имя собственное означает вместе с тем его изоляцию от остального языкового материала. Топонимическое название начинает вести себя особо. Прежде всего оно приобретает необычайную устойчивость. Могут исчезать с лица земли народы и их языки, но топонимические названия как своего рода имена собственные, ничего иного не обозначающие, кроме объекта, за которым закрепились, легко усваиваются другими народами и таким образом могут сохраняться в течение тысяч лет. Если словарный состав языка постоянно обновляется, то для топонимических понятий характерна устойчивость» [10, с. 342].

Наименования харбинских улиц следуют законам словообразовательной системы русского языка. В основном топонимы представлены простыми словами – Большая, Пограничная, Прибойная, Разъезжая, Сергиевская, Широкая. Встречаются, хотя и редко, в названиях улиц сложные наименования – Крестовоздвиженская, Новгородная, Новоторговая и т.п.

Ведущими словообразовательными моделями, по которым созданы наименования харбинских улиц, являются следующие.

1. Корень слова + суффикс *ск* + флексия женского рода.
2. Корень слова + суффикс *н* + флексия женского рода.

Реже встречаются наименования с нулевым суффиксом и суффиксом *ов*.

К первой группе относятся наименования Аргунская, Аптекарская, Варшавская, Владимирская, Драгунская, Егерская, Житомирская, Заводская, Зоринская, Кавказская, Ладожская, Львовская, Монгольская, Офицерская, Полицейская, Русская, Солдатская, Техническая, Тибетская, Ямская, Японская и мн.др.

Вторая группа представлена названиями типа Базарная, Болотная, Военная, Водопроводная, Главная, Дальняя, Диагональная, Заборная, Конная, Линейная, Лесная, Магази́нная, Магистральная, Насы́пная, Окру́жная, Отливная, Пекарная, Причальная, Прибойная, Продовольственная, Речная, Рыночная, Сквозная, Спускная, Строительная, Таможенная, Товарная, Трамвайная Школьная и др.

К наименованиям, образованным с помощью суффиксов *-ов/-ев-* или нулевого форманта, относятся Большая, Боевая, Благовещенская, Глухая, Гужевая, Косая, Кривая, Круговая, Крутая, Маневровая, Малая, Мостовая, Новая, Полевая, Полковая, Портовая, Пороховая, Почтовая, Разъезжая, Садовая, Стрелковая, Страховая, Строевая, Трактовая, Трудовая, Торговая, Участковая, Чистая, Широкая и т.п.

Наиболее продуктивной моделью является первая, послужившая основой большинства наименований улиц Харбина.

В основу наименований харбинских улиц легли как апеллятивная лексика, так и собственные имена. Среди производных топонимов от собственных имен можно выделить те, которые образовались от наименований других населенных пунктов (Воронежская, Житомирская, Румынская, Харьковская, Харбинская и т. п.), гидронимов (Амурская, Донская, Днепровская, Ильменская, Ладожская, Онежская, Сунгарийская и др.), имен и фамилий (Владимирская, Игоревский переулок, Борисовская, Гоголевская, Сергиевская, Скобелевская, Татьянинская, Толстого, Шевченко и т.п.).

Что касается характеристики рассматриваемых топонимов по грамматическому признаку, то безусловной доминантой здесь является прилагательное в форме женского рода именительного падежа. Это справедливо как для апеллятивов, так и для мемориальных названий. Если в названии русских улиц распространенной является форма родительного падежа существительного (например, улицы Ленина, Рулева, Горького), то в старом русском Харбине в патронимах произошла трансформация – передача того же значения при помощи слов другой частеречной принадлежности. Например, улицы, названия которых связаны с такими личностями как Хилков, Борисов, Ильин, Соболев, Брусилов, Максимов и др., выражаются не в форме существительного в родительном падеже (например, улица Борисова, Брусилова, Ильина, Максимова, Соболева, Хилкова и т.д.), а при помощи прилагательного в именительном падеже – Борисовская, Брусиловская, Ильинская, Максимовская, Соболевская, Хилковская. Примерами могут служить и другие названия: Антоновская, Владимировская, Игоревская, Ковельская, Константиновская, Митрофановская, Михайловская, Надеждинская, Сергиевская, Скобелевская, Татьянинская.

Однако часть наименований все же представлена в форме существительного в родительном падеже – улицы имени Вершинина, Гондатти, Толстого, Ломоносова, Чехова, Шевченко, Некрасова, проспект Сюя. Наименования этой группы, в соответствии с русской традицией, в повседневной речи становятся эллиптическими. В обычном употреблении теряется первая часть наименования («имени») и название улицы звучит как ул. Гондатти, Толстого, Чехова и т.п.

В заключение можно сказать, что микротопонимика старого, русского Харбина отразила мировоззрение русских как на ассоциативном уровне, так и в плане формального выражения, что еще раз подтверждает доминирующую роль русской культуры в формировании топонимического пространства города.

Пространство и историческое прошлое Харбина воспринимаются через заполняющие их объекты: пространство – через улицы, переулки, проезды, районы и т.д. старого Харбина, а время – через заполняющие, проявляющие его события. «Бытие определяется тремя основными параметрами: онтологическим, пространственным и временным» [11, с.172].

Микротопонимы старого русского Харбина, находясь в эпицентре жизнедеятельности русского человека, были ориентированы на создание конкретного пространства. Воспринимая окружающее пространство, опираясь на свой опыт, культурное и историческое прошлое, русский человек с помощью топонимов создал неповторимый образ русского города. Это определенный аспект видения мира, поэтому микротопонимы города представляют собой особый региональный фрагмент разносторонней языковой картины мира. И в этом их ценность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харбинская туристическая карта Харбина. – Харбин: Харбинское издательство карт, 2002.
2. Великий Харбин. Коммерческий указатель Великого Харбина. – Харбин, 1933.
3. План города Харбина. Изд. А.М.Урбанович. – Харбин, 1938.
4. Русский православный календарь на 1936 г. – Харбин, 1936.
5. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. – М., 1991.
6. Таскина Е.П. Русский Харбин. – М., 1998.
7. Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск, 2001.
8. Федотов Г.П. Святые Древней Руси / Предисл. Д.С.Лихачева и А.В.Меня. Комментарий С.С.Бычкова. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 40.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.
10. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – С. 342.
11. Арутюнова Н.Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е.Янко. – М., 1997. – С. 172.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ О ЯЗЫКЕ РУССКОГО ВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

1. Анцыпова А.Н. Лексика в русском языке эмигрантов Австралии // Молодежь и наука XXI века: м-лы IV междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2003. – С. 50.
2. Анцыпова А.Н. Русский язык в Австралии. Сочетаемость слов // Молодежь и наука XXI века: м-лы V междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2004. – С. 118-119.
3. Анцыпова А.Н. Английские вкрапления в письменной речи эмигрантов Австралии // Лингвистический ежегодник Сибири: сб. статей. Вып. 4-5. – Красноярск: Изд-во КГУ, 2003. – С. 20-26.
4. Анцыпова А.Н. Некоторые особенности письменной речи русских эмигрантов в Австралии // Язык и культура в Евразийском пространстве: сб. научн. статей. XVI междунар. науч.-практ. конф. (16-20 апреля 2003 г.). – Томск: Изд-во ТГУ. 2003. Раздел I. – С. 58-64.
5. Анцыпова А.Н. Система образования русских эмигрантов Австралии в зеркале языка (лексический аспект) // Слово, высказывание, текст в когнитивном и культурологическом аспектах: м-лы. II междунар. науч. конф. 5-6 декабря 2003, Челябинск: – Челябинск. Изд-во гос. ун-та, 2003. – С. 129-131.
6. Анцыпова А.Н. Лексика в русском языке эмигрантов Австралии // Лингвистический ежегодник Сибири: сб. статей. Вып. 6. – Красноярск: Изд-во КГУ, 2004. – С. 98-105.
7. Анцыпова А.Н. Русский язык в Австралии. Проблема сочетаемости // Лингвистический ежегодник Сибири: сб. статей. Вып. 7. – Красноярск: Изд-во КГУ, 2005. – С. 163-168.
8. Анцыпова А.Н. Русский язык в Австралии и в России или почему русские не понимают русских // Австралиада. Русская летопись. № 43. – Сидней: Australiada, 2005. – С. 28-29.

9. Анцыпова А.Н. Язык русского зарубежья Австралии. Лексико-грамматический аспект (на материале письменных текстов). АКД. – Барнаул, 2005.
10. Анцыпова А.Н. Религиозное общение как одна из социальных функций русского языка зарубежья и ее отражение в письменной речи эмигрантов Австралии // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. – Благовещенск: АмГУ, 2005. – 120 с. – С. 108-112.
11. Гомбоева С.Ю. Некоторые особенности «восточной ветви» русского зарубежья // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2003. – С. 252-256.
12. Оглезнева Е.А. Русская диаспора в Харбине: уровни лингвистической адаптации // Восточная Азия – Санкт-Петербург – Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. Санкт-Петербургский университет Восточный и специальный восточный факультеты. – СПб.: Фонд восточных культур, 2000. – С. 250-254.
13. Оглезнева Е.А. Русская диаспора в Харбине: опыт социолингвистического анализа // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 4. Этнические контакты. Благовещенск: АмГУ, 2001. С.258-263.
14. Оглезнева Е.А. Жанр воспоминания в речи представителей харбинской диаспоры: мотивы и настроения // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. – Благовещенск: АмГУ, 2001. – С. 196-201.
15. Оглезнева Е.А. Язык русского зарубежья в Китае: к проблеме взаимодействия языков и культур // Междунар. науч. конф. «Язык и культура». Москва, 14-17 сентября 2001 г. Тез. докл. – М., 2001. – С. 109-110.
16. Оглезнева Е.А. Языки в условиях многонационального Харбина: к проблеме языкового взаимодействия // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. – Благовещенск: АмГУ, 2002. – С. 445-451.
17. Оглезнева Е.А. Явление фонетической интерференции в условиях русско-китайского двуязычия (на материале речи потомков русской диаспоры в Китае) // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование: тезисы IV междунар. науч. конф. Звенигород, 11-13 апреля 2003 г. – М., 2003. – С. 85-86.
18. Оглезнева Е.А. Русский язык в зарубежье: анализ языковой ситуации в русском Харбине // II междунар. науч. конф. «Язык и культура». Москва, сентябрь 2003 г. Тез. докл. – М., 2003. – С. 79-80.
19. Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в русском Харбине: динамический аспект // Актуальные проблемы русистики. М-лы междунар. науч. конф., посвященной 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского гос. ун-та. Томск, 21-23 октября 2003 г. / Отв. ред. Т.А. Демешкина. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 2. Ч. 1. – С. 228-236.
20. Оглезнева Е.А. Явление интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей русской диаспоры в Харбине) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. – Благовещенск: АмГУ, 2003. – С. 252-256.
21. Оглезнева Е.А. О русском языке восточного зарубежья // Язык и литература русского восточного зарубежья. М-лы областного научно-методического семинара «Региональный

компонент в преподавании русского языка и литературы». – Благовещенск: АмГУ, 2003. – С. 6-32.

22. Оглых И.С., Оглезнева Е.А. Тематическое своеобразие жанра воспоминания в речи представителей русской диаспоры в Харбине // Там же. – С. 78-84.

23. Степанова И.К., Оглезнева Е.А. Книга Т.И.Золотаревой «Маньчжурские были» как исторический и лингвистический источник // Там же. – С. 84-90.

24. Оглезнева Е.А. Современные русские говоры Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Приамурье от первопроходцев до наших дней: м-лы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск, 2003. – С. 107-110.

25. Оглезнева Е.А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 63. № 2. 2004. – С. 42-52.

26. Оглезнева Е.А. Явление фонетической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей русской диаспоры в Харбине) // Бюллетень Фонетического Фонда русского языка. Исследования по языковой интерференции (Европейская Россия, Сибирь, Дальний Восток). Октябрь, 2004. № 9. – Бохум (Германия), 2004. – С. 105-120.

27. Оглезнева Е.А. Явление грамматической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей русской диаспоры в Харбине) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2004. – № 4. – Хабаровск, 2004. – С. 162-167.

28. Оглезнева Е.А. Речевой портрет эмигранта (на материале речи представительницы русской диаспоры в Харбине В.П.Хан) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып.3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. – Благовещенск: АмГУ, 2005. – С. 101-108.

29. Оглезнева Е.А. Семиотика названий русской зарубежной периодики (на материале периодических изданий первой волны русской эмиграции) // Вестник АмГУ. Вып. 32. – Благовещенск: АмГУ, 2006. – С. 68-71.

30. Оглезнева Е.А., Волгузова Т. Речевой портрет последней русской харбинки Е.А.Никифоровой // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А.Оглезневой. Вып. 1. – Благовещенск: АмГУ, 2006. – С.157-169.

31. Оглезнева Е.А., Радкевич Н. В. Речь русских эмигрантов из Харбина в Австралию: нормативный аспект // Там же. – С. 182 -193.

32. Оглезнева Е.А., Блохинская А. Благовещенск в письмах из эмиграции (на материале эпистолярного наследия Т.И.Золотаревой) // Там же. – С. 209-217.

33. Оглезнева Е.А., Басистая Е. Русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке: опыт описания // Там же. – С. 218-224.

34. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье: орфографический аспект // Вестник Томского университета. – Томск, 2007. – С. 16-23.

35. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: особенности функционирования и языковая специфика // Известия РАН. Серия литературы и языка. – М., 2007. Т. 66. № 4. – С. 35-52.

36. Оглезнева Е.А. Территориально-хронологические варианты русско-китайского пиджина // Вестник АмГУ. Вып. 40. – Благовещенск: АмГУ, 2008. – С. 72-76.

37. Оглезнева Е.А. Реформа русской орфографии и восточное зарубежье // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2007. – С. 56-62.
38. Оглезнева Е.А. Языки и языковая политика в многонациональном Харбине первой половины XX в. // Россия – Азия: механизмы сохранения и модернизации этничности. М-лы междунар. науч.-практ. Конф. (18-21 июня 2008 г.). Вып. 3. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. – С. 188-189 (тезисы).
39. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Монография. – Благовещенск: АмГУ, 2007. – 264 с.
40. Полякова Я.С. Русский харбинец В.А. Зинченко как языковая личность // Русский Харбин, запечатленный в слове... – С. 169-181.
41. Райан Н. В. Россия – Харбин – Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. – М.: Русский путь, 2005. – 208 с.
42. Старыгина Г.М. Лингво-исторические портреты харбинцев (на материале речи русских эмигрантов) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 4. Этнические контакты. – Благовещенск: АмГУ, 2001. – С. 263-269.
43. Степанова И.К. Тематическое своеобразие книги Т.И. Золотаревой «Маньчжурские были» // Русский Харбин, запечатленный в слове... – С. 193-208.
44. Шипановская Л.М. М.Щербаков «Шанхайские наброски» (опыт культурологического и лингвистического анализа) // Язык и литература русского восточного зарубежья... – С. 33-56.
45. Шипановская Л.М. Элементы традиционной китайской культуры в поэтическом языке русского восточного зарубежья // Русский Харбин, запечатленный в слове... – С. 136-169.
46. Robie V. Некоторые наблюдения над речью русских, живущих в Австралии // Melbourne Slavonic studies. – 1972. – № 7. – С. 90-95.
47. Jablonska A. Język mieszany chinsko-rosyjski w Mandzurii // Przegląd orientalistyczny. – Warszawa, 1957. – № 2 (22). – С. 157-168.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА МЯТОВА, ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ХАРБИНЕ (1912-2000)

«Речевое портретирование – одно из направлений исследования речи русских эмигрантов, выявляющее «конкретную реализацию разных признаков в речи одного лица, возможности их сосуществования, взаимовлияние, что позволяет глубже проникнуть в условия функционирования языка, понять, как именно живет родной язык в условиях иноязычного окружения» [1, с. 100].

Объектом речевого портретирования в данном разделе явилась языковая личность, на речь которой другой язык, несмотря на 80 лет проживания в иноязычной среде, в диаспоре, не оказал практически никакого влияния. Разве что у говорящего в конце жизни возникло сожаление, что язык страны проживания – китайский – не был полноценно им выучен. Это русский харбинец Михаил Михайлович Мятлов, гражданин России, с восьмилетнего возраста проживавший в Китае. Мы беседовали с ним в январе 2000 г. в Харбине, в последней действующей православной Свято-Покровской церкви, и в кругу последних русских харбинцев за дружеским послерождественским застольем, где записали воспоминания М.М. о его жизни в Харбине.

Михаил Михайлович Мятлов родился в 1912 г. в Самаре, в обеспеченной семье. Но жизнь на родине оказалась недолгой: – *Россию покинул я в девятнадцатом году и с тех пор... – Помните ее? – Отлично помню // <...> Родные улицы / окружение / это... дом свой / магазин / двор / сверстников-ребятишек / вокзал // Дачка была // На дачке этой... купались мы / раз // Вот я помню // У бабушки в селе Усолье были / в Симбирске // Два лета там / проводили // Бабушка / пироги пекла // Помню / такое блюдо / картошка / с конопляным маслом // Вкусно-вкусно // Все помню / память у меня хорошая // [ФА, 2000, 7/15⁹].*

М.М. Мятлов проживал в Харбине с 1919 г., куда бежали от советской власти его родители с сыновьями. Причину беженства ММ объясняет так: *Обстоятельства заставили // Обстоятельства // Переворот / российский // Нельзя было жить // Отец все время трудился / работал / дело свое имел // магазин // Пришли / люди / новые и...<...> Жить нельзя было // Налог... задавили налогами Пришлось ему (отцу – Е.О.) / временно выехать // Тогда на маму / на маму / контрибуции всякие наложили // Жить нечем было // [ФА, 2000, 7/8-9].*

Михаил Михайлович был хорошо образован (окончил ХПИ – Харбинский политехнический институт), знал европейские языки (английский, французский, немецкий). Об английском: *«Когда-то говорил свободно... А сейчас... забыл основательно // Но читать могу // У*

⁹ ФА – фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. Далее указан год записи, номер и страница дневника.

специалистов учился // Один был / прекрасный преподаватель // Когда-то он закончил Московский / университет // Но у него только / два / или три месяца учился // Меня перевели в другой / город. А там / была учительница / полурусская / полуангличанка // И была еще / настоящая англичанка // Лет шестидесяти // В прошлом долго / жила в Иркутске» [ФА, 2000, 7/7].

Работал в датской парфюмерной фирме, рабочим языком которой был английский (*Там / надо было знать / английский // В датской фирме // Там надо было / по-английски // [ФА, 2000, 7/7]*). Затем открыл небольшое собственное дело. Знал японский язык. О языковой компетенции ММ сохранилось воспоминание одного из последних харбинцев, тесно общавшихся с ним в конце жизни, В.А Зинченко: *«Михал Михалыч / может он больше рассказать / он старый / восьми лет приехал в Харбин / он больше меня знает / человек с высшим образованием (нрзбр) // А чё / неправда што ли? Знает английский / знает японский / знает латынь / ну / все понемножку знает / ну // <...> Ну / немецкий знаешь» [ФА, 2000, 3/7].*

Китайского языка, по собственному признанию, ММ не знал, обходился самым минимумом разговорных фраз. Заниматься китайским стал лишь в конце жизни и сожалел, что не выучил этот язык ранее (*– Михаил Михалыч, а китайский язык хорошо знаете? – Не требовалось / так теперь очень жалею / что не учил китайский язык // Не требовалось / китайцы все знали русский / все // – Вы же все понимаете и говорите по-китайски. – Ну такие темы / вот / покушать да и все / а такие / философские темы / какие-нибудь я не могу говорить // [ФА, 2000, 9/1]*).

ММ владел безупречным русским литературным языком, особенность которого отмечалась сразу в сравнении с современной русской речью, да и с речью других русских в восточном зарубежье. Хотя критически относящийся к себе, ММ о своем русском языке последнего времени сказал так: *– Я / разучился говорить // – Почему? – Не приходится // [ФА, 2000, 7/7]*, тем самым сетуя на недостаточность русского общения и наступающее одиночество: *Мои соученицы / мои добрые друзья умерли // К естественному концу двигаемся // И это печалит // А замены нет // [ФА, 2000, 7/8].*

Говорил он тихо, но четко артикулируя, темп речи не быстрый, интонационный рисунок плавный, мягкий. ММ в целом следовал петербургской произносительной норме, которая в Харбине считалась более престижной, характеризующей речь русского интеллигента [2, с.101].

Известно, что петербургское произношение конкурировало с московским, которое легло в основу русской орфоэпической нормы уже в конце XIX в. Главной особенностью петербургского произношения, в отличие от московского, было «усиление книжного, буквенного произношения» [3, с. 91]. Именно это мы наблюдаем в речи образованных харбинцев, в частности ММ.

Устная речь ММ производила впечатление читаемого текста. Вероятно, это связано с тем, что в последние годы он чаще имел дело с письменным русским текстом (много читал, вел активную переписку на русском языке с родственниками, живущими в России, и бывшими харбинцами, покинувшими Китай), что наложило отпечаток и на его устную речь.

Отметим некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности речи М.М. Мятова.

Фонетика

1. Ударные гласные более длительны, чем в современном русском произношении, а безударные гласные в меньшей степени подвержены редукации. Это создает впечатление звуковой организованности речи, «не-беглости».

2. Для речи ММ характерен более закрытый ударный [А] и более открытый ударный [О].

3. После мягких согласных и шипящих в предударном и заударном слогах на месте орфографической Е произносится [Е] (*училищ[е], л[е]нтя[е]в, н[е]вестка, пл[е]мянник*), на месте орфографических А и Я – [А] (*ч[а]хотка, [т`а]жело, про[я]влять*), в том числе в абсолютном начале слова [*я*]зык.

4. Произношение [А] в окончаниях глаголов 3 л. мн. ч. (*хо[д`а]т, перехо[д`а]т*).

5. Произношение твердого губного в конце слова и перед [j] (*весе[м], кро[в]/(кровь), [с`емја]*).

6. Произношение мягких заднеязычных в окончаниях прилагательных (*малень[к`иј], юридичес[к`иј]*).

7. Мягкое произношение возвратных постфиксов глагола (*старал[с`а], помещали[с`]*).

8. Отсутствие ассимиляции в возвратных формах глаголов (*говори[тс`а], мучи[тс`а], обрацае[тс`а]*).

9. Утрата j в безударном слоге, как в начальном, так и неначальном (*[е]ще, лентя[е]в, начальны[е], реально[е]*).

10. Произношение словоформы *дождя* как до[жд`а].

11. Произношение ЗЖ внутри корня как [ЖЖ] (*по[жж]е*) и как [Ж`Ж`] (*прие[ж`ж`а]ть*).

12. Произношение ЧН на стыке корня и суффикса как [ШН] и [ЧН] (*коне[шн]но, мо-ло[чн]ная*).

13. Произношение *кто* как [кто], *ничто* как [ничто], а *что* и *чтобы* – как [што] и [штобы].

14. Непоследовательное ассимилятивное смягчение согласных (*ше[ст`]идесяти, при-стра[ст`]ие, е[ст`]ественный, боле[з`н`и], [спл`ет`н`и]*).

15. Произношение мягкого [с`] в слове *отсюда* (*от[с`у]да*).

Большинство отмеченных фонетических характеристик речи М.М. соответствует петербургской произносительной норме¹⁰ (см 1-10). Фонетика речи ММ делает небеспочвенным утверждение о преобладании в Харбине петербургского варианта литературной нормы начала XX в., «занесенного» туда образованными людьми своего времени и поддерживаемого ими же в учебных заведениях русского Харбина.

В произношении некоторых слов у нашего информанта наблюдается аллегрое произношение, характерное для разговорной речи, напр.: *скоко-то, щас, нескоко, кода* и некот. др.,

¹⁰ Об основных отличиях московского и петербургского (ленинградского) произношения см. в [4, с.54]. Особенности двух вариантов литературной нормы – московского и петербургско-ленинградского, – а также особенности петербургского произношения, как орфоэпические, так и орфофонические, в обобщенном виде представлены также в [5, с. 58-64]. Именно их мы принимали во внимание при характеристике речи нашего информанта.

но *всё-таки*, *несколько* и некоторые другие ММ произносит полно. Числительные типа *пятьдесят* также произносит полно (не *тийсят*).

Е.А. Земская, анализируя черты разговорности, в частности аллегрое произношение в русской речи эмигрантов первой волны, родившихся на Западе, объясняла его тем, что русский язык усваивался со слуха, в разговоре со старшими родственниками и нянями, без опоры на орфографический облик слова [6, с. 77]. На речь нашего информанта как раз большое влияние оказывал письменный образец – во-первых, он учился русскому языку по письменным образцам в русской гимназии Харбина и потому хорошо знал их, во-вторых, активное чтение и письмо на русском языке в конце жизни отчасти компенсировали ММ отсутствие полноценного русского общения и вполне могли влиять на его устную речь, в том числе на произношение.

Отмечены произносительные варианты заимствованных слов, характерные для русской речи Харбина и показывающие один из возможных путей ее освоения в русском языке: *крем* [крэм] (ср. в языке метрополии в 1 пол. XX в. – [крэм] [7]; во 2 пол. XX в. – [крем]); *Гитлер* (ср. в языке западной эмиграции – *Хитлер* [8, с.49], в языке метрополии и восточной эмиграции – *Гитлер*).

Об интерференции

Необходимо отметить отсутствие нарушений произносительной нормы русского языка в речи ММ под влиянием норм чужих языков, в контакте с которыми он находился на протяжении своей жизни в Харбине. Отсутствует влияние английского языка – рабочего языка службы ММ, японского – языка административной власти с начала 30-х до середины 40-х гг., китайского языка – языка страны проживания, в которой он провел всю свою сознательную жизнь. Иными словами, фонетической интерференции в речи нашего информанта мы не обнаружили.

Полагаем, это обусловлено двумя основными факторами – общественным и личностным. Во-первых, роль любых иных языков, кроме русского, была второстепенной в русском коммуникативном пространстве восточного зарубежья, т.к. существовала возможность обходиться без их глубокого знания даже в конце XX в., в уже переставшем быть русским городом Харбине. Кроме того, Китай, приютивший русских эмигрантов, как мы уже указывали, был лоялен к их невладению государственным языком. Во-вторых, образованные люди, владеющие несколькими языками, обычно не смешивают их в своей речевой практике, сознательно меняя код при переключении с одного языка на другой. Так, Х. Пфайндль, описывая типы эмигрантского языкового поведения русских на Западе, один из них (самый редкий) определил как *сознательный*, «когда человек сознательно, на фоне родного языка, осваивает второй язык и вторую культуру»; при этом «...сохраняется и культивируется родная речь». Однако такое поведение «предполагает достаточно высокий уровень образования. Для того, чтобы что-либо сохранить, человек должен и до эмиграции располагать определенным культурным запасом, а если такого запаса нет, то и нечего сохранять, и переход в другую культуру не тормозится (или тормозится меньше) сохранением собственной» [9, с. 72].

Не отметили мы следов интерференции в речи ММ ни на грамматическом, ни на лексическом уровне.

Грамматика

Речь ММ характеризуется грамматической правильностью: не отмечено нарушения норм в употреблении грамматических форм и синтаксических конструкций. Записанная нами устная речь ММ представляет собой в грамматическом плане разговорный вариант русского литературного языка с характерными для него явлениями разговорной грамматики – использование глагольно-междометных форм, присутствие паратаксических объединений глаголов, слов-указателей, плеонастических местоимений, конструкций с именительным темой, конструкций добавления и т.п.: *Я иду-иду / бух / падаю!*; *И тут свои... тоже переживания* // [ФА, 2000, 7/13]; *По-английски / по-английски все // И о войне говорила // Что там / значит / была война // С Германией-то / так она / это вот / газету вытащила / и пальцами своими / костлявыми / давила голову этого / Гитлера / и называла его / зверем* // [ФА, 2000, 7/7] и др.

Вместе с тем специфика устной речи ММ состоит в очевидной доле книжной грамматики в ней. Укажем на эти явления.

1. Грамматический строй речи ММ характеризуется стремлением к полноте, завершенности, занятости всех актантных позиций в высказывании. См., напр.: *Мы жили у / двоюродного брата // Он потеснился / и приютил / нас / шесть человек / и / и ещё с нами была / двоюродная сестра / и папина сестра // Значит восемь человек // Приняли нас / нес(коль)ко месяцев жили // А потом / э-э-э... уехали / в квартиру // А квартира у нас / состояла из одной комнаты // Вот там жили* // [ФА, 2000, 7/10] и др.

Эта особенность относится к числу тех, которые делают устную речь ММ похожей на письменный текст, как и ряд других, отмеченных ниже.

2. Насыщенность причастными и деепричастными глагольными формами, которые, как известно, являются средствами книжных стилей и потому способствуют повышению общей стилистической тональности высказывания: *А потом с **предшествующим** братом... помогали дома; хозяйки / вот так уже прилично **живущие**; в ненужном / **искаженном** виде передается; здешняя невестка / **уехавшая** с племянником; умер брат / четвертый / в двадцать восемь лет / **оставив** ребенка* и др.

3. Употребление прилагательных в форме синтетического суперлатива: ***культурнейший** город был; **опытнейшие** профессора; **малейшее** отклонение головы; **скромнейший** человек* и др.

4. Обратный порядок слов: *униаты / это православных обычаев держащиеся / но признающие папу римского; вывески мрачные; двоюродный брат мой; пальцами своими костлявыми* и др.

5. Особая синтаксическая сочетаемость: *Приняли нас / несколько месяцев жили // А потом / э-э-э...уехали / **в квартиру** //; Через три месяца / **мы в ту / комнату** / вошли и в той комнате помещались //.*

6. Осложнение высказывания вводными словами книжного характера: *Воспитывала сына // У него / **впрочем** щас / семья / и внуки / и правнуки есть //; На этой почве / размолвка бывает // **Кроме того** / осуждения других //; Ну вот / хотя бы / куличи / **к примеру** //* и др.

Лексика

Словарный состав ММ отличался исключительным богатством. В своей речи он использовал лексику различных стилистических пластов и тематических групп.

1. **Книжная и высокая лексика** делала разговорную речь ММ приближенной к письменной, завывшала обычный разговорный регистр:

единение, тяготить (*Единения такого / настоящего / у нас нет // У нас нет (нрзбр.) полного... контакта нет // Что меня тяготит//*) (Сл. Уш. (словарь Ушакова): книжн.);

испытывать (*Вот рассказали / что испытывали / в Благовещенске / в Хабаровске //*) (Сл. Уш.: книжн.);

отойти (*Он позвал докторов / стали делать искусственное дыхание // Бесполезно // Уже отошел //*) (Сл. Уш.: ритор., устар.);

явление (*Потом появилось / у меня такое ... явление что ли?*) (Сл. Уш.: филос. Всякое проявление чего-л., событие, случай);

питать (*Надо / надо больше их питать //*) (Сл. Уш.: книжн.);

поглотить (*Наверное / его поглотил Амур//*) (Сл. Уш.: книжн. устар.);

патриот (*И он тоже / заботился о всех // Патриот // Верующий //*);

контрибуции (*Тогда на маму / на маму / контрибуции всякие наложили // Жить нечем было//*) (Сл. Уш.: воен.);

дирекция (*Те посмотрели / и сообщили / местной харбинской дирекции // «Дело безнадежное // Вылечить его нельзя» //*) (Сл. Уш.: офиц.) и др.;

униат «последователь церковного объединения – унии» *Униаты / это православных обычаев держащиеся // но признающие папу римского* (Сл. Уш.: церк., истор.) и др.

2. В рассказах ММ присутствует **устаревшая лексика**, передающая информацию о времени старого русского Харбина:

Каких только не было школ! Начальные школы / гимназии / средние школы // Гимназия / реальное училище // (Сл. Уш.: дореволюц.);

Мои соученицы / мои добрые друзья умерли // (Сл. Уш.: книжн., устар.)

Раньше шли немые картины (о кино – Е.О.) //;

Он работал / в датской фирме / начал с мальчиков / а кончил / секретарем // (Сл. Уш. разг., устар.: малолетний работник в торговом или ремесленном заведении);

А те кто инвалиды / для тех были / ночлежные дома / приюты были // (Сл. Уш.: дореволюц.);

Не знал / что такое госпиталь // <...> Потом догадываюсь / так это госпиталь // (Сл. Уш.: устар.);

Доктор говорит «Ему необходимо кровь влить» и др.

Характерно для русской речи в зарубежье использование слов *служба, служить* вместо *работа, работать*, что мы и наблюдаем в речи ММ: *Вернулся в Харбин // И-и на службу ходил //*; *Он на военной службе не был /, дома служил / на железной дороге / на паровозе / помощником машиниста //*.

Представленные примеры имеют в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова пометы, указывающие на устарелость слов к началу 30-х гг. В речи же нашего информанта они используются в конце XX в., и многие из них употреблялись в восточном зарубежье не только в жанре воспоминания, направленном на воспроизведение информации о былом, но и в ситуативных жанрах повседневной коммуникации (*госпиталь, вливать, вливание, соученик* и др.). Это свидетельствует о консервативных тенденциях в лексике русского восточного зарубежья.

3. Возвышенность речи ММ придает использование **религиозной лексики и фразеологии**: *обычай благочестивый, утолить голод, по мощам и елей, воля божья, крестная* и др. Исчисление бытового времени осуществлялось ММ, как и вообще в русской диаспоре, по церковному календарю: *на четвертый день Рождества, под самую Пасху девяносто первого года* и т.д.

Употребление таких языковых средств для ММ естественно, поскольку он был глубоко религиозным человеком, вокруг которого сосредоточивалась жизнь русской православной общины в Харбине в конце XX в. С 1985 г., после открытия православной Свято-Покровской церкви, ММ служил там, отказавшись от жалованья [10, с. 345]. Бывшие харбинцы говорили об этом: *Он все время поет / он всю службу ведет // Не будет Михаила Михайловича / и ничего не будет в церкви нашей // Все держится на нем / церковь* [ФА, 2000, 8/12, Е.А. Никифорова]; *Дядя Миша / был старец / да <...> Он за всю жизнь ни одного плохого слова не сказал // Он был очень / очень мягкий человек // Он со всеми / был обходительный / он всех успокаивал / да // И вот его присутствие в церкви / да / наводило какое-то душевное спокойствие // <...> и он именно своей святостью / да / наводил порядок* // [ФА, 2002, 25(2)/64-65, Н.Н. Заика].

Самыми высокими характеристиками человека были для ММ определения **патриот и верующий**, которыми он охарактеризовал своего брата и которые в полной мере характеризуют его самого: *Все / мои братья / один / другого лучше // Все хорошие // Всегда друг за другом / стояли // Раздор не было // И он тоже / заботился о всех // Патриот // Верующий // Вот его все знают / Алексея Михайловича* // [ФА, 2002, 7/12].

Патриотизм ММ в речи проявлялся в беседах и жарких спорах о судьбах его родины, не перестававших волновать его. ММ хорошо знал историю России, в том числе современную. Говоря о родине, был афористичен, часто цитировал классиков – Пушкина, Тютчева – обращаясь к их высказываниям о родине и России как к непреложным истинам: *Кухарка не может управлять государством // Брехал* (автор известного тезиса – Е.О.) // *Кухарку на дух нельзя подпускать к управлению государством* [ФА, 2000, 13/4]; *Лживый дурак / опаснее врага // Почему глупых людей поддерживает правительство?* (о современном правительстве в России – Е.О.) [ФА, 2000, 13/9]; *«У ней особенная статья»* // [ФА, 2000, 13/7]; *Краса русской поэзии Александр Сергеевич / что написал? Написал / «Да ведают потомки православных / земли родной / минувшую судьбу // Своих царей / великих / поминают / за их труды / за славу / за добро / а за грехи / за темные деянья / Спасителя смиренно умоляют»* // (нрзбр) *Историю свою нужно хорошо знать!* [ФА, 2000, 13/2].

4. Несмотря на общую книжную тональность речи ММ, она представляет собой разговорную разновидность русского литературного языка. В речи ММ присутствовали **разговорная лексика и фразеология** как неотъемлемая составляющая разговорного языка.

Разговорная лексика использовалась ММ, как правило, в номинативной функции (*туда-сюда, мало-помалу, немножко, диктовка, учительница, сунулся, дачка, картошка, податься «уехать»* и др.), реже – в оценочной (*хапали: А вместо того отсюда хапали, как говорится, и отправляли на север. В лагерь¹¹; советское заимствование ежовщина: А во время той вот / ежовщины...).*

¹¹ Слово *хапать* является просторечным. Употребляя это не свойственное его лексикону слово, ММ спешит «оправдать» это употребление замечанием «как говорится».

Кроме того, в речи ММ встречаются разговорные устойчивые обороты, как традиционные (*с праздничком, с хлеба на квас перебиваться*), так и новые (*ловить машину*).

Речь ММ вообще изобилует идиоматическими выражениями разного происхождения и стилистической принадлежности: *Кого бог любит, того и наказывает; Молчание – золото; Что ни человек, то характер; Худой мир лучше доброй ссоры; Маленькая собачка до старости щенок* и др. См., напр., размышления ММ о сложных человеческих взаимоотношениях: *Люди разные // Что ни человек / то характер // Вот были у Е.А.? Вот она вот так // А другая / тоже в своем роде // А между ними / где бы уступи другому / нет / не уступлю // Я придерживаюсь / того что у меня в душе // Худой мир / лучше доброй ссоры // Какой бы ни был / мир // Лучшие доброй ссоры // Ссора / будет красивая // Ссора... Вот / я то-то сказала... Нет бы промолчать / Выполняй поговорку / «Молчание золото» // [ФА, 2000, 7/8].*

5. Лексика личной сферы.

В рассказах о прошлом, вспоминая людей, ММ часто употреблял оценочные словосочетания: *мои добрые друзья умерли, у нас добрые знакомые были в Красноярске, бедная Юля, люди добрые помогли* и др.

Использовал много этикетных фраз, произносил их несуетно, что делало беседу с ним исключительно приятной; использовал и демиинутивы (напр., *Я вам буду очень благодарен; Ну, за Коленку и за Сашеньку я пью белое!*).

Для ММ чрезвычайно важна **жизнь души**, что нашло отражение в использовании им соответствующей абстрактной лексики: *Я привык к расстройствам // А тут свои / тоже... переживания; Вот рассказали / что испытывали / в Благовещенске; К естественному концу двигаемся // И это печалит; Вот крепили себя / воля Божья; Одна очень хорошая знакомая умерла // Расстроился... и др.*

Наиболее частотны в рассказах ММ **термины родства**, которыми пронизано все текстовое полотно его воспоминаний и которые выступают как ключевые слова эмигрантского дискурса:

Мама, папа, папа с мамой, брат, братья, двоюродные братья, старшие братья, невестка, племянник, тетка, дяди, двоюродный брат мой, отец с матерью, крестная папина сестра, сын, внуки, и правнуки, семья, воспитывать мальчика (=сына), замуж не выходить, двоюродная сестра и папина сестра, мать, младший брат, мы с братом, вдова старшего брата, муж, дочь, оба брата, ребенок-младенец, мы с братом Алексеем, один из братьев, второй раз женился, отец, ребенок, мать, мамочка, вдова, мои братья все, родители, один из братьев, свои...

Существование в эмиграции вне дома, вне родины – это существование на чужбине, но в семье. Близкие, родные люди оставались смыслом жизни и приобретали особую ценность в изгнании. Это был тот остов, та опора, которая держала и обязывала. Поддержание родственных отношений, связь с родственниками, знание и память о них создавали ощущение родины. Именно поэтому высока частотность данной группы лексики в речи эмигрантов и в речи ММ в частности, который бежал в эмиграцию с родителями, имел шестерых родных и много двоюродных братьев, в заботе о близких не устроил свою личную жизнь (*Забота // Вот о своих... поддерживать надо было / брат оставил младенца-ребенка // Вот мы с братом / Алексеем / так / свою жизнь / э-э-э... как сказать / не устроили // [ФА, 2000, 7/12]*).

Дом как семья был одной из центральных тем эмигрантской публицистики: «Представление о семье как оплоте дома в то время являлось традиционным культурно-социальным мотивом... Дом, в представлении эмигрантов, может быть обозначен этим словом только тогда, когда существует духовная (душевная) связь его обитателей – идет ли речь о родственниках или о всей стране. Таким образом, дом для эмигрантов становится средоточием, воплощением идеи национального единения. В доме (нации, культуре), с одной стороны, формируются эти всеобщие национальные чувства, с другой – наличие таких «чувств» и формирует само понятие народа (=Дома). Именно поэтому в эмигрантских текстах так много «семейной» лексики: *отец, жена, дети, родители, хозяин*. Все они призваны, по мысли эмигрантов, подчеркнуть духовное родство людей» [11, с.104]. См. также размышления о доме, об острой тоске по дому писателя и публициста восточной эмиграции Вс. Н. Иванова в одной из его дум о русском опыте «Хом, свит, хом!», где он называет дом главным столпом культурного общества [12, с. 360]. «Желая начать новую жизнь, русские в революции прежде всего обратили свои взоры назад и под любезным предводительством главарей революции разрушили свои дома» [Там же]. Дом, по Иванову, – это то, что больше всего нужно сейчас русскому человеку, «дом, смысл которого покой» [Там же, с. 357]. «Нет, мирный дом есть не начало государственности, а, наоборот, ее конец, завершение... Он предполагает организованное уже общество, которое настолько уже прониклось идеями индивидуальной свободы, индивидуального права, что ради них оно идет на обложение себя обязательствами» [Там же, с. 360].

В эмиграции ощущение дома и семьи складывалось из обязательств помнить о родных – «принять», «потесниться», «приютить» (*Мы жили у / двоюродного брата // Он потеснился / и приютил / нас / шесть человек / и / и еще с нами была / двоюродная сестра / и папина сестра // Значит, восемь человек // Приняли нас / несколько месяцев жили // [ФА, 2000, 7/10]*), переживать о них (*А там / голод был / тетка умерла / дяди там остались // Тяжелое... тяжело было // Двоюродный брат мой / заболел там / чахоткой // Папина сестра / тетка / хорошо здесь работала / воспитывала / мальчика / вот богатая семья / из-за болезни сына / уехала отсюда // Написала правдивое письмо / как там тяжело / [ФА, 2000, 7/9]*), при невозможности выполнения близкими своих обязанностей брать их на себя (*Поддерживать надо было / брат оставил младенца-ребенка/), совершить прощальный обряд и заботиться о месте упокоения (Расскажу про своих // Здесь похоронил третьего покойни... / третью покойницу // Попутно / из других мест // [ФА, 2000, 7/8]*). Печалило ММ отсутствие потомков, которые являются естественным продолжением семьи, ее памяти и традиций: *К естественному концу движемся // И это печалит // А замены нет // [ФА, 2000, 7/10]*.

Пожалуй, это ощущение было правдивым, поскольку многие лучшие ростки нашего отечества не дали ветвей ни на чужой, ни на родной земле, куда мечтали вернуться – домой, тешась постоянной надеждой: – *А тем временем / когда все / утихомирится / вернемся домой // <...> – Действительно жили возвращением? – Да // Пять раз / вот пока и ждали // В двадцать пятом году / ну вот / скоро домой поедем //; Здесь патриоты все были // Встречали (Советскую армию в 1945 г. – Е.О.) / с большими надеждами / на то / что на родину / поедем // А вместо того отсюда / хапали / как говорится / и отправляли / на север // В лагеря // [ФА, 2000, 7/ 8-11]*.

6. Собственно харбинская лексика.

Под собственно харбинской лексикой нами понимается лексика, употребление которой ограничено русским восточным зарубежьем, главным образом Харбином и линией КВЖД. Именно эта лексика определяет своеобразие русского языка в восточном зарубежье.

В речи ММ нами отмечено употребление лексем «линия» и «дорога» в характерных для русского восточного зарубежья значениях:

линия – «территория вдоль линии Китайско-Восточной железной дороги, на которой проживало русское население в первой половине XX века». *Меня отправляли на линию // Родители не согласились // не отпускали* [ФА, 2000, 7/13];

дорога – «Китайско-Восточная железная дорога». *А отсюда / уехали / в тридцать пятом году / двоюродные братья из Харбина // Оба в Белой армии были / потом здесь работали / на дороге устроились // В тридцать пятом году / когда продали дорогу / и поехали домой* // [ФА, 2000, 7/13].

После революции в России распространилось в восточном зарубежье наименование **беженская волна**, именующее тех русских, которые покинули Россию по политическим соображениям: *Вот и потом / с беженской волной / приезжали профессора / специалисты / большие специалисты // Вот они в двадцать втором году / и открыли здесь политехникум* // [ФА, 2000, 7/11].

См. также собственно харбинские наименования, отмеченные в речи ММ и широко использовавшиеся в Харбине:

Китайская часть города – «часть Харбина, в которой проживали китайцы» (вар. Китайский район) *Отправлялись на рынок / на базар / в китайскую часть города / продавали остаток / сырья / вещи свои* // [ФА, 2000, 7/13];

Китайская революция – «культурная революция в Китае» *Жили и хорошо и скучно... Брат в китайскую революцию... Русские были в разных частях города // Он здесь покупал хлеб / и отвозил туда // За это имел / хоть маленький / да заработок* // [ФА, 2000, 7/13].

Были зафиксированы в употреблении ММ китайские топонимические наименования: **Цындао, Ченхе** (*Потом у него / заболела поджелудочная железа // Отправили его в город Цындао / к докторам немецким* // [ФА, 2000, 7/12]; *Через несколько лет / в девяносто третьем году / навещал других наших / местных / <...> в Ченхе поехал / навестить одну старушку* // [ФА, 2000, 7/14];

немногочисленные заимствования из китайского языка: **камбэй** (*Я не пьяный / но я слышу / дядя Миша говорит / «камбэй!» / Да // Дядя Миша / а Иван Грозный говорил / «Вздروгни!»* //– из застольной беседы [ФА, 2000, 9/16, Н.Н. Заика].

Безусловно, максимально активизированными были в речи ММ, как и в речи русских харбинцев вообще, лексемы **китаец, китаянка**:

А потом и тут / запретили китайцы // С хлеба на квас перебивались // ; А эти вот / настроены-то / против / китайцы встречали... э-э... если не прямыми побоями / то кнутами / палками //; Подняли // Пошел / ничего // Тут китаянка / взялась мне помогать // А тут знакомая одна / китаянка и др. [ФА, 2000, 7].

Особо отметим произношение слова **Харбин** с ударением на окончании в формах косвенных падежей, которое также является собственно харбинским и отмечено как в речи ММ,

так и других русских харбинцев: *в Харбине, Харбину, Харбином*. Такое произношение противоречит традиционной русской акцентологической модели с неподвижным ударением в названиях городов типа *Берлин – в Берлине, Пекин – в Пекине, Харбин – в Харбине* и т.д.). Русские харбинцы следовали своей, харбинской традиции в постановке ударения в этом слове, и это ударение служило им «лакмусовой бумажкой» для отличения своих – харбинцев – от нехарбинцев.

Собственно харбинская лексика чаще всего присутствовала в информативном жанре воспоминания, служа специальными наименованиями для реалий жизни и быта восточного зарубежья и самого Харбина как его центра. В этом смысле можно говорить о жанрообразующем характере собственно харбинской лексики применительно к устным рассказам о старом русском Харбине.

Другим жанрообразующим признаком данного речевого жанра на рассматриваемом материале является использование лексики, имеющей положительно окрашенную ядерную или коннотативную часть лексического значения. См., напр.

Жили хорошо // Жили / как раньше в России [ФА, 2000, 7/10].

Здесь так / жили настоящими русскими людьми / патриотами // И воспитывались в русских школах // [ФА, 2000, 7/9].

Культурнейший город был (о Харбине – Е.О.) // *Каких только не было школ / Начальные школы / гимназии / средние школы... Гимназия / реальное училище... Специальные училища были // Все на / русском языке // Китайцы / изучали русский язык / для того / чтобы окончить русские школы // Юридический факультет был / богословский факультет был // Жизнь цвела* // [ФА, 2000, 7/10].

Русские / опытнейшие / профессора / преподаватели / приезжали сюда // Город-то был Харбин / русский // Вот и потом / с беженской волной / приезжали профессора / специалисты / большие специалисты // Вот они в двадцать втором году / и открыли здесь / политехникум // [ФА, 2000, 7/11].

Письменная речь М.М. Мятова

Сохранилось одно письмо М.М.Мятова [13]¹², в котором отмеченные в устной речи ММ устаревшие и книжные черты предстают в концентрированном виде, поддержанные жанром и его стилистическими требованиями.

См., напр., устаревшую книжную лексику, в том числе в не характерной для современного русского языка сочетаемости: *честно свидетельствую; речь к Вам держал заочно; посетили Ваши пенаты; получить увечья; возведение небольшой церкви; добираться по собственному найму; обилие всего, но пользование им зависит от достатка; после ухода в мир иной; удручать, сообщили хоть бы что-нибудь отрадное* и некот. др., а также устаревшие формы местоимений в составе оборотов *в числе коих; такового не находится*.

Синтаксический строй письменной речи ММ сложный: предложения полные, преобладают сложные синтаксические конструкции, осложненные однородными членами предложе-

¹² Письмо адресовано Александру Ярошенко – журналисту, который тесно общался с ММ в начале 90-х гг. в Харбине и с которым у ММ сложились теплые, дружеские отношения, несмотря на большую разницу в возрасте и жизненном опыте.

ния, деепричастными и причастными оборотами, вводными словами и словосочетаниями, вставными предложениями, используются страдательные конструкции и др.:

А теперь вот вспоминаю неудачное (точнее, не удавшееся из-за большой воды) посещение вчетвером далекого кладбища, после чего, изменив маршрут, побывали в парке на берегу, а потом, совсем уж неожиданно, посетили Ваши пенаты, чем заставили Вас проявить свои кулинарные способности и быстроту изготовления. Это годовалой давности «событие» я особенно представлял себе вчера, когда сидел на скамье возле Большого моста, предварительно побывав, по случаю второй годовщины, на месте, где сдвоенный автобус прошелся боком по моей спине. Я упал и получил увечье.

Строится она (церковь – Е.О.) на месте бывшей деревянной, исчезнувшей десятки лет назад. Постройка начата вскоре после 15 июня, и уже дошли до крыши.

Нарушений грамматической нормы в письменной речи ММ не отмечено.

Соблюдены все старинные каноны жанра письма: композиционные части сопровождаются соответствующими этикетными формулами, используются разнообразные обращения, чаще деминутивного характера: *Доброму другу... Дорогой Сашок... Спасибо за память и приветы... Шлю свой сердечный привет и наилучшие пожелания ...Дорогой Сашенька...Всего доброго и счастливого... искренне Ваш...,* а также характерное для общей тональности русского Харбина заключение в конце информативной части письма *Однако унывать не будем, ибо с нами Бог!*

Завершается письмо дружеским, «старшим» – Эм.Эм.

Местоимение *вы* графически выделено написанием с заглавной буквы: *в день Вашего двадцатисемилетия; не обходится ни одного визита к Т.Н., чтобы не поговорить о Вас (А горят ли у Вас тогда уши?); речь к Вам; что Вас удивит* и др.

Письмо написано в новой орфографии, без орфографических и пунктуационных ошибок.

Внутренняя культура ММ, дар слова, открывающий мир его души, тонкий юмор и мягкая ирония, доброе (вопреки всем жизненным обстоятельствам) отношение к миру оказались отраженными в небольшом по объему, но информативном письме, в котором содержится и рассказ о немногих событиях, имеющих отношение к русской диаспоре в Харбине в конце XX в., и духовное освещение этих событий через лаконичное, но емкое описание их восприятия ММ (напр.: *Удручают и бывающие здесь от вас гости: хоть бы что-нибудь сообщили бы отрадное, но, видимо, такового не находится; ...шлю свой сердечный привет и наилучшие пожелания, в числе коих и пожелание схватить, наконец, за хвост свою постоянно улетающую Жар-птицу, что было бы для нас, харбинцев (и в первую очередь, для меня) настоящей радостью «среди невеселых наших дней и всякой пошлости и прозы»).*

Письмо информативно и в плане представления в нем собственно харбинской лексики – русских названий актуальных для русской диаспоры предметов: *харбинцы* – русские жители Харбина, *Большой мост* – мост через реку Сунгари, *далекое кладбище* – русское кладбище за городом.

Подведем некоторые итоги.

Михаил Михайлович Мятков, один из последних представителей русской диаспоры в Харбине, был неординарной языковой личностью, за 80 лет жизни вне метрополии сохра-

нившей родной язык, который не испытал ни малейшей интерференции в условиях постоянного языкового контакта.

Разговорная речь ММ консервативна и демонстрирует сильное влияние письменного языка вследствие отсутствия в конце его жизни (в конце XX в.) полноценного устного общения на русском языке из-за замкнутого существования в немногочисленной русской диаспоре.

Произносительные особенности ММ по подавляющему большинству признаков соответствуют петербургскому варианту литературной нормы и могут являться одним из свидетельств существования в Харбине петербургского произношения, о чем упоминается во многих источниках по истории русского Харбина.

Сохранение родного русского языка ММ оказалось возможным как по причине сознательных охранительных усилий его личности по отношению к родному языку и культуре своего народа, пониманию их высокого общественного и культурного статуса, так и по причине языковой политики и национальной лояльности, проводимой Китаем, за исключением времен «культурной революции».

Прожив долгую трудную жизнь в чужой стране, Михаил Михайлович Мятков остался патриотом своей родины и его безупречный русский язык тому непреложное свидетельство.

Скончался М.М. Мятков в Харбине в июле 2000 г. Последними словами его стали: *«Как я устал...»*.

Один из последних истинных и дорогих друзей Михаила Михайловича Мяткова харбинец В.А. Зинченко, в котором находил он верного собеседника и которому никогда бы не наскучила русская тема, скажет уже после смерти ММ: *Таких людей мало. Не было и не будет* [ФА, 2001, 19/4, В.А. Зинченко].

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) // Русский язык сегодня / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 100-121.
2. Дземешкевич Л. Харбинцы. – Омск, 1998. – 230 с.
3. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. – Л., 1971. – 269 с.
4. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. Изд.2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 456 с.
5. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2001. – 239 с.
6. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв. ред. Е.А.Земская. – М.: Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2001. – С. 19-340. – 496 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935-1940.
8. Зеленин А.В. Графико-орфографические особенности языка русской эмигрантской прессы (1919-1939 гг.) // Известия РАН. Сер. литер. и языка. Т. 66. – 2007. – № 6. – С. 45-53.
9. Пфандль Х. Русский язык в современной эмиграции // Русская речь. – 1994. – № 3. – С.70-74.

10. Батуева А. Харбинские «могикане»: Русский Харбин через 50 лет // Рубеж. Тихоокеанский альманах. – 1995. – № 2. – С. 344-347.
11. Зеленин А.В. *Дом* в эмигрантской публицистике // Русская речь. – 2007. – № 5. – С. 100-106.
12. Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте. – Харбин, 1932. – 368 с.
13. Мятлов М.М. Письмо А. Ярошенко от 13. 07.95 // Личный архив А.В. Ярошенко.

«Харбин культурнейший город был...»

Харбин, январь 2000 г. Беседовали Е.А.Оглезнева, Г.М. Старыгина. Расшифровка Е. Шульженко, Е.А. Оглезневой. Хранение: ФА, 2000, 7.

Е.А.: Вы знаете английский хорошо?

М.М.: Ну / немножко знаю // Еще не забыл // когда-то говорил свободно / а сейчас... забыл основательно // Но читать могу //

Е.А.: А говорили свободно... Где это было? Здесь?

М.М.: Здесь // Тогда свободно / надо было знать / английский // В датской фирме // Там надо было / по-английски // У специалистов учился // один был / прекрасный преподаватель // Когда-то он закончил Московский / Университет // Но у него только / два / или три месяца учился // Меня перевели в другой / город // А там / была учительница / полурусская / полуангличанка // И была еще / настояща англичанка // Лет шестидесяти // В прошлом долго / жила в Иркутске // Но она только / только диктанты / диктовки вела // Потом / диктует / и нас же спрашивает / заставляла исправлять // Попутно говорила / о своей жизни в Иркутске // И очень большое пристрастие / у нее было / к водке русской //

Е.А.: Да?

М.М.: В шестьдесят лет //

Е.А.: А говорила по-английски?

М.М.: По-английски / по-английски / все // И о войне говорила // Что там / значит / была война // с Германией -то / так она / это вот / газету вытащила / и пальцами своими / костлявыми / давила голову этого / Гитлера / и называла его / зверем //

Е.А.: Михаил Михайлович, можно я... диктофон включила? Можно разговор наш с вами записывать?

М.М.: Так какой разговор?

Е.А.: А просто разговор. Никакой.

М.М.: Я / разучился говорить //

Е.А.: Почему?

М.М.: Не приходится // Мы здесь / встречаемся когда / говорим о / взаимных болезнях // Ни о чем другом // О сплетнях местных // Единения такого / настоящего / у нас нет // У нас нет полного / полной смычки / контакта нет // Что меня тяготит //

Е.А.: А почему нет, Михаил Михайлович?

М.М.: Люди разные // Что ни человек / то характер // Вот были у Ефросиньи Андреевны? Вот она вот так // А другая // тоже в своем роде // А между ними / где бы уступи другому

/ нет / не уступлю // Я / придерживаюсь / того что у меня в душе // Худой мир / лучше доброй ссоры // Какой бы ни был / мир // Лучше доброй ссоры // Ссора / будет красивая // Ссора... Вот / Я то-то сказала... Нет бы промолчать / выполняй поговорку / «Молчание золото // Вот... как это... укрепить мир // Не понимаю // Вот показать / что хочу // На этих ссорах... На этой почве / размолвка бывает // Кроме того / осуждения других / вот тут / тот – то сказал / что... А передача уже / наращивается / в ненужном / в искаженном виде передается другим // (нрзбр) Расскажу про своих // здесь похоронил / третьего покойни... / третью покойницу // Попутно / из других мест // Мои соученицы / мои добрые друзья умерли // К естественному концу двигаемся // И это печалит // А замены нет //

Е.А. Михаил Михайлович, я знаю, что у Вас родственники в Самаре есть, да?

М.М.: Да.

Е.А.: Вы сами из Самары родом, там родились?

М.М.: Там родился //

Е.А.: А почему сюда приехали?

М.М.: М-м... Обстоятельства заставили // Обстоятельства // Переворот российский // Нельзя было жить // Отец все время / работал / трудился / дело свое имел / магазин // Пришли / люди / новые и...

В.П.: Как ваше? Как ваше здоровьишко?

М.И.: Я опять / я опять упала / с лестницы // Мне не по себе // Я помру / в этом году //

В.П.: Да вы не пейте / дорогая моя //

М.И.: С праздничком //

М.М.: С праздничком! Почему в праздник / вы не пришли?

М.И.: Да я упала / я упала // не могла // (шепотом) Я не могла //

М.М.: Тогда ждали / а сегодня / просто...

В.П.: Маргариточка! Поменьше пейте / родная!

М.И.: Кто пьет?

М.М.: Маргарита Ивановна / пьет // <...> Она проваливалась в это... в помойную яму // (нрзбр) Два сына у нее / два сына / дочери старшие / отошли // (нрзбр) Ну так / вот и я говорю <...>.

Е.А.: Отец приехал сюда, да?

М.М.: А! О моих / это / да? Не-нет / Жить нельзя было // Налог / задавили налогами / задавили // пришлось ему / временно выехать // Тогда на маму / на маму / контрибуции всякие наложили // Жить нечем было // У нас добрые знакомые / были / в Красноярске / написали / «У вас щас жуткое время // Власть переходит от одних людей / к другим // Тут и чехи были / тут и красные / и все // Пока вот неурядица у вас / приезжайте к нам / в Красноярск / у нас тихо / спокойно // А тем временем / когда всё / утихомирится / вернетесь домой» // Вот / решили / к ним перебраться // Тем временем / туда уже / проникли ... «красные» / в Красноярск / «белые» / между ними / значить // Э-э... Дрожали... Крестная / папина сестра / услышала разговор соседей / «Вот скоро наши придут / «красные» // А-а... (нрзбр) Двоюродные братья / они на железной дороге / работали // «Приезжайте / у нас хорошо / очень хорошо» // Приехали // Шесть человек нас было / четверо ребят / и вот отец с матерью // В конце девятнадцатого года / и застряли // Папа стал ходить / торговать / представитель в одной фирме / в

другой // Потом сам открыл / с другим знакомым / русскую молочную // На это жили // Старшие братья / подростками устроились уже на работу // Двое нас / доучивались... доучились //

Е.А.: Михаил Михайлович, действительно жили возвращением, что вот-вот вернетесь на родину?

М.М.: Да // Пять раз / вот пока и ждали // В двадцать пятом году / ну вот / скоро домой поедем //

Е.А.: То есть думали, что власть переменится и, может быть, вернется.

М.М.: Может быть вернется // А там / голод был / тетка умерла / дяди там остались // Тяжелое... тяжело было // Двоюродный брат мой / заболел там / чахоткой // Папина сестра / тетка / хорошо здесь работала / воспитывала / мальчика / вот богатая семья (*нрзбр*). Из-за болезни сына / уехала сюда // Написала правдивое письмо / как там тяжело // И все равно думали что / вернемся // Тем временем / Сталин уже стал / проявлять себя //

Е.А.: Михаил Михайлович, но связь все равно поддерживали с родственниками все время, да?

М.М.: Была связь / да //

Е.А.: А приходилось видеться?

М.М.: Нет // Нет //

Е.А.: А сейчас переписываетесь?

М.М.: А сейчас / сейчас как? Вот когда было / здесь так / жили настоящими русскими людьми / патриотами // И воспитывались в русских школах // (*нрзбр*) (*о невестке Юлии – жене умершего брата Геннадия*). Вот в пятьдесят третьем году после смерти Сталина ринулись домой. Трудно было на целине / но мало-помалу родные вытянули их в Самару. Так замуж и не выходила // Воспитывала сына / У него / впрочем щас / семья / и внуки / и правнуки есть / переписываются с... там из... Приезжала она / сюда / в пятьдесят девятом году // Как раз / опоздав / на три месяца / э-э-э... до... после трех месяцев / через три месяца после / образования недвижимости // Приезжала сюда / обратилась в консульство / чтобы получить то / что она оставила здесь // Ничего не добились / а он (*консул?*) у нее / спросил / «Что Вы / на быках приехали?» (*нрзбр*) Братья / свое предприятие открыли / кустарное // По производству / тех необходимых вещей / которые... вот / например / сапожный крем / зубная паста... (*нрзбр*) Тут мама умерла // Это мы с братом... //

М.М.: А потом / с предшествующим братом / он шестой / а я седьмой / он шестой / помогали // Один дома / домашний / другой лавочный // То есть этот... папе помогал / а я маме // А-а... другую неделю наоборот // Вот так чередовались //

Е.А.: Младший?

М.М.: Да / вот //

Е.А.: Михаил Михайлович, вот русские все-таки предприимчивыми были людьми?

М.М.: Конечно // Ну конечно // Лентяев не было // Все работали / все работали // А те / кто инвалиды / для них были / ночлежные дома / приюты были // Вот хозяйки / вот так уже / прилично живущие / каждый праздник / устраивали выпечку // Ну вот / хотя бы / куличи / к примеру // Первая выпечка / это для приютов / вторая уже для себя // Вот так вот / считали

своим долгом делиться // В тюрьмы отдавали / носили / в приюты / в ночлежные дома / всем / всем-всем // Жили хорошо // Жили, как раньше в России //

Е.А.: Михал Михайлович, Вы приехали сюда, дом построили или как?

М.М.: Мы жили у / двоюродного брата // Он потеснился / и приютил / нас / шесть человек / и / и еще с нами была / двоюродная сестра и папина сестра // Значит, восемь человек // Приняли нас / нес(коль)ко месяцев жили // А потом / э-э-э... уехали / в квартиру // А квартира у нас / состояла из одной комнаты // Вот там жили //

Г.М.: А у брата сколько было? Вот вы приехали, вас восемь человек? А у брата?

М.М.: Он / его мать / э-э-э.. этот еще / м-младший брат / было трое //

Г.М.: Это одиннадцать человек всего получается? В одной комнате?

М.М.: Нет / у него было / три комнаты // (нрзбр). Через три месяца / мы в ту / комнату / вошли / и в той комнате помещались // Были богатые / стали бедные // Все терпели // Старшие братья уже работали // Голодными не были //

Е.А.: Михаил Михайлович, а где Вы получали образование?

М.М.: Здесь / в Харбине // Культурнейший город был // Каких только ни было / школ // Начальные школы / гимназии / средние школы // Гимназия / реальное училище // Э-э-э... Специальные училища были // Все на русском языке // Китайцы / изучали русский язык / для того / чтобы окончить русские школы // Юридический факультет был / богословский факультет был / всё // Жизнь цвела //

Е.А.: Михаил Михайлович, Вы какую специальность изучали?

М.М.: Я учился в политехникуме / политехническом институте¹³ //

Е.А.: Откуда преподаватели там были?

М.М.: Русские / опытейшие / профессора / преподаватели // Приезжали сюда // Городто был Харбин / русский // Вот и потом с беженской волной приезжали профессора / специалисты / большие специалисты // Вот они в двадцать втором году / и открыли здесь / политехникум //

Е.А.: Михаил Михайлович, а вот Хэйлунцзянский университет сейчас есть?

М.М.: Этот гораздо позже сформировался / после прихода / советских войск // Советские войска... Здесь патриоты все были // Встречали / с большими надеждами / на то что на родину / поедем // А вместо того отсюда / хапали / как говорится / и отправляли / на север // В лагеря //

Е.А.: Но Вас Бог миловал хоть в этом отношении.

М.М.: У нас еще / горе было вот в чем // В тридцать пятом году / и в тридцать седьмом году / в России / остались старшие братья // А во время той вот / ежовщины... (Пауза).

Г.М.: Пропали, наверно, да?

М.М.: Здешняя невестка / уехавшая с племянником / уже в пятьдесят четвертом году / постаралась найти / вдову старшего брата / Аркадия / а та без слез не могла / вспоминать своего мужа // Расправились с ним // А он / чтобы... как сказать... э-э... спасти свою / жизнь / уехал из Самары / в Вологду // Есть такая?

¹³ Политехникум – название политехнического института «Учреждение намеченной технической школы произошло сначала под именем «техникума», а затем, 2 апреля 1922 года, было переименовано в Политехнический институт [Калугин Н.П. Юбилейная дата Харбинского политехнического института // Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е.П.Таскиной. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. – 352 с. – С. 57-60].

Е.А.: Есть!

М.М.: Вот там пробавлялся / женился в двадцать пятом году // Дочь имел. В тридцать седьмом во время расправы (*нрзбр*). А отсюда / уехали / в тридцать пятом году / двоюродные братья из Харбина / оба в Белой армии были / здесь работали / потом на дороге устроились // В тридцать пятом году / когда продали дорогу / и поехали домой / консул говорил / «Анатолий Алексеич» (?) / это он старшему / «мы советуем / не надо вам возвращаться домой» // Даже консул // «Отправляйтесь куда-нибудь на Камчатку» // Он заика был / этот / брат тот // Он говорит / «Я хочу на родину» // Вот уехал / и погибли оба брата... Вот такое отношение было // Тридцать пятый год / тридцать седьмой...

Е.А.: И там тоже так же было? Ведь многие бесследно исчезали.

М.М.: Из вашего / Благовещенска / сюда приезжали рассказывали об этом / как там тяжело было // Перебирались за границу / в Америку // Вот рассказали / что испытывали / в Благовещенске / в Хабаровске //

Е.А.: Михаил Михайлович, у Вас не было мысли уехать в Австралию, в Америку? Что держит?

М.М.: 3-забота // Вот о своих... Поддерживать надо было / брат оставил младенца-ребенка // Вот мы с братом / Алексеем / так / свою жизнь / э-э-э... как сказать / не устроили... Один из братьев / из Самары / хотел переехать в Хабаровск // Он на военной службе не был / дома служил / на железной дороге / на паровозе / помощником машиниста // Мало-помалу он / добрался / до Хабаровска // Хотел приехать к нам / сюда / и... дорогой пропал // Я считаю... Наверно / его поглотил Амур //

Г.М.: Михаил Михайлович, каким был Ваш брат Алексей? Каким Вы его сейчас вспоминаете?

М.М.: То есть как / каким?

Г.М.: Вот Вы всю жизнь с ним прожили. Что Вы самое такое интересное о нем можете нам рассказать?

М.М.: У меня плохих братьев не было // Все мои братья / один / другого лучше // Все хорошие // Всегда друг за другом / стояли // Раздоров не было // И он тоже / заботился о всех // Патриот // Верующий // Вот его все знают / Алексея Михайловича //

Г.М.: Сейчас Вас называют центром, главным человеком.

М.М.: Ну какой я центр? Я ничто // (*нрзбр*) щеночком / а маленькая собачка до старости щенок //

Г.М.: Михаил Михайлович, все о вас очень хорошего мнения. Говорят, что очень добрый и всем помогаете. Вы еще и очень скромный, оказывается. Михаил Михайлович, а вот вы закончили гимназию, политехникум. А потом где работали?

М.М.: Я работал / не по специальности // Когда / умер брат / четвертый / в двадцать восемь лет / оставив ребенка // э-э-э / он работал / в датской фирме / начал с мальчиков / а кончил / уже секретарем // Ответственный работник // Потом у него / заболела поджелудочная железа // Отправили его в город Цындао / к докторам немецким // Те посмотрели / и сообщили / местной харбинской дирекции // «Дело безнадежное // Вылечить его нельзя» // Через скоко-то времени / вернулся в Харбин // И-и на службу ходил / и даже таял / как говорится... // Э-э... все-таки потом решили сделать операцию // Двадцать четвертого декабря сделали

ему операцию здесь // Папа с мамой / находились в коридоре // Выходит профессор какой-то особенный / очень худой / немец и обращается к ним // «Вы отец? Мать? Так вот я скажу / дело безнадежное // Ваш сын умрет» // Вот / скрепили себя / воля Божья // «Он будет, если щас поправится немножко / то два - три месяца будет / мучиться / потому что / железу вылечить нельзя // А если умрет / то вот на днях умрет» // Вот так и получилось / двадцать шестого / на рассвете / в час ночи / Геннадий умер // Обращались и в больницы ночью... Невестка одна / бедная / Юля / оставалась // Ребенку два месяца // Ну вот когда / брат-то / умер / «Сейчас пойду домой / кормить ребенка» // Такие слова... Она приехала домой / и своей матери / говорит / «Мамочка! Я теперь вдова!» // А старуха так повалилась... Двадцать седьмого похоронили // <...>

А потом / оценили моих / братьев всех // «У вас же там / еще есть один сын // Давайте / мы его устроим» / пусть приходит // А у них не доставало... химика // И меня взяли как помощника себе // И вот стал работать / при лаборатории там // Бобы-ы / ма-асло / хлебные злаки / все надо было делать // здесь проработал / несколько месяцев // а потом меня в Дальний / в город Дальний // Вот там я / как химик работал // Работал там десять лет // Нет / какой / семь лет работал // Тут события были / война закончилась // Меня отправляли на линию / родители не согласились / не отпускали «Нет / нет / нет / оставайся здесь» // И вот потом / вместе с приятелями / открыли свое собственное дело / маленькое // ...Сталин / закончил свое существование // ...Племянник подался / в Россию / один из братьев поехал в это... в Австралию // А потом / закрыли это... разрешение на торговлю // Отправлялись на рынок / на базар / в Китайскую часть города / продавали остаток / сырья / вещи свои // А потом и тут запретили китайцы // С хлеба на квас / перебивались //

Е.А.: Власть переменилась – и всё...

М.М.: Жили и хорошо / и скучно // ... э-э... Брат в китайскую революцию... Русские были в разных частях города // Он здесь покупал хлеб / и отвозил туда // За это имел / хоть маленький / да заработок // А эти вот / настроены-то / против / китайцы встречали... э-э ... если не прямыми побоями / то кнутами / палками // Однажды брата ударили / по спине / опрокинули его / велосипед / хлеб рассыпался... Тяжелые времена были // Нас обзывали шпионами // ...Всех я потерял //

Г.М.: Михаил Михайлович, простите, мы Вас расстроили. Сильно очень.

М.М.: Я привык к расстройству // А тут свой / тоже... переживания // Почти до семидесяти девяти лет / болезней никаких не было // Не знал / что такое госпиталь // А тут / возвращаюсь отсюда / поздно ночью / от брата / на четвертый день Рождества // Вот там / до дому осталось идти / полквартила буквально // Открываю глаза / а я / в каком-то... каком-то большом доме / ходят люди туда-сюда // Что? В чем дело? Может сон какой-нибудь? Да нет // Потом догадываюсь / так это госпиталь // Потом дотронулся до лица / ах! А у меня кровь // А у меня кровь // А потом что же? Некоторое время полечили меня / а у меня появилось / такое / явление что ли? Я иду-иду / бух! падаю // А подняться для меня / больших трудов стоило // Последнее время / все чаще и чаще / меня поднимали люди // Решили сделать операцию // Ну и сделали операцию / серьезную такую / серьезную // Вскрывали череп // Вытащили оттуда / какая-то образовалась... я забыл как называется // Закрыли мне / «Отправляйся домой» // Это вот / под самую Пасху / девяносто первого года // Ну мало-помалу пришел в порядок

// ...А тем временем брат / Алексей / стал болеть крепко // И в конце года / двадцать седьмого декабря / он скончался // Люди добрые помогли / в больницу отвезли его // Доктор говорит / «Ему необходимо кровь влить» // Приезжаем в больницу / а в больнице этой крови нет // А утром они пообещали / достать где-то // говорю / «А как же сердце / оно выдержит / нет?». «Нет / не беспокойтесь / не надо» // Ну вот и остался / дежурить у его этого... у его постели // Он молчал / Ничего не говорил уже / дыхание правильное было // А потом / вдруг / прекратил дыхание это... вскочил / а тут со мной был / еще один этот... знакомый // Он позвал докторов / стали делать искусственное дыхание // Бесполезно // Уже отошел // Остался я один // <...> .

Ну вот / первая операция у меня была / большая // Через несколько лет / в девяносто третьем году / навещал других наших / местных / город... отделение / Ченхе / навещать одну старушку// Приехал туда / после дождя / перехожу дорогу безопасно / осталось мне только два шага / обхожу лужу // И вдруг в этот момент меня что-то по плечу / и меня отклоняет в сторону / не мог отойти // И все-таки / машина прошла // И я упал // Упал так что / сорвал руку / себе // Сначала было ничего / меня... в больницу // Помогли в том числе и / Владимир Алексеевич // Поех... пошли сразу / в больницу // В больнице сказали что / случай несчастный // Э-э... Сначала вправляли руку // < ... > А вот теперь / третий случай // Надо было / пломбировать / место жительства // пошел / пломбировать // «Надо / говорит / еще домовую книгу» // А тут / знакомая одна / китаянка // < ... > И как-то / автоматически / положил в карман эти / паспорта // И думаю / что домовые книжки тоже мне положили / в карман // Она дальше пошла / я к себе домой // Обед приготовил / покушал // ... смотрю / письмо пришло // Одна / очень хорошая знакомая / умерла // Расстроился ... Потом думаю / посмотрю / как у меня эти / паспорта // Сунулся / паспорта есть / а домашних книг нет // Что такое? Ну / будь тока моя книжка / я бы это... не волновался так // Нет / надо пойти // Пошел // Осталось пройти / ну вот / отсюда / видите? И до ворот // перешел эту улицу / последнюю // Там лужичка была / покрытая снегом // ступил / и... Это самое... поскользнулся // Взмахнул руками / палка моя / вылетела / в сторону // Я упал плашмя // ...Сознание не терял // Перевернулся / и... попросил меня поднять // Подняли // Пошел / ничего // Тут китаянка / взялась мне помогать // «Ну ладно / пошли» // Прохожу к китаянке к этой / смотрю // < ... > Я вышел // Уже идти-то / пешком не мог / ловлю машину // два паренька китайских / тоже мне / помогали / ловили машину // Довезли до дому // ...Пошел в больницу // Оказалось / трещина // Через неделю / опять пошел // Снимок очень хороший // Опухоль прошла. < ... > До семидесяти девяти лет / до восьмидесяти не знал больницы / а теперь вот три раза побывал //

Г.М.: Ну вот так получилось. Что ж теперь поделаешь?

М.М.: А щас писать надо / много //

Е.А.: А что пишете, Михаил Михайлович?

М.М.: На письма надо отвечать // В Самару не написал еще...

Г.М.: Михаил Михайлович, Вы в России были?

М.М.: Россию покинул я / в девятнадцатом году // И с тех пор...

Г.М.: Помните ее?

М.М.: Отлично помню //

Г.М.: Сколько лет вам было тогда?

М.М.: Семь лет / восьмой //

Е.А.: А что помните?

М.М.: А?

Е.А.: Что помните?

М.М.: Родные улицы / окружение / дома... это... дом свой / магазин / двор / сверстников-ребятишек / вокзал // Дачка была // На дачке этой... купались мы / раз // Вот я помню // < ... > У бабушки в селе Усолжье были, в Симбирске // Два лета там проводили // Бабушка пироги пекла // Помню / такое блюдо у нее / картошка / с конопляным маслом // Вкусно-вкусно // Все помню / память у меня / хорошая // Все помню / Россию помню...

Вот / два брата у меня... А! я же не сказал / старший брат Аркадий у меня / в русско-германской войне участвовал // < ... > Второй / машинистом паровоза был // третий брат / склонен был / вот... к юридическим наукам // И попал / в последнее время / в Иркутск // И работал у судьи // Потом приехал / к нам в Харбин // Тут Христианский союз молодых людей был / который охотно брал / молодежь / учил языку и отправлял в Америку // Вот он и поехал / искать счастья в Америку // Трудный был / у него путь // Он / получил образование // Работал // Тем временем война / прервала / связь // Тут папа умер // Советские войска вошли / двадцатого числа / а он умер / двадцать девятого // ...Возвращаюсь я / с похорон / один из братьев / Павел / траурную надел рубашку / черную / у меня повязка была / черна // < ... > Ну / остановились / все // (Встретились на улице советские военные – Е.О.) И заметили / что он в черной рубашке // «Фашист?». Ну / они увидели / что у нас траур / похоронили отца / отпустили //

(китайская речь)

Николай Николаевич Заика

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСТРЕЧЕ СО СТУДЕНТАМИ
АМУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
19 сентября 2006 г.**

Николай Николаевич Заика родился в Харбине в 1939 г. и принадлежит уже к третьему поколению русских в Китае: его деды приехали в Харбин из России, а родители были рождены уже там. Николай Николаевич уехал из Китая в Австралию в начале 60-х гг. XX в. вместе со своей семьей, а сейчас вновь большую часть своего времени проводит в Харбине – живет в уцелевшем доме своего деда, напоминающем музей, потому что там все, как раньше в Харбине: обстановка, убранство... Чем занимается? Тем, чем не станет заниматься обыватель в обычном смысле этого слова. Николай Николаевич – хранитель памяти о русском Харбине: он может провести вас по Харбину так, что город оживет для вас в прежнем облике со всеми своими достопримечательностями, созданными русскими во время своего пребывания там, потому что Николай Николаевич знает их все, и в Харбине его «окружают тени прошлого»; он знает историю Харбина, официальную и неофициальную, он его энциклопедия; он спасает русские погосты в Харбине, считая своим долгом заботиться о них и хранить память о предках и русских харбинцах вообще; он знает всю харбинскую мифологию, он неисчерпаемый источник разных рассказов и баек о русском Харбине и его обитателях. Он делает это, потому что не может жить иначе. У каждого свое предназначение в жизни, своя миссия. Миссия Николая Николаевича – хранить Харбин. И дай Бог ему помощь и удачу.

«...Я фанатик Харбина, я патриот!»

Благовещенск, Запись 19 сентября 2006 г. Расшифровка М. Король.

Хранение: ФА, 2006, 40.

Спасибо, теперь так: то, что вы сейчас слышали, обо мне было сказано – нормальный человек. Я считаю, что вполне ненормальный человек, потому что то, что я делаю, но... не каждый нормальный человек будет делать. Что нормальный человек стремится где-то заработать... Да. А я провожу время и трачу свои деньги на куски истории, которые я где-то покупаю в лавках. Вот то, что я делаю.

Теперь для меня это очень большая честь находиться перед вами.

Первое – это такое большое количество вас, второе, вы – это люди – будущее России. И вот на этот... на этот этап я нажимаю, вы будущее России, да. От вас зависит будущее вашей страны. Когда я сюда приехал, по-моему, на третий день я поехал в Албазин, о котором я

очень давно знал, я знал, что это святость, и что там лежат люди, которые создавали Россию, которые ее не продавали, как сейчас очень многие делают – зеленая бумажка ближе всего. Они отдавали свои жизни, да, вот почитайте о тех людях и берите с тех людей пример. Мне *(нрзбр)* в том смысле, что я говорить могу долго, долго, долго, лучше вы мне вопросы задавайте. А меня, если расспросишь, я уже знаю, что я могу, это уже с опыта, я могу говорить шесть с половиной часов не останавливаясь, потом начинаю хрипеть. Так что лучше задавайте вопросы, но я опять повторяю: всегда помните, что вы – будущее России, вы – Россия, помните это, я вас это прошу. Потому что вот я, да, как бы представитель тех людей, которые... которые ушли из России, когда Россия строила железную дорогу в Китае. Люди шли на постройку железной дороги со всех сторон, со всех концов России и Украины, кстати, там были и поляки. Очень многих поляков ссылали в Харбин и было сказано так: или будешь сидеть сколько-то лет или поедешь на постройку КВЖД. Я знаю такого человека, который так и приехал. Так это были люди, которые шли на заработки, пришли в Харбин, создавали Харбин, создавали железную дорогу, и они остались в Харбине, потому что условия жизни, которые царское правительство предоставило служащим железной дороги, – они были фантастические, да. Я уже до этого в прошлый раз говорил: какому-то мальчишке задали вопрос: «Кем ты хочешь быть, когда ты вырастешь?» Он говорит: «Пенсионером КВЖД». Потому что царское правительство платило жалование, или, как на современном языке это называется, зарплата, золотыми рублями, и Маньчжурия была засыпана русским золотом, это всё было на русское золото, всё-всё русское золото. Теперь так. Люди строили, обзаводились семьями, родились дети, люди их воспитывали русскими, потому что КВЖД – это была Россия. Когда была русско-японская война, с России брали солдат в армию, то же самое было в Харбине, то есть это была Россия. Первая мировая война – то же самое, брали, брали, ну в солдаты из... из Харбина. И кстати, у нас в доме была икона, которая до сих пор у нас, был один молодой... молодой человек, его призвали в армию, на Первую мировую войну, и когда он уходил, он икону дал дедушке и сказал, что если я вернусь, ты мне ее отдашь, если не вернусь, то она останется у тебя. Вот эту мы икону помним.

Теперь так... Простите... В России произошла революция. Я вас очень прошу понять, понять меня. Понять меня в том смысле, что я вам рассказываю то, что вы, может быть, не знаете, то, что для вас может показаться диким, но, тем не менее, я вам рассказываю факт. До сорок пятого года у нас были русские школы. Русские школы, где... ну все те же самые, практически, предметы, плюс закон божий. Закон божий был во всех русских школах, и во время урока закона божьего, если были какие-то другие ученики, мальчишки или девчонки, которые... у которых была другая вера, они с закона урока божьего могли уходить. Но у нас, вот скажем, раз в неделю в эти школы приходил раввин, и после уроков был урок для мальчишек и девчонок, которые... у которых было еврейское вероисповедание. У нас никогда не было разницы: ты такой, я сякой, да. А разница была только в том, что у тебя Пасха тогда, у меня Пасха тогда.

Теперь так. Вы сейчас будете восторгаться. Вот вы, да, у вас два раза празднуется Новый Год, я просто говорю пример, Новый год, Старый Новый год, это здесь. А у нас в Харбине, а я хвастаюсь Харбином, я фанатик Харбина, я патриот! А у нас в Харбине праздновали Новый год, Старый Новый год, Китайский Новый год, Корейский Новый год, это просто к

примеру. Теперь, после сорок пятого года, школы стали советскими, программа ваша и наша одинаковая, только разница была в том, что когда у вас, скажем, выпускные экзамены, по моему, к вам приходил директор и открывал конверт с темой сочинения. А у нас в школу приезжал секретарь советского консульства и открывал этот конверт. Кстати, на эту тему, когда у нас был экзамен по литературе письменный, то весь класс накануне экзамена фактически не спал – все слушали Москву. А вдруг Москва скажет, какая была тема, но Москва не сказала. Так что мы шли, не зная, что будет, а тема была: «Печорин и Онегин как типы лишних людей», «Ленин в изображении Маяковского» и потом «Образы коммунистов в «Поднятой целине». Печорина я знал, Онегина не знал – отпадает. Теперь, писать Ленин по Маяковскому – в запятых запутаешься. Поэтому не писал. Я взял самую легкую тему – «Образы коммунистов в «Поднятой целине», и я так ее расписал, честное слово, что у меня даже Илья Муромец стал коммунистом. Я цитировал Илью Муромца, но ну ладно, это другая тема. Вот так. Лучше задавайте мне вопросы, я буду на них отвечать. Потому что для меня необыкновенно видеть так много вас, а я всегда раньше тоже вот так вот сидел или стоял около доски, а учитель тут сидел. А вы сами знаете, стоишь около доски, учитель когда-то на тебя смотрит, когда-то не смотрит, а ты смотришь на кого-то обыкновенно из девчонок, потому что девчата – они всегда подсказывают. То есть то, что у вас, то, что у нас – это было практически одно и то же. Так что лучше задавайте вопросы, а то, ну, в общем, глупо будет, если вы не будете задавать вопросов.

Николай Николаевич, давайте начнем с истоков. Расскажите о своих родителях, как вот они приехали, откуда приехали, откуда у вас такая фамилия.

Мои родители, мама и папа, родились в Харбине. Папа в десятом, мама в четырнадцатом году. Прадедущка с маминой стороны пришел с Украины, он был купец, и у него была царская грамота, в которой было сказано, что купец Чернолуцкий идет в Китай на развитие русского торгового дела. Это мой прадедущка. Дедушка с папиной стороны, он тоже был с Украины, он был крестьянином, денег абсолютно не было, большую часть пути где-то он со своим братом шли пешком.

Прадедущка пришел в Харбин, он открыл скобяной магазин. Прабабушка начала заниматься хозяйством, у нее были коровы там, свиньи, в общем, хозяйство. Причем она сама доила коров, она сама за коровами смотрела, и не думайте, что это были какие-то буржуи, у которых было много там рабочих. Ничего подобного.

Дедушка с папиной стороны, он где-то сперва работал там, на КВЖД, потом начал заниматься лошадьми, привозил их из Монголии, потом в девятьсот пятом году открыл, возможно, первая колбасная фабрика Харбина. У нас, в Харбине, был магазин Чурина, который был у вас тоже. У Чурина своей колбасы не было, и мой дедушка давал нашу колбасу в магазин Чурина, а Чурин ее уже под своей маркой продавал. И Чурин открыл свою колбасную в девятнадцатом году, то есть до девятнадцатого года дедушка...

Теперь так, мои родители родились, кончили школы. Папа кончил американский коммерческий колледж Чи Фу (?), но это никакого толку не принесло, работал в магазине, вроде бы приказчиком, потом он работал шофером большого грузовика. Теперь, когда-то в сорок пятом году или конец сорок четвертого года... это спорный вопрос. Почему я говорю «спорный вопрос»? Потому что в полных архивах есть анкета или документы на моего дедушку,

но они не вполне правильные. Моего дедушку с маминой стороны убили японцы. Убили японцы, они его... он вышел из магазина, они его тут же взяли, и через несколько дней выдали его труп, выдали бабушке и сказали хоронить без всякого объявления в газете, чтоб это более-менее тайные похороны были. Там, где его убили, это была японская военная миссия, это страшнейшее место Харбина, кстати, этот дом до сих пор стоит. Туда, в этот дом, в этой японской военной миссии, туда брали только тех, только политических. Дедушка ни в какой политике никогда не участвовал, ни на какие собрания, ни на какие там мероприятия он никогда не ходил, он нигде-нигде не участвовал, и вдруг... Но, в общем, как получается, связь с советской разведкой. Давайте, что еще? Хватит или еще развиваем эту тему?

Ваши украинские корни, они сказываются?...

Папа говорил по-украински, моя тетья говорила по-украински, два дяди чуть-чуть, а так вроде мы все русские. А вот есть (*нрзбр*)... Русские, русские-все одно, а вот если точнее, да, мы украинцы.

В Харбине было двадцать две церкви и два монастыря. Среди этих церквей была одна украинская, потому что вот украинцы, вот мы сами выстроили свою церковь. Кстати, эта церковь до сих пор в Харбине, это так называемая действующая церковь, но священника там нет, там один человек читает молитвы, которые я привез из (*нрзбр*), на китайском языке, эти молитвы можно читать любому, если нет священника. И люди, которые сейчас приходят в церковь, они просто приходят в церковь, это воскресенье, покупают свечи, поставил свечи, прослушал там как этот молитву, все.

Давайте задавайте вопросы еще. Какие вопросы, а вы меня, между прочим, не стесняйтесь, я ни кого к доске вызывать не буду, ставить отметки не буду ставить.

Скажите, вот говорят, Харбин – он русский город...

Он был. Вот так. В Харбин приезжает масса, масса туристов, приезжают люди, которые никогда не были в Харбине и вообще никогда не были в Китае. И когда человек уезжает, он говорит, что что-то в этом городе есть, какая-то святость, это намоленное место, и здесь же, в этом месте, пересекаются какие-то силовые линии, то есть в городе что-то есть. Говоря на эту тему, Харбин всегда был под покровительством Николая Угодника.

Теперь так, я никому никакой религии не навязываю, я вам говорю чистые факты, а дальше вы сами думайте. Когда построили железную дорогу, то в Харбине на вокзале стояла очень большая икона Николая Угодника, около иконы лежали свечи, и не было человека, который продавал свечи. Каждый приезжающий или каждый отъезжающий подходил к иконе и обязательно ставил свечку. Если у него были деньги, он клал деньги, если у него не было денег, он просто так брал свечку. Китайцы знали, что вот на вокзале есть какой-то старик, они не знали, что Николай Угодник, знали что старик, вот и всё. Эту икону потом, по требованию властей потом, эту икону перенесли в часовню собора. Кстати, у нас был собор, который был построен на самой высокой точке Харбина, этот собор был выстроен из бревен без единого гвоздя. Его в шестьдесят шестом году вот эти вот бандиты, революционеры, уничтожили. Так вот так, икона стояла уже в часовне, и были случаи исцеления людей. Так вот это сто процентов, это документальное дело, ехал шофер, русский шофер такси, поздно вечером возвращался домой. Зима, метель, холод, и он решил заехать на вокзал, а вдруг там пассажира подберет. Подъехал к вокзалу, около вокзала никого нет, а со ступеньки вокзала спускается

старик, и на вид... Шофер к нему подъехал и говорит: «Садись, я тебя подвезу бесплатно». Старик садится сзади, шофер ему говорит: «Куда тебя везти?». Старик говорит: «К собору». Шофер ему задает вопрос: «А где ты живешь?», а старик отвечает: «Вот там и живу». Шофер ни о чем не догадывается. От вокзала до собора на машине две минуты. Едут, и старик ему говорит: «У тебя дома больной ребенок, этот ребенок скоро поправится». Машина подъезжает в этот момент к собору, шофер оглядывается: сзади никого нет, и тут у него дошло: вези к собору, вот там и живу, у тебя больной ребенок, скоро поправится. А он ничего не говорил старику, что у него больной ребенок. И вот этот шофер под этим сильным впечатлением выскакивает из машины, а рядом трамвайная остановка, на которой стоят три женщины, и он им говорит в испуге: «Вы видали старика, видали старика?». А три женщины говорят: «А никого не было», и у него докатило, что это был Николай Угодник, я вам ничего не продаю, между прочим, стопроцентный харбинский факт. Так вот одна женщина описала всю эту историю, и это у меня есть. Это тоже... это тоже история. Задавайте вопросы.

<...>.

Хотела вас спросить, какие отношения были между русскими и китайцами в Харбине, когда вы там жили?

Какие отношения были между русскими и китайцами? Если в общем взять, с самого начала, когда начали строить железную дорогу, то на постройку шли и русские, и китайцы, потому что этот район, вот что бы вам история, советская история, китайская история, что бы они вам сейчас ни говорили, потому что те врут и те врут, и красиво врут, север Китая он был очень мало... было очень мало народу, да, и когда русские начали строить дорогу, только благодаря этой дороге этот край воскрес, да. Русские шли на постройку и китайцы шли на постройку; с другой стороны, китайцев китайское правительство переселяло на север Китая, чтобы заселить Китай. Поэтому положение русских и положение китайцев было одно и то же: одни рабочие, другие рабочие – это их объединяло, и отношение друг к другу было идеальное, идеальное, до двадцать четвертого года. Когда произошла революция, то Харбин не признал революции и Харбин не подчинился Советскому Союзу. Харбин и железная дорога существовали сами по себе.

Теперь так, с этой стороны пришло очень много большевиков и людей, которые пытались установить советскую власть на КВЖД. Начались разные волнения, начались забастовки. Все хуже и хуже, и генерал Хорват, который стоял во главе постройки железной дороги, он уже не мог справиться, и он обратился к губернатору Цицикара, китайцу, чтоб ввели войска, ввели войска. Это генерал Хорват просил китайцев ввести войска. Китайская история это все по-другому показывает. Мы сравниваем. На самом деле (*нрзбр*).

Харбин сам по себе существовал до двадцать четвертого года, в двадцать четвертом году Китай признал Советский Союз. И вот с двадцать четвертого года начались проблемы, то есть, вот вам в это трудно поверить, потому что ваша история говорит все наоборот. Когда Харбин стал уже под советским контролем, да, то было первое, что было сказано: служащие железной дороги должны были быть или китайско-подданными или русско-подданными, то есть советско-подданными. До двадцать четвертого года люди десятками лет могли работать на железной дороге, не имея вообще паспорта, это факт, а в двадцать четвертом году – или китайское или советское. Так вот так, был один, я его считаю великим человеком только за

то, что он сказал, он с самого начала постройки, он был уже в Китае, да. Это был Афанасий Федорович Давиденко, у него паспорта не было, был украинец, работал на железной дороге, и вот когда сказали, что нужно взять или советский или китайский паспорт, он ушел с дороги, он сказал так: «И советские хорошие, и китайцы хорошие, но я остаюсь русским», вот такая *(нрзбр)* правда. Советские люди начали вносить смуту, вносить разницу между нами и китайцами – здесь все немножко началось. А вообще, как жили китайцы и русские, ну вот например, это я помню, хорошо знаю: осенью в каждый русский дом приходили китайцы-крестьяне и предлагали помощь, потому что все семьи должны были делать запасы овощей. И вот приходит китаец-крестьянин, стучит и говорит вам: «Мадама, тебе надо-не надо?». Всем надо, а денег нет сейчас, и китайцу говорится вроде: «Надо, но сейчас денег нет», он говорит: «Зачем деньги сейчас, не надо никаких денег, бери, сколько тебе надо, вот телега стоит – бери сколько угодно». Люди брали мешки, там, картошки, капусты, ну, все, что нужно, без копейки денег. Но никакой расписки, никакой, вот китаец забрал, то есть китаец дал, люди забрали, и китаец ушел, но прежде чем уйти, на улице косяк двери, входная дверь, да, парадная дверь, он на этой двери наверху карандашом напишет, что в этом доме он оставил столько-то вот мешков. Пройдет два месяца, может быть, может быть, даже и три, он придет и скажет: «Деньги есть?». И люди, это вот такое было доверие китайцев к русским, мы им платили тем же самым. Русские праздники, да, китайцы знали лучше, чем мы, потому что китайцы, они очень-очень мудрый народ, и они существовали... очень многие существовали только благодаря русским.

Так, Пасха – очень много есть надо, Троица – очень много травы надо, потому что в каждом доме надо посыпать травой *(нрзбр)*. Отношение было очень хорошее.

Теперь так, другое... другая сторона жизни. Были смешанные браки, были. А вдоль границы, недалеко от границы здесь, да, были деревни, которые полностью состояли, семьи: он – китаец, она – русская. Почему это было? Я знаю одну семью, в которой мать сказала своей дочери: «Выходи за китайца. Пойдешь за русского – его или белые возьмут или красные возьмут, все равно убьют. Выходи за китайца». Вот такие случаи были.

Ладно, дальше что?

А посредством какого языка происходило общение?

Что было?

Общение было на каком языке – на русском, китайском, или каком смешанном?

Вот это тоже очень важно. Китайцы учили русский язык, русские, да, они могли прожить в Китае до глубокой старости и фактически по-китайски не говорили. Китайцы учили русский язык, и вам это должно быть сразу понятно, что в Китай пришла более сильная цивилизация. Китайцы учили, да, они, может быть, не совсем хорошо говорили, «ваша-наша» там, да, но они говорили по-русски. Китайцы на своих магазинах писали все по... весь город – это всё русское, все надписи – все по-русски. План города, да, все улицы – это всё-всё-всё русское, да. А китайцы, вот китайские магазины там китайская надпись и русская надпись. Китайцы то, что делали раньше, они то же сейчас делают. Вот ему надо что-то на русский язык перевести, чтоб пойти в отдел переводов – нет, это очень дорого, он возьмет какого-то приятеля, который что-то знает по-русски, и приятель ему напишет. Если вы когда-нибудь в Китае бывали, вы можете сейчас видеть, да, какие переводы. В ресторане написано, в меню,

да: «жареная нога барана», здорово звучит, да? Или же в старину: «Бакалейные торговля старым железом».

Теперь, говоря на эту тему, на берегу Сунгари, на той стороне, был пляж, и люди, значит, летом ездили купаться, а, значит, купаться, а шмутки же надо где-то оставить, поэтому на берегу было очень много таких маленьких будочек, где принимали вещи на хранение. Но это уже было русское дело. Так вот, в одной будочке, где принимали вещи на хранение, была вывеска, вы внимательно слушайте, написано: «Принимаются ве..., это вот где вещи сдавать, на пляже, да, «принимаются вещи на хранение с гарантией на пропажу». Это всё было, да.

<...>.

А вот вы сами говорите на китайском языке?

Ну, вроде бы говорю.

Вы русский человек, но вы гражданин Австралии, вы житель Харбина, который уже, к сожалению, давно не русский, а как же удалось сохранить русский язык, в чем та живительная энергия?

Вот в этом, вот в этом и русская святость. Почему я гражданин Австралии? Да потому что складывались такие условия, что русским надо было выезжать. Вы все подробности хотите знать? Скажу. С подробностями.

Хотим, хотим. Николай Николаевич, вы присядьте.

Не, нет, иначе меня не все увидят, вдруг уснут. В общем, дело было так, когда сорок пятый год, да, все ждали Советскую армию, потому что русские прошли самое страшное, самое тяжелое время японской оккупации. Приходит Советская армия, ее везде встречают, везде встречают цветами. В советской литературе, вот в советской истории написано, что в Харбин пришел советский десант, сто двадцать человек, это факт. Прилетело сто двадцать человек, вот эти десантники, в таком большом городе все ключевые точки взяли под свой контроль. Это советская история, но это, извините, художественный свист. Когда начались военные действия, когда Советская армия перешла границу, да, в это время, русские студенты, русские люди города Харбина под руководством советского консула, они разоружили японский гарнизон Харбина, они взяли все важные объекты города под свой контроль, и они держали этот город, сохранили этот город к приходу Советской армии. Это сто процентов. И когда садился десант, вот эти сто двадцать человек, то десант встречали наши русские ребята с первым комендантом города Харбина, был такой Вася Панов, он был первый комендант. Так что это был... Я немножко отклонился от темы, и от какой темы?

Русский язык как вы сохранили? Как сохранили?

Вы же знаете, когда слишком много знаешь, поясняешь тут, поясняешь тут, а потом очень часто так, когда человеку задают вопрос, он начинает не от печки, знаете выражение «начать от печки», да, а я начинаю с той стороны печки, и пока я дойду до печки, я уже... что?

Как сохранили русский язык такой? Как сохранили русский язык?

А! Русский язык, да! Да, русский. Короче говоря, в общем, (*нрзбр*) да, в сорок пятом году, если бы была возможность, если бы было бы разрешение Москвы, то почти все люди, они бы уехали в Россию, в Советский Союз. Но этого разрешения не было, люди просили-

просили, чтобы пустили в Советский Союз, и очень долго просили. И я лично видел, было устроено большое собрание, собрание устроило, устроило советское консульство, то, что говорил человек со сцены, я не помню, но я помню, что он бегал по сцене, это сотрудник советского консульства – вот этот момент я помню – размахивал руками и кричал: «Никуда вы не поедете. Рассасывайтесь по Китаю». Ага. Почему надо было рассосать этих людей по Китаю? Потому что Харбин – это русский город, это русский, чисто русский город, этот город, нравится вам – не нравится, но я говорю факты, это было бельмо на... на глазу советской или на глазах советской политики, это была... это была Россия, поэтому ее надо было убрать. Вот почему в пятьдесят седьмом году закрыли русское кладбище, два русских кладбища. На одном кладбище было две тысячи человек, это были самые пионеры города Харбина, на другом кладбище было, которое было открыто в девятьсот втором году, там было от шестидесяти до восьмидесяти тысяч могил. Это все русское кладбище, и это надо было, и там вот памятники идешь и читаешь: похоронен такой-то, что он сделал для Харбина, что он строил или кем он был. И вот эту историю надо было убрать, и вот в пятьдесят седьмом китайцы сказали, что кладбища закрываются, уберут все памятники, это будет парк, но могилы трогать не будут, то есть копать никогда ничего не будут. Китайцы до этого бы сами не дошли, китайцы очень уважали тех людей, которые умерли, они бы это сами не сделали. Это было распоряжение, как в то время называлось, распоряжение старшего брата. Старшим братом в то время был Советский Союз, более младшим братом был Китай, это так называлось. Меня это немножко трогает, потому что я всегда считал, что китайцы очень-очень мудрый народ. Так вот так, кладбища убрали, надо рассасываться по Китаю, и люди начали подавать документы, чтоб выехать в другие страны.

Другие страны, например Америка, тоже не хотела нас, не нужны мы. И вот когда люди начали подавать, чтоб уехать в другие страны, вот в этот момент Советский Союз объявил так называемую целину – давай, приезжай. Дали три дня записаться, причем объявили перед Паской. Дается вам три дня, чтоб записаться, чтобы уехать в Советский Союз. Короче говоря, уходили составы, составы, составы, да. Десятки, десятки тысяч ехали в Советский Союз, им было сказано: можете везти сколько угодно с собой, чего угодно. Но люди ехали на целину, не зная, куда они едут, они вообще не соображали, что такое целина.

Так вот представляете, очень-очень интеллигентная семья, очень интеллигентная, они преподаватели музыки и, естественно, богатые люди везут с собой рояль, это помимо других дорогих вещей, рояль. А их привозят в Казахстан, выгружают на целине, значит их, ихние шмутки, их рояль, и говорят: «Копай себе землянку», это факт, вот так. Теперь, когда люди уезжали из Харбина вот на целину, они друг с другом уговаривались, потому что была очень строгая цензура, как друг другу сообщать, хорошо или плохо. Сейчас вы будете смеяться, один уезжал на целину и своему приятелю сказал так: «Если там всё хорошо, то я буду писать черной ручкой, а если там всё плохо, я буду писать красной ручкой». В общем, проходит сколько-то времени, приятель в Харбине получает письмо – все черное, человек восторгается, как там хорошо, всё-всё-всё, а в конце приписка: «Оббежал весь город, но красной ручки не нашел».

Теперь другое, люди, которые попадали на целину, для русских людей, то есть для советских людей, это тоже была проблема. Представляете, какой-то председатель, скажем,

председатель колхоза, ему рабочих рук не хватает, ему сверху говорят: «Подожди, сейчас приедут». И вот приезжают такие наши пианисты, там, какие-нибудь инженеры на целину, а его специальность и не подходит к этой целине. А с этими людьми что-то надо делать, и вот положение председателя – как помочь себе, потому что рабочие нужны, и как помочь вот этим людям, которые попали на целину.

(Начало фразы опущено) и отправлены в лагеря, и были очень-очень умные люди, которые попали за решетку ни за что ни про что. Так вот моя информация, то, что у меня где-то в архивах есть, когда Иосифу Виссарионовичу нужно было сделать телефон, который нельзя было подслушать, то на этом проекте были два харбинца, которые до этого сидели в лагере, наши.

Я очень как бы горжусь нашими харбинцами, что разъехались по разным странам, они не забыли, что такое Харбин, а самое главное – они не потеряли свою русскость и они не потеряли свой... свой русский язык. В данном случае я, да, я не потерял русский язык, потому что это русский язык, русская святость, русская история. Мы приехали в Австралию, я еще не был женат, и потом женился. Вот, сюда.

В Австралии в церкви встречаются две девушки, одна из них моя двоюродная сестра по фамилии Заика, Заика. И вот знакомится с другой девушкой, то есть другая девушка с ней знакомится, и та девушка приходит домой после церкви и матери говорит: «Знаешь, мама, в церкви познакомилась с очень хорошей русской девушкой, но такая ужасная фамилия – Заика, но ничего, она выйдет замуж, сменит фамилию». Правильно. Та сменила, а эта получила. Это моя жена.

Теперь, когда у нас родились дети, родились дети, да... у меня два сына. Когда они были вот такие, скажем, я им каждый божий день читал сказки, вернее не читал – я им рассказывал сказки. Каждый божий вечер. Я за все время, ну скажем моего воспитания, я им ни одной сказки не прочитал. Каждый божий вечер я рассказывал сказки, где я их на ходу сочинял. У меня мальчик где-то там в тайге жил, где-то около Байкала, где-то около Урала, что такое Урал. Я рассказывал, что кто-то, ну я говорил, что черт украл все сокровища земли и *(нрзбр)* когда он пролетал над Уралом, зацепился, мешок порвался, и все...все лучшие сокровища теперь в горах Урала. Но это я просто рассказывал, чтоб дети запоминали какие-то географические точки. Теперь, мы каждый божий вечер, мы что-то пели, и у меня ребята назубок знали «Катюшу», «Эх, дороги», «Степь да степь», «Наверх, мой товарищ», они назубок знали, кстати, их до сих пор поют. Русские вечера, да. Детей воспитывали русскими в доме, всегда только русский язык, только русские обычаи.

(Начало фразы опущено) среди недели ребята, значит, ходили в школу, естественно, австралийская школа, английский язык, а дома только русский язык и наши традиции, всё русское.

Теперь так, мы создали русские школы, русские школы по субботам-воскресеньям, то есть наши русские ребята или девчата посещают австралийские школы, нормальные австралийские школы, а в субботу или воскресенье он в русской школе, десять лет. Русский язык, русская литература, география и история, и в начальных классах закон божий. Так вот, когда ребята шли в первый класс, они с большим удовольствием шли в русскую школу, русская школа, русская школа. Это шло, приблизительно, это удовольствие до пятого класса, в пятом

классе вот приблизительно в это время, до седьмого класса ребята и девочки шли не с удовольствием, а они шли под палкой, их заставляли идти. А, вроде, почему я должен идти в русскую школу? А проблема была такая, что и девочки и мальчишки занимаются спортом, все соревнования австралийских школ по субботам и по воскресеньям, а наши ребята и девочки, вы сами знаете, что такое русские, да, они всегда какие-то такие, ну, спортсмены, они всегда занимали хорошие места, а тут соревнования и нельзя. Это была у нас проблема, и как всегда бывает в нашей вот школе, школа продолжает существовать. В нашей школе получилась такая удачная компания. Обыкновенно в каждой школе есть сколько-то человек, которые, мальчишки, скажем, которые фактически заправляют всей школой. Вот у нас такая вот группа была, включая моего сына, и они немножко интересовались волейболом, так чтобы их занять, мы стали устраивать тренировки по вторникам. Почему по вторникам, потому что, когда наши ехали в Австралию, да, они когда-то играли в волейбол, а тут у них получилась традиция – каждый вторник они, это уже сорок лет, они приходят в школу и вечером играют в волейбол, причем, идут в волейбол, они уже прыгать не могут – они уже дедушки, да. Но они все равно играют в волейбол, идут на волейбол, несут маленькую сумочку – там обязательно пиво. И после игры в волейбол они тут же сидят и новости (*нрзбр*). Так вот наши мальчишки стали тренироваться с этими папашами, а эти папаша, да, у них зверские удары, и вот наши маленькие ребята, тринадцать-четырнадцать лет, они, благодаря этих тренировок, они научились принимать зверски сильные удары. И дальше мы этих ребят пустили в соревнование австралийских школ. Это было впервые в истории, да. Русская команда школы Александра Невского принимает участие в соревнованиях австралийских школ, причем неизвестная школа, Александра Невского, какие-то русские, какие-то вообще неизвестные, и вдруг эти неизвестные ребята начинают колотить уже известные команды, да, и наши ребята выходят на первое место в Сиднее, они выиграли чемпионат Сиднея. Следующий чемпионат штата, и ребята выигрывают чемпионат штата. Так вот, мы приехали на соревнования, команда заходит в зал, а тут около парадной двери сидит австралийская какая-то команда, а там тридцать-сорок команд, какая-то команда сидит у двери и с ними сидит тренер. Наши ребята прошли, а я иду сзади на маленьком расстоянии, прохожу мимо, вот эти вот волейболисты-австралийцы своему тренеру говорят: «Ты хочешь, чтоб мы у них выиграли? Да они же звери!». Это русские ребята.

Теперь, когда русские ребята, вот наша команда, выходила на поле и начинали игру, они складывали руки, да, и они просто рявкали «Невский». Так вот был случай, в Австралии соревнования, наша команда приехала на соревнования, и на этих соревнованиях я встретил своего бывшего сослуживца, которого долго не видал. Он мне говорит: «А ты че?». А я говорю, что у меня сын, а тот говорит: «И у меня сын». И он мне говорит: «В какой команде твой сын играет?» Я говорю: «В Александра Невского» Он задумался: «Никогда не слышал». Я говорю: «Ну сейчас услышишь». Так три года, три года чемпионат – наши ребята.

Теперь так, очень часто между собой по-английски говорят, но когда они выходили на поле – разговор только по-русски, чтобы та сторона не понимала, что они говорят, да. И в последнее соревнование ребята, это соревнование всей Австралии, все команды Австралии и наши ребята – они шли третье-четвертое место, но у австралийцев все вот такие, а у нас чем богаты, тем и рады – один такой, другой такой. Так вот эту команду я когда-то привез в Хар-

бин, и когда команда заходила в зал, китайцы смеялись и говорили: «А это что, волейболисты или футболисты?», и когда наш самый полненький подпрыгнул – весь зал хлопал. Да, наши русские ребята, да. Они, они говорят по-русски, они... вот, например, мой старший сын, он читает русские газеты, читает русские журналы, интересуется политикой. И если что-то там какие-то новости, потому что очень часто передают новости, то, что происходит в России. Мой старший смотрит, заходит младший, старший говорит: «Сашка, Сашка, посмотри вон там», Сашка: «Меня это не интересует», но если какие-то спортивные соревнования, да, Сашка будет смотреть и будет звать Борьку, а тот скажет: «Да меня это не интересует», то есть они разные.

Теперь, русский язык, да. Мой сын, младший сын стал играть уже в австралийских командах, и он очень заядлый игрок. И вот он режет по-русски и с русским матом, по-русски. Судья останавливает игру, подзывает Сашку (*нрзбр*) и говорит: «Я не понял, что ты сказал, но тон мне не понравился – желтая карточка».

Наши ребята уже взрослые, у старшего уже семья, все равно, все равно русский язык, они это хранят. У меня внуки, то есть внук и внучка, но внучке еще немножко рано говорить, а внук, он говорит по-русски. То есть это уже (*нрзбр*) четвертое поколение, рожденное за границей, да, мы это хранили, мы это будем хранить русский язык, русскую святость. Так задавайте вопросы...

Вы только что вспоминали о тех временах, когда русские харбинцы эшелонами уходили в Советский Союз. Стоял ли перед вами выбор, куда поехать: Америка, Австралия, Советский Союз? Как вы оказались в Австралии?

Если откровенно сказать, да, я-то не очень горел желанием ехать в другую страну, потому что я знал, что в Советском союзе я бы на кого-то выучился в университете. В то время я еще не кончил школу, я уже работал в кино. И с пятьдесят седьмого года я работал в русском кино, которое у нас было, и в кино советского консульства. Почему в кино советского консульства? Потому что до пятьдесят седьмого все служащие советского консульства в Харбине были китайцы. Вот там что-то такое получилось, с Никитой Сергеевичем, от всех китайских работников, значит, китайских работников освободили и взяли туда только русских, и вот я с тех пор там был. Советский консул, то есть консул Харбина сказал: «Пока я здесь, ты ни в какую Австралию не уедешь, ты должен ехать в Советский Союз». Он меня уговаривал, он мне говорил, что я тебе даю гарантию, я тебя отправлю в Москву, ты там будешь на этого, снимать кинофильмы учиться. Но вот это судьба, я уехал в Австралию. Да, очень часто я жалел, потому что те условия, кто-то из наших – они стали очень-очень большими людьми, потому что так, или они заранее учили английский язык, или они были в сто раз умней меня и очень быстро английский язык выучили и пошли в университет. А я пришел в один колледж – там проболтался год, потом на следующий год пошел в другой колледж, да. Опять проблема с английским, хоть я и сдал все те экзамены.

А дальше меня понесло в мою мечту, в мою глупость – я начал учиться на летчика. А в Австралии учиться на летчика, да, могут все, которые пройдут медицинский. Но, дядя, за образование плати сам. Если ты попадаешь, ну, в армию, то там все бесплатно, а если ты своим путем, то за все плати сам. Так вот так, я выучился на летчика, да и те деньги, которые я потратил на обучение, верите вы – не верите, в то время на эти деньги можно было купить

большой одноэтажный дом. А у меня эти деньги вылетели через выхлопные трубы самолета. Когда я начинал учиться, было полно работы, когда я кончил учиться, вот в этот момент наступил кризис в авиации, потому что австралийская компания (*нрзбр*), да, они начали набирать своих студентов, за студентов платили, потом отправляли их в маленькие компании для, короче говоря... Я понемножку так, немножко работал сам по себе там, бывали объявления, что нужен летчик для какого-нибудь полета, да, но мне тоже не повезло, потому что катал таких людей, и, кстати видал я, видал я жутких миллионеров, которых я вез от Сиднея куда-то, да, и обратно. Жутких миллионеров. Видал я проходимцев, и я возил так называемую мафию, не зная, что это мафия. Это была организация, которая, или компания, которая продавала землю, и они дали объявление, что нужен летчик, и я туда пошел. И начал возить я их туда, там, где эта земля продавалась, туда-обратно. Вроде солидные люди – костюмчики, галстуки, разговор такой, что ну просто шедевр. А вот этот человек, вот хозяин компании, да, когда его убили, свои же убили, да, то газета писала всю историю этой компании целую неделю <...>.

А так я работал на электрической фабрике тридцать... тридцать четыре года, и на автомобильных фабриках работал, короче, я прошел и там, и там, видал и то, и другое.

А с восемьдесят пятого года я начал возвращаться в Харбин, все чаще и чаще, и потом, когда я окончил работу, вернее, меня «окончили». Капиталистическая система она такая: пока ты нужен – ты нужен, а фактически ты всего-навсего номер, и когда ты не нужен, тебя выгоняют просто пинкашом, давай, дядя, иди. Вот так же когда я нужен был – все хорошо, а потом они закрыли весь отдел, и там очень-очень много людей потеряло работу, а работу уже нельзя было найти, и я стал возвращаться в Харбин и заниматься Харбином. То, что я достиг, это вообще, ну, надо быть фанатиком, чтоб все искать, сохранять и что-то пытаться сохранить, да. Это надо быть фанатиком, я вот такой фанатик. Но, а вообще, кто будет? Вообще в Благовещенске есть такие люди, я их уже встречал.

Кстати, честь и хвала Благовещенску и мой поклон вам всем, потому что благодаря городу Благовещенску, благодаря вашей администрации, а самое главное, Саше Ярошенко, в Харбине очищено кладбище, сделаны новые дорожки, сделан новый забор. Это благодаря вас и Саше Ярошенко тоже, так что спасибо вам. Давайте задавайте вопросы...

Как вы думаете, сейчас в Харбине нужна русская школа для русских детей?

А она вот-вот там будет. Дело вот в чем, в Харбине постоянно приблизительно пятьсот человек русских студентов, это только студентов, да, также есть те, которые там работают, там есть какие-то учителя, есть какие-то люди, которые в разных китайских компаниях, поэтому русская школа нужна <...>.

Известно, что в Израиле существует отдельная ассоциация выходцев из Харбина, они встречаются, помогают материально друг другу. Существуют ли подобные традиции в Австралии, чтобы русские харбинцы собирались, помогали друг другу?

Очень много наших харбинцев попали в Израиль, да. Честь им и хвала за то, что они хранят историю Харбина, и у них даже какие-то библиотеки, какие-то архивы, где они хранят все о Харбине, это я говорю про Израиль. Про Австралию. Да, харбинцы, они тоже держались все вместе, построили церкви и монастыри, и также они построили госпиталь, больницу для хроников, также сделали дома для престарелых. То есть когда старик или старушка

не могут сами жить, они попадают в этот госпиталь. То есть это все русское, обслуживающий персонал – все русские, друг другу как-то помогают, это все правда, помогают, помогают. Но в смысле если денег много надо кому-то дать, помочь. <...>.

Мне было очень приятно вас видеть, да. Потому что я сравниваю вас с тем временем, когда я был, да. Это просто видеть вот так много народу, и я вам говорю: «Спасибо большое, спасибо, люди добрые. И запомните, вы русские!».

Надо сфотографироваться, я вам всегда объясняю идею и все хорошо получается: Николай Николаич должен быть и вас много вокруг, все не войдут, но кто войдет.

Я все понял. Я приеду в Австралию, покажу фотографию и скажу: «Видали?!»

Спасибо вам. Я вам всем ставлю пятерку. Спасибо вам большое. Всем, всем, всем, всем. Я, слушайте, можно было гораздо, как-то, если бы у меня, если бы я знал, что столько народа, я бы какой-то план составил, а так... Куда, сюда, туда? А мне важно, чтоб они знали, что они русские, и чтоб вот, это самое главное. Можно было сказать про русских, которые в Австралии или в Америке, да, живут в совершенно другой среде, среде иностранцев, и никому из иностранцев не позволяют сказать что-то плохое о России. Мой приятель, работая на фабрике, да, на немецкой фабрике в Австралии, он тоже слушал-слушал, а потом не выдержал, и он ударил, и хорошо ударил, потому что немец улетел под стол, и приятель сказал: «Еще раз скажешь – я тебя вообще закончу». Их обоих не выгнали, потому что в Австралии за это автоматически выгоняют. Но немец, он немец, хозяин немец, а мой приятель самый лучший рабочий, поэтому их оставили обоих. А таких случаев было много, когда кто-то из наших, ну, прикладывал руки.

Классический пример, я вышел на фабрику из конторы и шел по фабрике. Ко мне подошли двое или трое рабочих, с которыми я раньше работал, я начал внизу, кончил наверху. А в этот момент в Советском Союзе что-то произошло, мировое событие, возможно, в космос кто-то опять полетел, и вот эти двое или трое, стоим, обсуждаем событие и все довольны, и в этот момент подходит один из Англии. И он стал как сумасшедший, подходит ко мне, тычет в меня пальцем и кричит: «В России никогда, никогда ничего хорошего не было». И он как сумасшедший, а с сумасшедшим когда говоришь, боже упаси спорить, и вот он кричит: «В России никогда ничего не было, ничего не было». И я говорю: «Правильно, ничего не было», и я замолчал. Я с ним согласился, а ему крыть уже нечем, да, и он замолчал. И я какие-то секунды помолчал и потом сказал: «В России ничего не было, но в России были бани и простые русские люди все время были чистые, а ваши английские короли никогда не мылись, всегда воняли, и к себе на тело и к себе на тело привешивали такие какие-то сумочки с какими-то специями – отбивать запах. Потому что короли не мылись. Это исторический факт». Скушал он!

Владимир Алексеевич Зинченко

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Владимир Алексеевич Зинченко – один из последних русских харбинцев. Родился в 1935 г. в Харбине, там же и закончил свой жизненный путь в 2002 г. Никогда не был в России. Прекрасно говорил по-русски. Знал и китайский язык, который был освоен им практически, при непосредственном общении с китайцами в Харбине. Его деятельной натуре тесно было в рамках ставшей к концу XX в. малочисленной русской диаспоре, он занимался активной хозяйственной деятельностью.

Владимир Алексеевич подарил немало рассказов о старом русском Харбине, об истории России, патриотом которой был воспитан. Его размышления на лингвистические темы представляют особый интерес для исследователя, поскольку они характеризуют и положение русского языка в Харбине, и языковой способ общения между русскими и китайцами, и собственное восприятие другого языка, содержат важную информацию о топонимическом пространстве русского Харбина и др. Фрагменты бесед с В.А. Зинченко на лингвистические темы, реализующие метаязыковую функцию в речи билингва, представлены в настоящем разделе.

Как говорили китайцы по-русски в Харбине

Харбин, январь, 2000 г., май, 2001г. Беседовали Е.А. Оглезнева, Г.М. Старыгина, А.В. Ярошенко. Расшифровка О. Краснощека, Р. Карцева, Р. Гарусова, Я. Полякова, Е.А. Оглезнева. Хранение: ФА, 2000, 3, 5; 2001, 14, 19, 20. Кроме ВА, в беседе принимал участие Михаил Михайлович Мятлов (далее – ММ), также один из последних русских харбинцев.

ВА: Ну видите в чем дело знаете / такое положение было / я вам так объясню вкратце / да // Вы приходите в любой магазин / китайцы говорили по-русски / все // И так / и торговые люди говорили / причем они говорили вы знаете што / вот теперешные переводчики / китайские / да? Они не годятся // Те китайцы, которые раньше говорили по-русски / они как-то / лучше русского с тобой говорили / говорил по-русски / вот чисто / без всякого акцента / понятно // Потому што / ко(г)да строилась дорога / были первые школы / там / богатые китайцы и воо(б)ще китайцы / отдавали / учиться этих / детей // И эти люди росли с русскими да / и они говорили / русские праз(д)ники / Рождес(т)во / Паска все / вместе все время так / они очень хорошо по-русски знали // Это не то / теперешные переводчики «твоя-моя» / как говорится / ну // <...> Акцента никакого не было // Даже в любой ну / который □ полицейской будке / китайской / был так называемый драгоман, обязательно говорил по-русски // Если китаец полицейский там што-то не понимает / драгоман ему переводит // [ФА, 2000, 3/ 4-5].

О критическом отношении ВА к своему русскому языку

ЕА: Не историей, языком. Мы занимаемся языком, русским языком.

ВА: Русским языком / так вот / с ним нужно разговаривать (*кивает на ММ*) // А мы знаете / «твоя-моя» / часть по-китайски часть по-русски / знаете / у нас жаргонный язык // Вот

правильные у него обороты речи эти / правильные обращения русские / всё / а у нас што там / мы половина / наполовину китаезы (*иронизирует*) //

ММ: Все прогрессирует / в том числе наш русский язык // Вот сейчас мы узнали ково / што мне надо говорить не / я без пальто / а я без пальта //

ММ: (*нарочито*) «У меня в роте зубов нет» //

ЕА: (*смеется*)

ВЗ: Люди же знают // А я между прочим / знаешь што Михай Михалыч / я / не огорчайся / да // Многие русские чисто даже не знают што / незя в принципе это склонять / но што ж сделаешь / ниче не сделаешь //

ЕА: Так, да? (*смеется*)

ВА: Не смейся / Михай Михалыч / не смейся // Почему? Потому што как-то это / я двоюродной сестре в Сибирь это по отцу / написал письмо / а она оказалась никто никак / учительница руссково языка // Ну вот // Я пишу / «дорогая сестра извини / што может быть / с ошибками пишу» // Ну и все // Ну она мне пишет што / у нас пол-России пишет неграмотно (*смеется*) // [ФА, 2000, 3/ 7-8].

О современном русском языке

ЕА: Язык очень сильно отличается современный от того, который раньше был, от того чистого языка, на котором говорит Михал Михалыч.

ВА: Ну вот / видите (*нрзбр*) //

ЕА: Вы, Владимир Алексеевич, вы телевизор смотрите русский?

ВА: Ну видите в чем дело / я вам скажу што / русский язык / да / он щас превратился в жаргон какой-то / жаргону много очень // Ну как это / понимаете / много всяких этих / таких / то китайцы приезжают из России / эти ну переводчики всякие / ра» / «вира!» Я говорю / я □спрашивают у меня некоторые слова / што такое «вира» // Вира! Я ничё не знаю што такое «вира» // Там на разгрузке / майна / вира» //

ЕА: А-а ...

ВА: Ну / или там еще / ну подобные такие початки это / но это же не этот, не / профессиональные / много жаргонов / жаргонов очень много //

ЕА: Жаргоны, и сейчас много заимствований из английского языка, сейчас очень много в русском языке. Это под влиянием Америки все происходит.

ВА: Но видите в чем дело / я вам так скажу // Русский язык / на протяжении всей истории / я вам, конечно, Америку не открою / он все время обогащается иностранными словами / по-моему //

ММ: А чей язык не обогащается?

ВА: А вот представьте себе, што / как тебе сказать / да / если английский язык / он как сказать / деловой язык / деловой язык //

ММ: У нас тоже деловой язык //

ВА: Нет! У нас / у нас / у нас у нас / на нашем языке / знаешь што / ты можешь и горесть и радость и любоф / все што хочешь можешь выразить / потому што он очень богатый / всевозможными словами // Часто даже мы / не знаем / происхождение этих слов / а употребляем //

ЕА: Владимир Алексеевич ...

ММ: Помните / што сказал о русском языке Тургенев, конечно... //

ЕА и ГМ: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык...».

ВА: Между прочим / вот тут-то да / и она бывшая харбинка / но она метиска / полуяпонка / полурусская // Она из Японии попала в Америку и она там / в каком-то научном институте / была¹⁴ // Я и не знаю как это называется / тоже и изучение этово руссково языка / и так далее // Она дак / э-э ходила с магнитофоном / записывала и здесь была / у меня была / у Михал Михалыча / и у всех русских // Именно произношение / как кто говорит //

ЕА: Откуда она была?

ВА: Из Америки //

ЕА: Из Америки.

ВА: Она вот ученая / теперь / но она девчонкой попала в Японию / значит как так / полуюпонка / а из Японии она попала в Америку / там она кончила што-то такое вот / там уже не / не могу вам сказать / врать не буду // Потом там уже она чуть ли не профессор / муж профессор / там и они этим занимаются / изучением / ну языка русского / ну как вам сказать / ну вроде как вы што ли / вот именно досконально // Так она записывает / понимаете / русский язык / кто как говорит // Ну ничево // А меня што вы тут вот почерпнете / у меня ничево там хорошево / вот / Михай Михалыч //

ЕА: Ну почему? Нет, речь-то разная русская. Почему вы считаете, что речь народная...

ММ: (*цитирует*) У него речь льется плавно / а я...

ВА: Зато правильно / культурно //

ЕА: (смеется) Это неважно.

ВА: Вы говорите культурно / а я некультурно / вот и все //

ММ: (*нрзбр*) / скромнейший человек / ево бы я целые сутки слушал / да слушал //

ВА: Ну это / знаете / это дар божий / ниче не сделаешь / ну ниче не сделаешь // У ково это? (*о телефоне*) // (*далее говорит по-китайски*) // [ФА, 2000, 3/ 8-10].

Шутки на «пиджине». Собственно харбинское

ВА: Давайте. Дак дамам надо было сначала налить // А Михай Михалычу вина там вот налить / немножко налить //

ММ: «Наша есть» //

АВ: «Ваша нету, наша есть».

ВА: «Наша есть / ваша есть» // Ты слушай / так че ты налил / ну ей не полагается / так побольше налей че / побольше налей // <...> Ну / за новое знакомство / девочки // [ФА, 2000, 3/12].

О китайском языке и его диалектах

ЕА: Владимир Алексеевич, а китайский ведь в школе вы учили?

ВА: Нет / меня никто не учил //

ЕА: Китайский ведь тоже такой богатый, как русский, вот вы говорите...

¹⁴ Речь идет, по всей вероятности, об О. Окаяма.

ВА: Но видите / китайский / ну как вам сказать // У них там в каждой провинции / в каждой области тоже есть свои акценты / свои поговорки есть / например / южный язык / Паша¹⁵ пусть знает / а то приедешь на юг / так там совсем другой / они меня не поймут / я их не пойму / как бы вы на Украину приехали / еще хуже даже / на Украине хоть вы поймете / а там вы не поймете совсем / в Гуаньдун приедете / в Шанхай / там у них по-своему все / и во многие эти... Вот здесь у нас называют / китайцы / привыкли «мама» / а у других китайцев «нян» / «нян» / «нян» это тоже мать / ну // Говорят «арза-да-ма» / это значит мать твоего сына / он на жену говорит / ну и много таких есть выражений // Поэтому я иногда в магазин прихожу / иногда хорошо понимают / а иногда уставится на тебя / пока я ее не обругаю / тогда поймет все //

ЕА: А ругаете на каком языке?

ВА: И на русском / и на китайском / русские научили / у русских учителя теперешные хорошие // Первое – это мат / а потом уже учат другое // Сегодня по телевидению выступали этот / «Аншлаг» / там артист выступал / разыгрывали негра // Что научили сначала студента-негра? Материться / а потом уже все другое // Ругаться да... [ФА, 2000, 5/8].

О названиях харбинских улиц

ВА: Здесь была / так называемая / советская школа / на Казачьей улице //

ЕА: А Казачья улица – это сейчас вот какая улица?

ВА: А это вот когда к Михал Михалычу идти / тут Торговая она была улица / Коммерческая, вернее // Вот н... на ней / этот / на ней... она до сих пор / существует / там сейчас китайская школа //

ЕА: Владимир Алексеевич, а вот еще интересно про улицы. Вчера шли, видели улицу Заводская. По-китайски написано: Заводская. Это как, китайцы так называли, или это была русская Заводская, а ее уже перевели на китайский язык? Китайцы совсем изменили названия улиц или они их просто перевели на свой язык?

ВА: Видите в чем дело // Здесь во время культурной революции / движение было большое очень // Одно время здесь письма / все / были на русском языке / все это / другое название улиц / а потом / стали их менять // Проспект там Сталина / проспект там / Мао Цзе Дуна там / это и пошло постепенно / постепенно / постепенно и потом они стали уже свои названия давать им // У них даже еще / я вам больше скажу / ну они все русские названия меняют / они даже старые китайские названия многие китайцы не знают //

ЕА: Как?

ВА: Да вот так вот / не знают! Вот не знают / и все // Мало... вот человек сорок тридцати / сорока лет // Вы китайцу говорите / что Фудзядян // Фудзядян – это район / китайский район / так? (нрзбр).

ЕА: А как этот район называется в таком случае, он ни...

ВА: Они называют его Далаи //

ЕА: По своему / да?

¹⁵ Паша – Параскева Валентиновна Свининникова, одна из последних представителей русской диаспоры в Харбине

ВА: Далай / да / теперь / ну вот // И только старики / китайцы / которые семьдесят там лет больше, те / смеются / те знают, што такое Далаи // Так что тут / такое положение получается // Тут даже у них свои-то названия они поменяли / поменяли они тоже //

ЕА: А почему они свои поменяли?

ВА: А потому что они не хотят старое штоб было // [ФА, 2001, 14/8].

ЕА: Владимир Алексеевич, Китайская улица – это вот та, которая сейчас вымощена, да? Там вот где пешеходная, да? И она всегда так называлась, да?

ВА: Она все время / название свое она не потеряла //

ЕА: Это русские так называли ее?

ВА: Название вот / я не знаю почему / ее назвали Китайской // Тут есть такой разговор / что / они ходили на работу или с работы / или как ли? Поэтому ее назвали Китайской улицей // например Мостовая улица / ну //

ЕА: А еще какие?

ВА: Лесная улица / например //

ЕА: А еще какие были?

ВА: Ну / много названий было / всевозможных было / Казачья улица //

ЕА: Владимир Алексеевич, а вы когда вот сейчас разговариваете, ну, например, ну с кем, ну вот со своими, вы какими названиями пользуетесь – китайскими или русскими?

ВА: Видите в чем дело / сейчас со своими конечно, частично пользуюсь и теми названиями / которые были раньше / и теми / которые существуют теперь // Ну вот // Если я скажу Ефросинье Андреевне так... такое название / она мне скажет «Я не знаю» // Но если я скажу «Это Школьная улица» / она сразу же будет знать // Тут такой вопрос стоит / все зависит от времени //

ЕА: Владимир Алексеевич, а когда переименовали все улицы? После культурной революции?

ВА: Нет / до культурной революции // Улицы стали менять названия до культурной революции //

ЕА: Когда китайцев, наверно, больше здесь стало, да?

ВА: До культурной // И в то время / письма принимались в Россию / на русском языке // Могли письмо написать на русский язык и... и всё //

ЕА: А если на китайском языке написал?

ВА: Ну, на китайском не говорили / почта принимала // А потом почта не стала... теперь почта не принимает / теперь требует / и если нет / на английском языке // Ну...

ЕА: Это с какого времени так стало, примерно не помните?

ВА: Щас сказать / я затрудняюсь конечно но ... давненько уже //

ЕА: Владимир Алексеевич, а вот японцы здесь были. Названия японцы, надеюсь, не давали улицам, да?

ВА: Они / видите в чем дело / они / здесь когда были / как вам сказать / они не то што названия не давали // Они искали / среди русской эмиграции опору //

ЕА: Ну они ее нашли?

ВА: Они не... особенно не нашли ее / этой опоры // Ну и вот поэтому сам / и / так оно все это получалось / ну // А потом, когда они поняли, што / бесполезно вообще / с русскими разговаривать / што русские симпатизируют своим / там / что он красный / или там какой / симпатизируют / они конечно / уже совсем / зверствовать стали// [ФА, 2001, 14/11-12].

**Как ВА учил китайский язык и о том,
как русские и китайцы в Харбине владели языками друг друга**

ЕА: Хотела еще вас спросить. Вы китайский язык когда выучили? Вот вы прекрасно говорите!

ВА: Китайский язык видите / я учил не то што его учил его // Кто-то меня учил // Я даже сам не знаю / как // Почему? Потому што / лошадь / представь себе / телега / ездил по деревням / подешевле где сена купить / то / другое // Где-то там / быка купить / где-то там еще чё-то купить // Ну и / постепенно... молоко торговать / торговал / ну // Самоуком так я научился вот с ними калякать / ну и все // Простой китайский жаргонный язык и все // Понимаешь / культурный язык / китайский и... письменность я не знаю // Если бы я знал письменность ну / это большое дело было бы //

ЕА: Ну вот в лицее, который вы заканчивали, там не учили китайский, да?

ВА: Ну, учился я в лицее там чё там / год / два учился / чё там / ерунда // Ну а потом в советской школе учился / ну // В советской школе учился / ну там учили иероглифы там ну / сотню там / две сотни иероглифов / ну штобы китайскую газету читать / минимум надо три тыщи иероглифов знать / ну // Вот // А так ты читать не сможешь / китайскую газету / ну // И ... китайцы сами иногда даже путаются в этой / с этими иероглифами / ну // Потому что там по пять / десять тысяч там больше иероглифов / китайцы знают там // И это не то что так это // Потом язык у них / язык у них есь / тоже подразделяется язык // Простой язык и / язык тех древних этих / этих которых / совсем другой язык // <...> Если вы откроете например / Австралия говорите / так? На китайском языке // Вы не поймете // Не поймете китайца // Почему? Потому что / они говорят на каком-то / на каком-то мандаринском языке / мандаринском этом языке этом наречии говорят и / поэтому непонятно //

ЕА: А вот я, Владимир Алексеевич, читала что вообще учили и русские китайский и китайцы русский учили, а вот все-таки кто лучше говорил? Русские по-китайски или китайцы по-русски?

ВА: Вы знаете / китайцы разные были // Которые китайцы / я встречался с такими китайцами / которые работали в китайской контрразведке / приготовлены были к заброске в Советский Союз // Так // Они работали / работают на фирме там / штобы... Блатовали меня / штобы я поехал там у них / в контору куда-то // Я с ним разговаривал / ну// Он говорит / совершенно культурным языком // И у него жена говорит //

ЕА: Культурным, то есть правильным?

ВА: Да-да // Культурным языком русским // И говорит очень хорошо // Без всякой запинки этой //

ЕА: Ну, это, наверное все-таки нетипичный случай, не частый, да?

ВА: Нет / не типичный / но и... по-английски тоже хорошо дочка у... них учит английский / тоже хорошо по-английски говорит // У меня был случай / подходит ко мне девчонка /

ну лет там наверно так десяти / может быть // Маленькая девчонка / молоко // И говорит по-английски, так чисто говорит // Я рот открыл // Китайка //

ЕА: Владимир Алексеевич, а...

ВА: Откуда-то она приехала / не знаю //

ЕА: А вы знаете английский?

ВА: Ну я когда-то учил тоже в школе // Ну... што ли забыл / то ли чё / ну вот //

ЕА: А если вот простой человек, который на рынке... Простой китаец, который на рынке торгует. Он как говорил по-русски? Хорошо или плохо?

ВА: Раньше / раньше некоторые китайцы / на рынке тоже такая же вещь была // Один «твоя-моя» / а другой хорошо говорил // Ну // Это зависит опять-таки от людей // [ФА, 2001, 19/5-6].

О низких формах речи

ЕА: Владимир Алексеевич, а вот вы сейчас слово сказали «блатовать»... это слово... «блатовать»... Это слово в Харбине употребляли или вы уже сейчас вот услышали и...?

ВА: Нет / счас услышал //

ЕА: Потому что мне кажется, то слово из нашего разговорного языка, вот современного как раз. Вот, поэтому так как-то. Вот вы телевизор, смотрите русские программы, вот как на ваш взгляд, отличается тот язык, которым говорят сейчас, от языка, которым говорили в Харбине? В Харбине, ну, например, до... ну вот до шестидесятых годов? Нет, вообще в Харбине?

ВА: Видите // По телевидению судить / трудно // По телевидению судить // Почему? Потому что / телевидение выступает люди / ученые там / всевозможные артисты и все / уже подготовлены они // Ну // А вот / как в простом народе разговор был / это другой вопрос //

ЕА: Слышали, да, как вот некоторые люди говорят простые?

ВА: Ну некоторые такие говорят тут как бы / приезжала тут / надзирательница / детского дома // Блатным языком этим начала говорить мне / я рот открыл // Там ложка не ложка называется / тарелка не тарелкой называется / кружка не кружкой называется / в общем //

ЕА: Ну это особая разновидность. Она всегда была. Это скрытый такой язык от других. У них там все зашифровано.

ВА: Ну // Поэтому и / кто его сказать? Изменения, конечно, есть / в русском языке / это безусловно // Те годы / которые до / революционные годы и теперешные годы / это / имеет значение // Во-первых / до революционные годы // Большинство те люди / офицера / адвокаты / все // Они подписывались / у них красивый почерк // Почему красивый почерк? С первого там отделения или класса это начиналось / ну, учить они начинали // А в советских школах уже / это было все отброшено // Ну вот // Поэтому / человек закончил какой-то этот / смотришь / пишет так себе // Ну (в)от // От этого все зависит / так сказать от / ну... от людей / и обстановки / в какой они находятся // Ну ладно //

ЕА: <...> У меня часы остановились.

ВА: А?

ЕА: Часы остановились у меня.

ВА: Часы остановились?

ЕА: Ну, вот я посмотрела на будильнике половина шестого, да?

ВА: Да / половина шестого / да // <...>.

ЕА: Владимир Алексеевич, а еще знаете хотела что спросить? Вот последнее про язык. Я вас больше не буду мучить. Потому что вы устали.

ВА: Ничё / спрашивай / спрашивай //

ЕА: А вот вы знаете, я читала книжку одну бывшей харбинки. Она уехала в Россию, на целине оказалась. И она в общем удивилась, когда услышала русский язык в Советском Союзе. Она его сравнила с харбинским и сказала, что там другой язык. В Харбине лучше язык. И еще вот она отметила, что там много мата. Матерятся. В Харбине был принят мат? Вообще люди выражались вот так плохо? Непристойными словами? Или этого все-таки стеснялись?

ВА: Ну, было это дело //

ЕА: Было?

ВА: Было / есть //

ЕА: Ну, человек мог что, во всеуслышанье на улице что-то плохое сказать? Или он все-таки думал?

ВА: Видите / здесь было такое дело // Одно отмечалось в Харбине раньше // Э-э... Ну где / когда парни там скажем / мужики там / да? Там мог стоять мат / ругань всевозможная эта // Там / все что хочешь // Появлялась она где-то / поблизости женщина или девушка или кто / тише / тише / тише / тише // Кончено // И уже это дело прекращалось //

ЕА: Это мужчины, да, так могли себе позволить?

ВА: Да / да / да / да // Прекращалось // Даже не только мужчины / отъявленные хулиганы // Не принято было // Не принято было / как вам сказать / штобы при женщине / при женщине материться / выражаться и так далее // Ну вот //

ЕА: Да.

ВА: Одно слово // Женщина или это баба / ты че! И все! Ну / конечно... <...> У нас именно то вот это и было / что в открытую было не принято // Не принято // Если этот... посмотрит на этого человека / на эту женщину / шо такое / да? Ему уже / ну как бы сказать / с ним не каждый будет здороваться // Не каждый будет разговаривать // Понятно? Вот // Поэтому отъявленные хулиганы и то...

ЕА: Были хулиганы?

ВА: Ну / много было //

ЕА: Русские или китайцы?

ВА: Русские //

ЕА: Русские?

ВА: Русских много было // Но держали они себя / они знали где / где можно материться / а где нельзя // Где очень вежливо / корректно и так далее // Вот в этом деле она права // В этом деле права // А... чё касается там / на целине... Тут в Ченхе двое стариков было / у них дочь поехала на / целину // И вот она приехала и рассказывала // Два быка / цистерна с водой // Она дергает / дергает этих быков / лупит / лупит // Ни с места ! Што такое? Подходит казах / «Что, девка, у тебя? // « Да быки не идут» // Он матом закатил / быки пошли // И спрашивает ее «материться умеешь / нет?» // «Нет!» // «Водку пить умеешь?» // «Нет!» // «Воровать умеешь?» // «Нет!» // «Плохо будешь жить» // «Плохо будешь жить» // Это она сама говорила

/ приезжала сюда // Ну // Потом она попала уже в город // В комсомольскую какую-то обменную бригаду // Э-э // значит / говорит / рассказывает // Рассказывает / значит // «Ну как вы там живете в Китае?» «А у нас / это... у китайцев собрание» // Собрание по-китайски «кайхой» // Она говорит / «Каждый день «кайхой» да «кайхой»» // «Как?» // «Вот так / «кайхой» // Потом ее вызывают / к директору и говорят / «Работаете вы неплохо / хорошо // Но вы только / пожалуйста / не ма... у нас обменная бригада / не материтесь» // «А что? А что такое?» // Когда она ему объяснила / он стал ржать / смеяться // Или / например / хрен // Хрен есть это многолетнее растение / которое кушают с холоде...цом и так далее / да? А многие это понимают совершенно в обратном / в обратном направлении // Масса было и будет / не исключено // Ну а то / что касается... у нас / я вам скажу проще // Китайцы / китайки / те китайки / которые пятьдесят лет назад или сорок лет тому назад / штоб она посмотрела на европейца / прямо в глаза / боже сохрани // Боже сохрани // Что касается / теперешних китайок / она будет на иностранца лезть и прямо / как ни в чем не бывало // Понимаешь? К иностранцам // Вот // Совершенно другой / другой народ стал // Теперь / штоб раньше китайка материлась / не было этого // Сейчас китайки в автобусах в этих как начнет / материться / то(ль)ко держись //

ЕА: Что, в китайском тоже есть?

ВА: Есть / да // Есть // Этого раньше не было // Вот // Поэтому многие китайцы / сами говорят што этого / старики / раньше не было // Это уже после прихода Красной армии / культурной революции и так далее // Вот //

Е.А.: А кстати, Владимир Алексеевич, а почему культурная-то революция?

ВА: Да я не знаю / кто ее придумал и то што я вам характеризовать ее не могу / культурную // Но точно я уже знаю / што / они уничтожили массу памятников всевозможных / культурных // Это я знаю // Сначала первое / што они делать начали? Начали вывески / статуи всевозможные / где только статуи // Статуя была какая-нибудь / бить / разбивать их // С этого начали // Ну вот // А потом / дальше / больше / дальше / больше / вот // Да //

ЕА: Ладно, Владимир Алексеевич. Владимир Алексеевич, знаете, что я должна еще сделать? Я не знаю, завтра сделаю это или нет. Я же все Саше должна рассказать про вас. Можно, я вас все -таки сфотографирую, ладно?

ВА: Пожалуйста //

ЕА: <...> Все. Спасибо.

ВА: Не за что // За что спасибо?

ЕА: Я вам пришлю потом.

ВА: Ладно / ничё //

ЕА: С собой. Где мы с вами. Обнявшись. Хорошо?

ВА: Хорошо // Хорошо / Леночка //

ЕА: Да что вы, Владимир Алексеевич. Мне очень тяжело всегда, когда я вас вижу по одной причине. Потому что я ничем вам не могу помочь конкретно.

ВА: Не надо ниче мне помогать // Я как-нибудь еще проживу // Бог даст / и я как говорится / не голодный / не холодный // Слава богу / лишь бы только сердце у меня и этот... было в порядке / ну // Постепенно может быть оклемаюся / ну // Привет Саше / там кому / кто меня знает //

ЕА: Ладно, Владимир Алексеевич.

ВА: Мы не прощаемся //

ЕА: Нет, мы не прощаемся с вами, потому что завтра я еще приду // [ФА, 2001, 19/6-10].

Об официальном статусе русского языка в Харбине

ЕА: Можно ли говорить, что основным языком в Харбине до 30-х годов, до продажи КВЖД, был русский?

ВА: Он / язык / наравне с русским шел / одинаково// Вы могли прийти / в любой магазин / В любое учреждение / там найдется китаец который говорит по-русски // В любую полицейскую будку / там были драгоманы, говорящие по-русски / суд или так далее / везде были люди которые говорили / спец(и)ально на русском языке//

ЕА: А официальным языком какой был?

ВА: Ну / китайский//

ЕА: И правление?

ВА: Китайское / оно ведь документы все / што на русском китайском языке / на двух языках // Оно не на одном / русском / не одном китайском шло // Ну (в)от / на двух языках оно шло все это / документы они делались //

ЕА: Владимир Алексеевич, действительно ли службу отец Григорий¹⁶ вел на русском языке?

ВА: Ну / да-а / на русском // Ну ви(д)ите в чем дело / при посольстве / российском / императорском / я имею в виду / до прихода Красной армии / была духовная семинария // Там они обучали китайцев / на священника / пение духовное / все / по нотам и так далее / все на русском языке // Понятно? Ну (в)от // Так один священник он уехал / из Харбинá / потом из Харбинá его сманила Австралия / он щас в А(в)стралии молится / там ведет / на русском языке / ну (в)от // Ну, он китаец / чистый / отец Михаил //

ЕА: Он сюда не хочет приехать?

ВА: Не-э / здесь он поссорился с этим Григорием // У него квартира хорошая и оплата хорошая / и вообще / обстановка другая //

ЕА: Владимир Алексеевич, можно говорить, что русский язык был широко распространен до 50-х годов, до середины 50-х годов, пока большая масса русских не уехала отсюда?

ВА: Я вам скажу так / те русские, которые с постройки железной дороги / учились русскому языку / они отли-ично говорили по-русски // Все праз(д)ники / все / все знали // Китаец / (в)от// У меня был знакомый Олег / по-русски звали / у него отец на железной дороге жил / кончил / и он кончил лицей / так / говорил прекрасно // Писал / почерк у него был каллиграфический / и так далее // И таких было масса китайцев // То преподавание странно / вот которое сейчас ведут / на русский язык обучают / и тада / две большие разницы //

ЕА: Но сейчас китайцы плохо пишут по-русски, даже в книгах своих.

ВА: Но-о / а те китайцы / совершенно другого склада // И они писали и говорили / тада// ...Там я же говорю че / китайцы на базарах / в лавчонках / в магазинах любых / они заинтересованы были в русских покупателях / товар чтоб продавать // Поэтому у них были / свои китайцы / которые прикащики говорили / на русском языке // Ну вот/ и всё // Но говорили

¹⁶ Отец Григорий – последний православный священник в Харбине, служил в Покровской церкви.

может быть не так хорошо / но / говорили // Ну то што сичас / говорят вот эти вот студенты / но это вот «моя-твоя» / и / по-китайски именно так // (В)от / это да / это точно // ... А тада / они изучали русский язык / конечно / потому што были требования / совершенно другие // Совершенно другие были требования // [ФА, 2001, 20/51-52].

**Еще раз о том, как ВА учил китайский язык, а также о том,
почему возможно было не знать китайский в Харбине**

ЕА: Владимир Алексеевич, когда вы выучили китайский язык?

ВА: Я выучил его самоучкой // Тада стал торговать молоком на рынке / ез'дить по деревням сено покупать // Я же не буду переводчика водить // Ну (в)от // Но постепенно нахвтался / нахвтался «лос-лос-лоп» / правда, иногда китайцы смеялись надо мной // Но я упорно / старался запомнить и все // Ну (г)де не неправильно сказал / они смеются и я смеюсь // И всё //

ЕА: Трудно было учить язык?

ВА: В китайском языке трудно што? Што одна и та же вещь может называться / по-разному // Одна и та же вещь // И разные иероглифы // Вот это очень трудно//

ЕА: Например, один и тот же слог по-разному звучит?

ВА: Да / да / да //

ЕА: Не все русские знали китайский язык?

ВА: Ви(д)ите я вам и говорю / ...после основания Китайской народной республики / после пиятых годов / так? Поэтому все старички / старушки / ... они привыкли што? Приходит он (в)полицию / там / есть русские драгоманы / полицейские, которые говорят по-русски прекрасно // Приходит он в лавку / или в «Чурин» или куда ли / все говорят по-русски // Ему / незачем было учить китайский язык // Наоборот / им старались / учить у русских русский язык // И (в)от //

ЕА: Почему? Потому что русских больше было?

ВА: Ну / конечно русских больше было // Русских бо(льше) / культура выше стояла / это безусловно //

ЕА: Тут была «маленькая» Россия, да?

ВА: Ну / я бы не сказал што Россия / маленькая была / против Китай / Китай токо што населением берет / количество населения колоссальное // На самом деле по территории / он уступает России // Ну (в)от // У них этот / э-э/ они сами говорят / што перспектив на будущее мало / потому што земли мало // <...>Ну / ничего особенного нету // Очень-то приятно / было с вами провести время // Извините / я вас нечем не угощал / ничего не подарил //<...> Да-а // Ну ничего / как раз пришли вы / эта вот китаянка //

ЕА: Она откуда?

ВА: Она корреспондентка / одной из газет // Она... многое сделала для меня / в газете поместила объявление // Благодаря нее / китайцы тоже/ некоторые пожертвования внесли // Ну-у // Щас она к Ефросинье ходит // Ну-у //

ЕА: Она по-русски говорит?

ВА: Не-а, не говорит //

ЕА: А Ефросинья же не говорит по-китайски?

ВА: Да / «твоя-моя» // «Твоя – моя» //

ЕА: И Давиденко не говорит?

ВА: Не говорит / «твоя – моя» // <...>.

Ладно/ пока/ привет там всем/ Сашке/ всем привет// <...> Иди с Богом/ иди с боженькой // <...> Седня уезжаешь? [ФА, 2001, 20/52-56].

ХАРБИНСКИЕ МЕМУАРЫ

Т.И.Золотарева

ВОСПОМИНАНИЯ О МАНЬЧЖУРИИ

Татьяна Ивановна Золотарева, бывшая благовещенка и харбинка – автор известной книги «Маньчжурские были», написанной ею в Австралии о проведенных в эмиграции годах. Публикуемые здесь очерки продолжают маньчжурскую тему. Возможно, они войдут в ее новую книгу, которая выйдет уже, к сожалению, посмертно.

КВЖД: КИТАЙСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Вспоминая жизнь русских эмигрантов в Маньчжурии и, в частности, в Харбине, а также его культурную жизнь, образование, спорт, хозяйство, разного рода промышленность – необходимо упомянуть и о самом главном стимуле, положившем начало развитию этого дикого края, весьма своеобразного по своей природе, где полупустынные степи, поросшие высокой травой или кустарником, переходят в вереницы горных хребтов, покрытых густым лесом, с ручейками и реками. Этот дикий край Китайская железная дорога превратила в цветущую страну.

Возникают вопросы о том, как же она была построена? В каких условиях? Кто был ее строителем? Создало эту дорогу Царское правительство России, расположенной в Европе и в Азии. В европейской части ее с большим населением жизнь кипела ключом, были развиты производство, торговля, и сообщение между городами и поселками было скорое, благодаря нескольким железным дорогам, а что же касается азиатской части ее, то она находилась в полудиком состоянии. Население было невелико, несмотря на то, что этот край был богат лесами, а в недрах его таились богатые ископаемые – золото, серебро, алюминий и разного рода руды. Между маленькими поселениями сообщение было слабое – по рекам или дорогам. Добыча ископаемых находилась в зачаточном состоянии. Перед правительством России встал вопрос: что же делать дальше? Как оживить этот край, чтобы увеличилось население и начались работы по добыче и использованию ископаемых? И Правительство решило построить железную дорогу, начиная от Урала, через всю Сибирь до Великого Тихого океана.

Настоящим строителем дороги, дающим средства на постройку, была русская казна под руководством очень важного чиновника-финансиста графа С.Ю. Витте, которому было дано право выбрать себе ответственных помощников по своему усмотрению. Им были избраны молодые инженеры Игначис Ваховский, Бочкарев, Сиягин, разработавшие подробный план постройки железной дороги, которая вскоре началась на Урале в августе 1897 г. и шла через всю Сибирь, а когда дошла до китайской Маньчжурии, то остановилась. Возник вопрос о том, как дальше продолжать строительство? Если его проводить по русской территории по левому берегу Амура, то придется железную дорогу продлить на 600 верст, на что потребуются большие расходы, а если строительство дороги провести по китайской земле, то тогда дорога будет соответственно короче на 600 верст, и это обойдется казне значительно дешевле. Между высшими чиновниками возникло несогласие по этому вопросу и образовалось две группы. В одной был генерал Кропоткин, его группа настаивала на том, чтобы строить по

русской земле, а граф С.Ю. Витте находил, что лучше строить по китайской земле. Победил С.Ю. Витте. Уже определенно решили строить по китайской земле.

И начались переговоры между Русским и Китайским правительствами. Со стороны России был министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский, а со стороны китайской – Ли Хуанчжан. Переговоры продолжались довольно долгое время и, наконец, был подписан договор, который точно определял условия его участников.

Согласно договору, Китайское правительство должно было предоставить русским нужные участки земли для проведения железнодорожного пути, расположения станций, городов. Русские же должны были провести путь, навести мосты через реки, построить помещения для рабочих, так как благодаря большому количеству высококвалифицированных техников, служащих, рабочих, привлеченных к постройке, русское население увеличивалось. Владеть дорогой русские могли в течение восьмидесяти лет, по окончании этого срока без единой копейки дорога переходила в полное владение китайцев. И еще в договоре содержался один пункт, согласно которому китайцы имели право выкупить дорогу, если на это будет их желание, через тридцать шесть лет со дня ее основания.

И вот началась постройка дороги по китайской земле. Увеличивалось русское население на станциях. Китайцы тоже стали селиться на станциях, занимаясь сельским хозяйством. Постройка шла быстро и вдруг внезапно прекратилась. Непредвиденные обстоятельства остановили ее. Оказывается, в центральном Китае, в Пекине, началось восстание «боксеров», очень яростное, и перекинулась в северную и южную Маньчжурию. Дорога получила большие убытки, так как часть построек была уничтожена «боксерами». И только тогда, когда восстание было усмирено, постройка дороги могла продолжаться. В это время в Маньчжурию пришли русские войска для охраны дороги. Во главе их был Генгрос, начальник четвертой бригады. Китайское правительство обязалось оплатить убытки, причиненные «боксерами».

В 1902 году Управление постройки КВЖД было расформировано и заменено Управлением эксплуатации дороги во главе с генералом С.Ю. Хорватом. Все, что находилось в ведении Хорвата, называлось «Хорватией», а служащих называли «кавэжэдэками». Благодаря Хорвату, который умел ладить с китайцами, и его осторожной политике, появилась возможность оказывать помощь беженцам из СССР.

Русское население Маньчжурии все увеличивалось. Дома для служащих и рабочих дороги строились добротно и солидно, и при них – разного рода помещения для животных и птиц. В обязанности охраны входило охранять не только имущество дороги, но и служащих и рабочих, а также их имущество.

С помощью высококвалифицированных специалистов деловые люди из России сооружали и основывали в Маньчжурии разного рода предприятия, фабрики, заводы и концессии. Среди этих деятелей – Ваховский, Берг, Кулаев, Коган, Дроздов, Врублевский, Антипас, Чистяков – «чайный король», Скидельский – владелец лесных концессий.

Благодаря людям с высшим образованием, работавшим раньше в Высших учебных заведениях Императорской России и вынужденным бежать и найти приют в Маньчжурии, в Харбине явилась возможность основать Высшие учебные заведения: Политехнический институт, Педагогический институт, Юридический факультет.

В 1924 году произошла большая перемена в Управлении КВЖД. Советское правительство аннулировало царский договор и заключило с Китайским правительством новый дого-

вор-паритет, на равных началах, по которому менялся срок русской концессии: он уменьшался до 56 лет со дня основания дороги. И китайцы могли выкупить дорогу. Кроме того, доходы от дороги делились пополам. И теперь на дороге могли служить только советские, китайцы и китайские подданные, а начальником был назначен советский представитель Емшанов. Задачей новой власти было заселить край, чтобы китайские крестьяне обрабатывали побольше зерновых злаков, которые можно было бы отправлять в те страны, где в них нужда, и таким образом дорога приносила бы большой доход обоим государствам. Таким образом, благодаря дороге пустынный край превратился в цветущую страну.

В 1947 году СССР передал дорогу китайцам в полное владение.

СУНГАРИ

Приятно харбинцам вспомнить Сунгари с ее прохладной водою, с ее протоками, Зотовской и Хаиндровской, с Затонем, серую в пасмурные дни и слегка желтоватую в солнечную погоду, окаймленную густыми зарослями тальника и, что немаловажно, игравшую немалую роль в харбинском бытии. Кто только не пользовался ее благами, кто только не обращался к ней, особенно в жаркие дни, кто не дремал под напевы ее волн?

Как приятно было бродить по песку, пробираться к воде под сенью тальника, погружаться в ее струи, плавать или сидеть в ней по горло, потом отдыхать в тени кустов, а после направиться подкрепиться в одну из забегаловок, которых там было немало и каждая из них имела свое название и славилась своими кулинарными изделиями. Среди них особенно выделялась одна, носившая залихватское название «Ваня, заходи!», а также запомнились «Дед-Винодел», «Кафе Миниатюр».

Мостовая и весь берег были сделаны из прочного гранита. С берега спускались мостки к причалу, где внизу на воде раскинулась целая флотилия лодок с названиями «Маруся», «Соня», «Люба», «Харбин» и т.д. Лодочники, главным образом, китайцы, редко русские, громко кричали, зазывая пассажиров к себе:

– Садися! Ходи на ту сторону!

На причале всегда толкотня, суета, шум, крики, несмолкаемый гул, и весь день так, и только к вечеру суета затихает.

Пассажиров на причале всегда много. Все спешат, суетятся, кричат, слышатся крики и визг ребятишек. Одни возвращаются из города к себе домой в Затон, другие едут искупаться или прокатиться по реке, третьи – на дачу за Сунгари, а любители-рыболовы – к своим излюбленным местам неподалеку от железнодорожного моста, где рыба хорошо клюет, а некоторые из них сидят с удочками на берегу. Так шумно проходит весь день. Те же, которые уезжают на снятые дачи пожить на лоне природы, в покое и тишине, часто разочаровываются, так как их желания не сбываются: на ту беду к ним из города приезжают гости, и не только в одиночку, но и целой компанией, и тогда прощай покой и отдых: волей-неволей надо принимать гостей! Очень это их огорчает, но ничего не поделаешь.

У купальщиков на Сунгари особого рода забота об одежде. Там к их услугам специальные будки, которые принимали одежду на хранение. И невольно вспоминается одна будка, вызывавшая смех и казавшаяся забавной. Она заявляла о себе так: «Прием вещей на хранение с ручательством за пропажу». И многие ее выбирали, считая, что хозяева этого предприятия были просто не дружили с грамматикой. Но такое объявление могло быть сделано нарочно, чтобы обратить внимание купальщиков.

Еще многое можно вспомнить, связанное с Сунгари!

ПАСХАЛЬНЫЕ ДНИ В ХАРБИНЕ.

Вспоминаю те далекие, канувшие в Лету пасхальные дни в Харбине, такие ясные, проникнутые радостью и веселием.

В преддверии их, в Страстную субботу, когда у всех в доме царил порядок, все сияло чистотою, когда заканчивались все приготовления к празднику, к концу дня оставалось только с чистым сердцем помолиться в ожидании великой радости Воскресения Христова. Торжественно звучали колокола церковей, призывая к заутрене.

А в храме в середине полуночи темные облачения сменялись светлыми, сияли паникадила и ярко светились над царскими воротами два слова: «Христос Воскресе!» Торжественно ликуя звучали пасхальные песнопения, прославляющие Воскресение Спасителя и Пасху – Пасха Красная! Пасха Святая! Пасха Великая! И под сводами храма со всех сторон на торжествующий возглас священнослужителя «Христос Воскресе!» в ответ отзывался многоголосый хор паствы: «Воистину Воскресе!» По окончании заутрени часть прихожан расходилась по домам, а остальные оставались на Пасхальную Литургию.

...И обычно, как я помню, первый день выдавался ясный, солнечный, и настроение у всех было радостное. Шли в церковь все нарядные, улыбающиеся. И почти у всех в домах были накрыты праздничные столы, уставленные вкусными яствами, среди которых царственно возвышался кулич с украшенной головкой, увенчанной цветком, окруженный хором разнообразных разноцветных писанок. Для большинства из нас было большим удовольствием красить яйца, и обычно красили в Страстной Четверг. Некоторые красившие были просто художники. Каких только рисунков, каких способов окраски не придумывали! Ведь окраска писанок – большое искусство.

Порою устраивались выставки писанок. Не только дети, но и взрослые любили биться на писанках. Меряются двое: кто у кого разобьет яйцо, тот и победитель, и забирает яйцо у побежденного. И у кого хороший биток, тот может быть в солидном выигрыше.

Почти в каждом доме ждали визитеров. На первый день с визитами ходили только мужчины. И весь день проходил в веселом чаду, похмелье. Сколько звучало пасхальных приветствий с традиционными поцелуями, веселых бесед. И сколько комплиментов, подношений цветами получали хозяйки. Иногда происходили забавные казусы, когда незнакомый визитер под влиянием Бахуса приходил с визитом в совершенно незнакомый дом. Было над чем посмеяться! А на следующий день хозяйки были свободны и тоже ходили с визитами. С визитами ходили друг к другу все.

И также группы ребят ходили по домам и славили Великий Праздник.

Почти целыми днями неустанно победно звучали колокола церковей. Все желающие звонить допускались на колокольни. Китайцы не протестовали, они знали, что у русских праздник и с уважением относились к этому.

И чувствовалось, что праздник отмечали не только мы, русские, но и православные китайцы тоже праздновали с нами. На три дня Пасхи китайцы закрывали свои магазины и также бывали у русских среди гостей.

ВОСПОМИНАНИЯ О ХАРБИНСКОМ ДЕТСТВЕ

Сестры Зинаида и Татьяна Сун – китайки, принадлежащие к тому поколению харбинцев, чье детство и юность пришлось на 40-50-е гг. XX в. и прошли рядом с русскими в Харбине. Их воспоминания, написанные на русском языке, передают ту атмосферу, в которой бок о бок жили представители разных народов, главным образом – русского и китайского, об их взаимоотношениях. Воспоминания проникнуты искренней симпатией и уважением к русскому народу вопреки существующему мнению о русской экспансии в Маньчжурии в первой половине и середине XX в.

Меня зовут Зина. Всю жизнь провела в г. Харбине. Когда мне было четыре года, родители отдали меня в Детсад «Красного Креста». Помню, что все было бесплатно. Мне удалось попасть в такую «особенную» группу, в которой директор Детсада Валентина Васильевна была нашим классруком. На стенках нашего класса были приклеены разноцветные картинки, и нас учительница приучала пересказывать по этим картинкам. В классе всего было 11 человек. Кроме китайцев, были еще русские и один кореец. По окончании детсада Валентина Васильевна пригласила родителей на вечер художественной самодеятельности; после программы она разговаривала с родителями каждого ребенка и по соглашению с родителями отправила нас в русскую школу. Помню, в 50-е годы в Харбине было несколько русских школ: на Пристани и в Новом Городе. В Новом Городе, недалеко от русского магазина Чурина, была еще и музыкальная школа.

С первого по третий класс я училась в 1-й женской начальной школе. Эта школа была на нашей улице, прямо напротив наших ворот. На этой же улице стоял высокий трехэтажный дом – это был большой книжный магазин «Го цзи». В этом книжном магазине продавались различные русские книги: учебники, учебные пособия, рассказы, повести, романы. Кроме того, здесь можно было найти литературу по разным отраслям науки и техники: по высшей математике, геометрии, тригонометрии, химии, физике... После школы мы, одноклассники, каждый день проходили по центральной – Китайской – улице и обязательно заходили в этот книжный магазин.

В нашей школе все преподаватели были русские. Многие молодые преподаватели после окончания десятилетки оставались преподавать в школе. А пожилые преподаватели были с высшим образованием и имели большие знания. В первом и во втором классе мне было очень трудно учиться. Я не могла по-русски мыслить. К счастью, наш классрук поручила отличнице Веронике Тростянской дополнительно со мной заниматься после уроков. Ребята не смеялись надо мной. Они видели, что я старалась. Мать иногда вспоминала, что я с трех часов утра включала лампу и читала тексты и стихи. Постепенно я стала учиться лучше и уже могла мыслить по-русски и сразу говорить. В третьем классе я уже была пионеркой с двумя лычками, могла чисто и правильно говорить по-русски. Иногда жаловалась классруку на шаловливых мальчишек и могла объяснить преподавателю то, что произошло. Иностранные

языки у нас были китайский и английский. Учитель китайского языка Хан не умел говорить по-русски, поэтому он приходил на урок с пожилой полной русской женщиной, которая была переводчицей. По русскому языку и изложению преподавала Марья Ивановна Жукова. Она хорошо знала русскую грамматику и учила нас, как правильно писать изложение. Анастасия Феодосиевна преподавала у нас литературу. Это была очень строгая преподавательница, с огромным запасом слов и большими знаниями. Она давала нам задание на каникулах читать произведения писателей. Я редко читала эти книги, негде было достать их, да еще любила играть со своими подружками. Я могла отвечать на все вопросы преподавателя и пересказывать то, что говорил преподаватель, но не могла говорить подробно о произведении, о главных персонажах, и за это мне ставили «четверку».

С 1-го по 3-й класс я дружила с Олей Садовщиковой. У нее рано умерла мать. Отец работал в русской мастерской. Ей приходилось ухаживать за братишкой. Мы вместе делали уроки, вместе играли. Оля часто приглашала меня в русский ресторан, хотя семья Садовщиковых жила скромно. Оля сэкономила папины деньги, чтобы взять меня в ресторан. В 4-м классе она уже стала пропускать занятия и вскоре уехала в Австралию. Много лет я искала ее через знакомых, через австралийских подруг, но никто не знает, где она.

С 5-го по 9-й класс мы дружили с Гелей Перебоевой и Алей Назаренко. У Гели три сестры. Все они обладали талантом в рисовании. С 4-го класса мы с Гелей начали писать в стенгазете. Она рисовала, а я писала в стенгазете. Геля часто приходила к нам домой, и все мои сестры любили ее за ее жизнерадостный характер. Ее родители жили в Хайларе, там разводили овец и коров. И каждый год они привозили сушеное мясо из Хайлара в Харбин. Сейчас Гликерия Перебоева живет в Барнауле. Я часто звоню ей по телефону и мы переписываемся.

С Алей Назаренко я тоже дружила много лет. Она могла чисто говорить на китайском языке. У нее две сестры и два брата. Родители – из провинции Хэйлунцзян, в уезде Хайлин разводили пчел. Мед они продавали в Харбине и сами ели, на этом и жили. После школы обычно я сразу шла к ней домой, там обедала, делала уроки, а к вечеру возвращалась домой. На праздники мы сами гладили форму, воротнички, фартуки, платья.

Последние годы мы учились в Полной Советской Средней Школе. Это школа находилась на месте Общества Граждан и Советского клуба. Советский клуб был на первом этаже, здесь еще была библиотека. В клубе по субботам и воскресеньям показывали советские фильмы. Кроме того, здесь часто устраивались вечера и концерты. В нашем классе некоторые ученики выступали на сцене: Люба Судяхина играла на пианино, Теппер и Рывкин – на скрипках, а отличница Мальвина Левитина читала стихи... А когда были встречи между русской и китайскими школами я всегда стояла на сцене и была переводчиком.

Я выросла с русскими, с русскими ребятами провела свои молодые годы. Люблю русские обычаи, русский характер, гостеприимность, русскую музыку и песни. Все эти качества сильно повлияли на харбинцев. Хотя мы, китайцы, уже живем счастливой жизнью, но наши мысли часто уносятся в далекое прошлое.

Все это произошло 50 лет тому назад, но кажется, что это было только вчера.

Зинаида Сун

12.08.2006

Детство оставило у меня самое прекрасное впечатление на всю мою жизнь. Я выросла в Харбине среди русских. Когда мне было четыре года, я помню, что на улице было не много китайцев, а много русских. Кроме русских, здесь еще жили японцы, корейцы и небольшое количество евреев.

Харбин – это красивый город со своей особенной архитектурой. Мы жили в районе Пристань на улице Пекарной. Напротив нашего двора находилась 1-я начальная женская школа. В нашей семье было 8 детей, и четвертая сестра училась в этой русской школе. Во дворе, в котором мы жили, было всего 12 семей, из них 3 русских. В одном доме жила одинокая старая русская вдова, в другом – пожилой русский старик, а семья из третьего дома вскоре переехала на другое место. В 1950 году, во время войны в поддержку корейцев против американцев, государство брало солдат в армию.

Домик пожилой русской вдовы стоял на подсолнечной стороне. И днем китайчата и пожилые старики загорали под ее окнами, дети ловили стрекоз, поднимались по лестнице и играли с голубями. Иногда эта русская тетя приносила из дома и раздавала нам разнообразные красивые пуговицы, бусы. А в другом соседнем доме была большая квартира с несколькими комнатами и длинный коридор с верандой в 10 кв. м. На веранде стоял большой широкий стол. На столе была красивая ваза с сиренью. А вокруг стола были поставлены блюда с чаем, какао и молоком, и как будто ждали важных гостей.

Моя сестра Зина с четырех лет пошла в Детсад «Красного креста». Там она провела свое детство. Этот Детсад находился в районе Пристань, близ реки Сунгари, напротив стадиона Хун Син. Валентина Васильевна была директором детсада и классруком моей сестры Зины. По окончании детсада директор пригласила родителей на вечер художественной самодеятельности. На сцене выступали дети, а родители любовались своими детьми. Моя сестра была одета в украинский наряд – в длинном платье, с бусами на шее и с большой корзиной в руках, где лежали булочки и вареники. Она что-то говорила с выражением и интонацией. После программы директор разговаривал с моим отцом, желая, чтоб моя сестра могла получить образование в русской школе. Отец с удовольствием согласился. Когда отец услышал, что его дочь может чисто и правильно произносить русские слова и немножко говорить, он мгновенно решил, что если кто-то из его восьми детей будет учиться в русской школе, то это для него будет очень приятно. В молодости отец со своим другом работал в одной русской компании бухгалтером. Он немного понимал по-русски и мог чуть-чуть говорить. Зина старательно училась, и у нее был красивый почерк. Когда бывали встречи между русской и китайской школами, она всегда стояла на сцене и была переводчиком. Иногда замдиректора Шан Шу Цин приезжала за сестрой и они вместе ехали на легковой машине на разные церемонии. В семье все завидовали и гордились ей.

Когда русские дети сидели на уроках, китайские дети через окна смотрели, как вели себя на уроках русские ученики, как преподаватель пения играл на рояле и учил ребят пению; наблюдали, как на уроке физкультуры ребята тренировались. Мы, китайские дети, так завидовали им! Помню, в китайской школе, на уроке наши преподаватели часто говорили

нам: «Советский Союз во всем идет впереди. Советский Союз – это наше будущее». В то время китайский народ называл русских рабочих своими братьями.

Когда Зина уже училась в 3-4-м классах, она уже могла хорошо говорить по-русски. Она часто по выходным дням приводила нас в клуб Общества Граждан смотреть русские кинофильмы, еще не переведенные на китайский язык. Русские подружки моей сестры часто приходили к нам домой, они говорили только по-русски, постепенно мои сестры стали немного понимать, что они говорят.

В то время в Харбине было много русских магазинов, открытых русскими коммерсантами. В Харбине были русские больницы. Когда мы болели, отец вел нас к русским врачам. Доктор серьезно говорил моему отцу: «Почему вы так поздно привели сюда ребенка?» А отец молчал, потому что ему было неудобно говорить, что у нас дома не было денег.

Отец был очень строгий. Он уделял большое внимание воспитанию каждого ребенка. Он добился того, что все мы получили высшее или среднее образование. Моя мать была очень трудолюбивой. Она часто стирала или шила до самого утра. Когда она занималась домашним хозяйством, она слушала по радио русские песни «Подмосковные вечера», «Рябина», «Ой, цветет калина» и другие. А по вечерам по радио раздавались песни и танцы знаменитого русского ансамбля Красного знамени. Вся семья сидела и слушала эти выступления. Русская музыка и песни произвели на нас глубокое впечатление.

Позднее мы переехали в район Нахаловки. Передние ворота были открыты на Болотную улицу, задние – на Зейско-Атамановскую. Здесь русских было больше, чем на Пристани. Во дворе жило 14 семей. Из них только 2 семьи были китайцы. В соседнем дворе были посажены красивые деревья – сирень. В центре этого двора стояла черная легковая машина. В коровнике было несколько коров. Мать иногда давала нам 20 копеек, чтобы мы купили сирень, и тогда русская тетя ножницами срезала нам шесть веток сирени. От сирени исходил ароматный запах. Весь дом пах сиренью. До сих пор сирень – цветок-символ нашего города. Мы любим сирень.

У нас во дворе русские с китайцами всегда жили в согласии и дружбе. В кулинарии мы тоже обменивались мнениями. Зина – наш хороший переводчик, она во всем нам помогала. В одной русской семье было трое сыновей. Их мать иногда делала русский торт и в большой четырехугольной тарелке приносила нам. А мы несли к ним тесто и делали им пампушки. И так отношения между нами были, как у близких. У русских в то время было много способов стирки, к примеру, белые рубашки положить в фосфорные горшки и, закрыв крышки, варить на огне полчаса, а потом стирать. Таким способом можно растворить жир в кипяченой воде. После этого белье становится белым, чистым и прозрачным.

У моей сестры была русская подруга Гликерия Перебоева. А мы дали ей кличку «кошка». Она была очень жизнерадостная девочка. Каждый раз, когда она приходила к нам домой, она всегда стояла у зеркала и кончиками своих косичек ставила под носом в обе стороны усы, как у кошки, а сама про себя говорила «мяо-мяо», все мы смотрели на нее и хохотали.

Когда Зина училась в 4-м классе, ее подруга Аля Назаренко пригласила Зину к себе домой, в уезд Хайлин на каникулы. Там ее родители разводили пчел. Подруга тогда уезжала в Австралию и подарила ей два больших мешка с одеждой. Зина приехала домой на рикше. Когда мы вытащили из мешка вещи и выложили на пол, мы увидели – это были почти новые

платья и рубашки, одним словом, в то время эти вещи были нам очень нужны. У нас дома была ручная швейная машина, мы могли на машине шить, Каждый из нас любил свое любимое дело: одна могла рисовать, другая танцевать, третья петь. Почти все могли старую одежду переделывать на новые фасоны.

В Харбине русские построили много стадионов. Каждый год весной и осенью устраивались соревнования. Зимой поливали каток. Мы видели, как родители русских детей вели своих ребят на каток. Китайчата за стенами стадиона часами наблюдали за картинками на льду. И в это время я снова вспомнила слова китайского преподавателя: «Советский Союз – наше будущее». У каждого из нас была прекрасная мечта и стремление к будущему. Сейчас наши внуки уже живут такой жизнью. А годы летят, и нам уже шестьдесят.

Татьяна Сун

10.08.2006.

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ХАРБИНЕ

ИЗБРАННЫЕ ЦИТАТЫ

«Из всех мест рассеяния российских эмигрантов Харбин представляет собой исключительное явление. Города, подобного ему, нигде никогда не встречалось. Это был подлинный уголок старой дореволюционной России, где в чистоте сохранились русский язык, православный быт и традиции».

Т. Золотарева

«В этом городе все говорили по-русски, в том числе и китайцы» (...). «Няня часто заходила за покупками в маленький китайский магазинчик на углу. Здесь все говорили по-русски, и нас смешил забавный акцент китайца. «Угосяйтесь!» – говорил он нам, протягивая конфеты. Я благодарила его по-китайски, и тонкие губы на морщинистом лице растягивались в улыбку: наступал его черед посмеяться над моим произношением».

О. Ильина-Лайиль

«...Харбин говорил по-русски; говорила линия КВЖД; в школах, гимназиях, университетах – преподавание шло на русском языке. Газеты, журналы, книги издавались по-русски. Русскими были названия улиц; над магазинами красовались русские вывески. Даже китайцы, с которыми нам приходилось иметь дело, заговорили по-русски, избавив нас от необходимости учить китайский язык. Вот почему «маньчжуры» так выгодно отличаются от эмигрантов, попавших в другие страны».

Е. Рачинская

«По речи, по особенностям произношения, мы отличаем москвича от ленинградца, владимирца – от сибиряка», – писала в 1946 г. газета «Русское слово».

«1945 г. По главной улице Китайской шла Красная Армия через коридор русских по ковру живых цветов. Начался в Харбине веселый праздник: на каждом шагу – русские лица, русская речь, а они удивлялись: «Вы говорите на ленинградском языке!» Не понимали, что это – петербургский язык, язык русских интеллигентов, который мы сохранили нетронутым».

Л. Дземешкевич

«В 1945 г., когда войска Красной Армии вошли в Маньчжурию и солдаты, к своему большому удивлению, встретились с местным русским населением, вот какой была их реакция: «У-у... как вы тут все говорите! У нас так только в Ленинграде говорят!» (...) «...это люди, которые сохранили не только культурное русское наследие, но и дореволюционную бытовую культуру, они также сохранили дореволюционный русский язык во всей его чистоте и прелести и сумели передать его своим детям и даже внукам. Они знали литературный русский язык, и у многих из них было петербургское произношение. Большинство были представителями элитарного и литературного типа речевой культуры».

Н. Райан

«Язык многих специалистов, приезжающих в последнее время в Китай (*имеется в виду: из России – Е.О.*), приводил меня в недоумение. Как-то странно и похоже один на другого говорили они: стереотипные газетные фразы, одни и те же эпитеты к одним и тем же существительным, много иностранных слов, нередко заменяющих выразительные русские слова и вместе с тем безграмотные обороты, неправильные ударения, непривычный смысл, приданный некоторым словам».

В. Ефанова

«...но самыми непривычными были те слова, которые нас окружали на том самом языке, к которому мы так рвались» (...) «...витиеватый жаргон и слова из женских уст по всем линиям железных дорог, которые по ту сторону дороги и мужчины не произносили».

Л. Дземешкевич

«Первое, что меня поразило, это речь советских людей. Мы в Харбине, а потом и в Шанхае, говорили исключительно на тургеневском языке».

Г. Хотковский

«Стало быть, в семье и в кругу близких людей, а возможно и в школе, преобладал петербургский выговор, только мы об этом не задумывались» (...) «Просто в нашей семье и в ближайшем окружении говорили на грамотном русском языке, которому учили в гимназиях и других учебных заведениях старой России. На этих же нормах были воспитаны педагоги харбинских школ и тем более институтов и техникумов. Поэтому дети из семей разного культурного уровня при обучении усваивали определенные эталоны правильной русской речи. И читали мы много и обязательно русскую классику» (...) «В разработке проектов и строительстве города и железной дороги участвовали петербургские инженеры, хорошее об-

разование имели харбинские врачи и представители других интеллектуальных профессий. Немало было таких, кто окончил известные университеты и другие высшие учебные заведения России. Не помню, какое произношение было у Игоря Александровича Мирандова¹⁷, известного в городе словесника, но культура речи была у него образцовой. Было кому закладывать основы и на кого ориентироваться. Это не означает, что не было среди русского населения в Харбине малограмотных, что не употреблялись жаргонные словечки, но существовали надежные эталоны, с которыми можно было соотносить свою языковую культуру, и было к этому стремление».

М. Таум

«Два центра было у русской эмиграции: в Европе – Париж, в Азии – Харбин. И если русское дворянство быстро ассимилировалось во французском обществе, то на другом конце света несколько десятилетий сохранялась дореволюционная Россия. На улицах Парижа русские говорили на чужом языке, на улицах Харбина – на своем».

О. Бобин

«Возвращаясь к вопросу о русском языке, – но уже только в среде русской диаспоры, – нельзя не обратить внимания на то, какие усилия прилагают представители старшего поколения, чтобы их дети и внуки не утратили родных корней. В исследовании Н. Райан отмечается, что из 15 тысяч русских эмигрантов, прибывших в Австралию в конце 50-х – начале 60-х годов, только старшее поколение сохраняет в «чистоте» русский язык, а для их детей и внуков, учившихся в австралийских школах и высших учебных заведениях, родным языком уже является английский» (...) «Во многих семьях, где преобладает «русский дух», в какой-то степени удается передать основы русского языка и культуры совместными усилиями родителей и учителей русских приходских школ. Однако и в этом случае русский язык становится средством общения дома, в семье»

Е. Таскина

«Игорь Александрович Мирандов, известный педагог в старом Харбине, преподававший в ХСМЛ несколько дисциплин гуманитарного цикла, считал русский язык «основой культурного наследия России в условиях Русского зарубежья»: «Среди многих ценностей, вынесенных нами с родины, наш язык является едва ли не величайшей (...). Русский язык есть результат многовекового и бережного накапливания опыта и внешнего выражения переживаний великого и многотрудного народа». Эту мысль он высказывал «и в харбинской прессе, и на филологических курсах Школы практических знаний ХСМЛ» (...) «Выступая против засорения русского языка иностранными и жаргонными словечками, он призывал всех проживающих в Харбине квалифицированных филологов выступать в печати и на лекциях в защиту культурного наследия России. Подчеркивал особые возможности для такой работы в харбинских условиях компактного проживания носителей русского языка. «Из всей эмиграции у нас одних есть эта возможность», – утверждал он».

¹⁷ Мирандов Игорь Александрович (1899-1970) – педагог в Харбине, преподаватель английского языка, помощник директора гимназии и колледжа ХСМЛ (Христианский союз молодых людей) в Харбине, заместитель директора филологических курсов при ХСМЛ.

Е.Таскина

«...русское печатное слово было одной из основ духовной жизни людей, оторванных от своего отечества»

Е.Таскина

«Мне кажется, что секрет популярности поэзии в те годы был в том, что на чужбине в ней искали нравственную опору, утоляли духовную жажду, а русская поэзия как часть духовной культуры помогала сохранять себя, свои русские корни...».

Е.Таскина

«...Были сильные русисты – И.А.Пуцятто, Е.Б.Пожарская и другие» (...) «Уроки преподавались нам таким языком, о красоте которого мы узнали только теперь», – писал мне в письме Б.А.Кольчугин» (...) «Лицо Екатерины Борисовны (Пожарской), покрытое морщинами, казалось прекрасным, когда лилась ее гладкая, без запинки, красивая русская речь».

Е.Таскина

«Мои ощущения как жителя Харбина 40-х годов... были ощущениями русской среды обитания. Полагаю, что они были вызваны наличием и компактным расположением в этих районах города (речь идет о районах Нового города и Модягоу) православных храмов, больниц, учебных заведений, где звучала преимущественно русская речь, – несмотря на привычные реалии быта коренного китайского населения и присутствие японцев (еще носивших тогда кимоно). Во всяком случае, тогда, гуляя по улицам города, как и всегда, я чувствовала себя в своей, привычной, русской среде обитания»

Е.Таскина

«Это было первое соприкосновение с родным народом¹⁸. ... Они говорили «Харбин» с непривычным ударением на первом слоге; церкви у них «работали», а на вопрос о возрасте отвечали: «Я с такого-то года». Непривычно! Как с другой планеты люди! Много курьезов было при общении. Задавали, как казалось, нелепые вопросы, но и наши русские харбинцы, естественно, нередко озадачивали военных совсем иными представлениями о жизни, или вопросами типа: «А правда, что в СССР все девушки ходят в красных косынках?» и т.д.

Но основное, что их удивляло, как помнится, – это чистый, «такой правильный» русский язык, на котором говорили харбинцы. Впрочем, как и весь уклад жизни с российскими традициями и церковными праздниками».

Е.Таскина

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобин О.Б. Прощание с русским Харбином. – М., 1994. – С. 7.
2. Дземешкевич Л. Харбинцы. – Омск, 1998. – С. 101, 164.
3. Ефанова В. Домой с черного хода. – М.: Изд-во Н. Бочкаревой, 1999. – С. 33.

¹⁸ Речь идет о встрече русских харбинцев с советскими русскими в 1945 г.

4. Золотарева Т. Маньчжурские были. – Сидней (Австралия): Харбинское и Маньчжурское историческое общество, 2000. – С. 105.
5. Ильина-Лайиль О. Восточная нить. – СПб.: Звезда, 2003. – С. 24, 21.
6. Рачинская Е.Н. // Цит. по Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. Часть 1. Русские в Китае. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000.
7. Русское слово. Ежедневная газета. Харбин. 1946. № 14.
8. Райан Н. В. Россия – Харбин – Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. – М.: Русский путь, 2005. – С. 86.
9. Таут М.П. Сбереженный русский язык // Русская Атлантида. – Челябинск, 2001. № 7. – С. 35, 37.
10. Таскина Е.П. Дорогами русского зарубежья. – М.: Изд-во МБА, 2007. – С. 23, 25, 34, 70, 71, 83, 92, 171.
11. Хотковский Г.В. Воспоминания // Русские в Китае. Газета. Екатеринбург. 2001, февраль. № 25. – С. 5.

Сост. Е.А.Оглезнева, Л.М. Шипановская

О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ ХАРБИНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Идея создания словаря харбинской лексики возникла при анализе разнообразных текстов, относящихся к русскому восточному зарубежью: это прежде всего записи речи последних русских стариков Харбина, мемуары бывших русских харбинцев, художественные произведения харбинских литераторов, публикации в русских газетах и журналах восточного зарубежья, некоторые научные труды. В совокупности все эти источники демонстрируют состояние русского языка в восточном зарубежье на протяжении всего XX в. и обнаруживают общность на лексическом уровне, выражающуюся в наличии слов и устойчивых сочетаний, использовавшихся лишь в русской речи восточного зарубежья. Эту лексику мы условно назвали «харбинской», хотя она была распространена не только среди русского населения Харбина, но и на станциях по линии КВЖД, а также в других городах Китая, имевших русские колонии. Харбинской эта лексика названа нами по имени центра русской восточной эмиграции – построенного русскими города Харбина.

Наша публикация представляет собой опыт создания фрагмента словаря, по своему типу являющегося лингвокультурологическим. Состав словника интересен не только для лингвиста, исследующего способы пополнения словарного состава в их обусловленности собственно языковыми и социальными факторами, но имеет несомненную историческую и культурную ценность, т. к. за включенными в словарь лексическими единицами и идиомами находятся своеобразные реалии жизни русского восточного зарубежья и его истории.

Итак, харбинская, или собственно харбинская лексика – это такая лексика, которая активно функционировала в русской речи восточного зарубежья и составляла ее специфику в отличие от языка метрополии.

В состав харбинской (или собственно харбинской) лексики мы включаем несколько групп наименований.

1. Лексические единицы языка с новым семантическим наполнением (напр., «кукушка» – название небольшого дачного поезда и др.).

2. Лексические единицы, возникшие для обозначения новых реалий при помощи словообразовательных средств русского языка (напр., *тридцатники – беженцы из России в Маньчжурию от коллективизации в 30-е гг. XX в. и др.*);

3. Заимствования из китайского языка или из контактного языка – русско-китайского пиджина (напр., *лянчай – китайская холодная закуска [из кит.яз.], Ченхэ – название одного из районов Харбина, под «запишу» – предоставление русским покупателям продуктов, выращенных китайцами, в долг, под символическую запись [из рус.-кит. пиджина] и др.*), а также активизированные в русской речи восточного зарубежья экзотические наименования китайского происхождения, известные русскому языку метрополии, но малоупотребляемые там (напр., *фанза – дом, строение; гаолян – сельскохозяйственная злаковая культура и др.*);

4. Собственные русские наименования городских объектов – урбонимы, а также русские названия периодических изданий, организаций, учреждений и т.п. (напр., *Желсоб – Же-*

лезнодорожное собрание; ХПИ [хэпэ`и] – Харбинский политехнический институт, газета «Русское слово» и др.);

5. Топонимы и микротопонимы восточного зарубежья, созданные по типу русских наименований (напр., названия улиц Артиллерийская, Таможженная и др., районов города, пригорода, станций по линии КВЖД: Солнечный остров, Пристань, Романовка и др.).

Всю харбинскую лексику можно также разделить на 2 группы, положив в основание такого деления иной принцип: наличие/отсутствие такой лексики в метрополии. Так, многочисленные русские названия улиц Харбина абсолютно соответствуют русским моделям топонимической номинации: *Вокзальный проспект, Офицерская улица, Пекарная улица* и др. В большинстве российских городов можно найти улицы с такими названиями. Основанием для включения этой и подобной лексики в состав харбинской является ее активное функционирование вне топонимической среды метрополии, для которой такая топонимика представляет норму, а в зарубежье – это уникальное свидетельство высокого статуса русского языка и культуры, а также значимости России в развитии востока Китая и Харбина, в частности, в начале XX в., что было признано и самими китайцами.

О существовании особых харбинских словечек вспоминали многие русские харбинцы. «У нас было много-много выражений, типических для Харбина», – вспоминал Н.Н. Заика. На это же указывали Е.П. Таскина, Н.В. Райан и др.

Выявление харбинской лексики из конкретных источников и ее начальное лингвокультурологическое описание осуществлялось в ряде дипломных работ выпускников Амурского государственного университета, выполненных под рук. доц. Е.А. Оглезневой: И. Степановой (2005) – на материале книги Т.И. Золотаревой, Я. Поляковой (2005), Р. Гарусовой (2008) – на материале записей речи последних представителей русской диаспоры в Харбине М.М. Мятова и В.А. Зинченко. Обнаруженные ими единицы включены в словарь. Методом сплошной выборки доцентами Е.А. Оглезневой и Г.М. Старыгиной также осуществлялся поиск лексического материала для словаря из фоноархива лаборатории региональной лингвистики Амурского госуниверситета, а также из других источников.

Структура словарной статьи

Заглавное слово дается в орфографической записи. Ударение проставлено в заимствованных словах, не известных или имеющих статус экзотизмов в русском языке метрополии. В случае невыясненного ударения ставится помета [Удар.?].

Заглавное слово представлено в исходной грамматической форме, принятой в большинстве словарей русского языка.

Имена существительные даются в форме именительного падежа.

Названия лиц женского пола, имеющие соответствующие названия лиц мужского пола, помещаются в одной статье с ними после знака ||:

ХАРБИНЕЦ. Житель Харбина. *Те которые за границу уехали люди, бывшие харбинцы, они помогали* [Зинченко, ФА, 2000, 11/35]. || **харбинка.** *И она бывшая харбинка, но она метиска / полуяпонка / полурусская* // [Зинченко, ФА, 2000, 3/9] и др.

Имена прилагательные даются в форме единственного числа мужского рода.

Глаголы представлены в форме инфинитива.

Соотносительные по виду глаголы подаются в разных словарных статьях.

У неизменяемых слов указывается часть речи.

Варианты слов (как лексико-семантические, так и формальные) подаются в одной словарной статье:

ДАОИНЬ и **ДАОЙНЬ**. [Удар.?). [Из кит. яз.]. Руководитель административного округа.

Толкование значения осуществляется через развернутое описание либо через литературный синоним. Возможно совмещение того и другого способа толкования в одной словарной статье.

Относительные имена прилагательные толкуются с помощью единообразных формул «сделанный из ...», «относящийся к ...» и т.п.

В случае невыясненного значения слова ставится помета [Знач.?).

Синонимы толкуются и перечисляются в первой по алфавиту словарной статье после знака || Ср. (сравни).

Толкование других синонимов осуществляется через отсылку к первому по алфавиту синониму словами «То же, что...».

ПОЛИТЕХНИКУМ. Харбинский политехнический институт. *Русские, опытнейшие профессора, преподаватели, приезжали сюда. Город-то был Харбин русский. Вот и потом, с беженской волной, приезжали профессора, специалисты, большие специалисты. Вот они в двадцать втором году и открыли здесь политехникум* [Мятов, ФА, 2000, 7/11]. || Ср. ХПИ, Харбинский политехнический.

ХПИ. То же, что **ПОЛИТЕХНИКУМ**.

Фразеологические обороты сопровождаются знаком ◊ и помещаются в одной статье с собственно харбинским словом, если оно входит в состав оборота.

◊ **ЧУРИН**. Разг. Название торгового дома «И.Я. Чурин и К^о». *Но «Чурин»... Он был, именно, заходите вы туда, сразу, но, пахнет и европейским, русским, понятно было такое* [Зинченко, ФА, 2000, 10/21] и др. ◊ **УНЕСТИ ЗА ЧУРИНА, УВЕЗТИ ЗА ЧУРИН**. Похоронить. *Была среди русских идиома – «унесли за Чурина», т.е. похоронили (в конце проспекта находилось кладбище)* [Таскина, 1994, с. 30].

Если в составе фразеологического оборота нет собственно харбинских слов, то он толкуется на первый по алфавиту компонент оборота.

◊ **ЗА РЕЧКУ**. Разг. В Австралию (уехать, эмигрировать). *Часть эмигрантов начала готовиться к репатриации, а другая часть – собираться выехать в Австралию, или, как тогда говорили, «за речку»* [Ли, ФА, 2000, 30].

Иллюстративная часть словарной статьи представляет собой контексты, передающие значение представленного в словаре слова. Контекст, представляющий собой запись устной речи, приводится без фонетической транскрипции, но с сохранением отдельных особенностей произношения и формообразования. На каждое значение приводится максимальное количество контекстов, выразительно иллюстрирующих его.

Иллюстративный материал сопровождается **указанием на источник**. Если это опубликованный источник, указываются фамилия автора, год издания и страница: [Таскина, 1994, с. 42]. Если источником является периодическое издание, указывается год выпуска: [1943]. Если же это запись устного текста, ему сопутствует указание на фамилию информанта, место

хранения (как правило, фоноархив лаборатории региональной лингвистики – [ФА]), год записи, номер и страницу полевого дневника: [Зинченко, ФА, 2000, 10/27].

В конце словаря представлен полный список источников.

Стилистические пометы указывают на стилистическую принадлежность (*разг.,высок.*) и эмоционально-экспрессивную окрашенность (*экспр., уменьш.-ласк., увелич., неодобр., презр., снисх., уменьш., ласк., шутол. и некот. др.*).

Иные пометы

В некоторых случаях толкования слов сопровождаются комментарием лингвистического, историко-культурного или энциклопедического характера. Такой комментарий помещается в конце дефиниции после знака *:

У заимствованных слов имеется указание на язык происхождения: [Из кит. яз.], [Из яп. яз.], [Из рус.-кит. пиджина].

Список принятых сокращений

Безл. – безличный (глагол)	Общ. – общий род
Бран. – бранное	Однокр.- однократное
Буд. – будущее время	Одобр. – одобрительное
В знач. – в значении	Одуш. – одушевленное
Вводн. сл. – вводное слово	Осуд. – осудительное
В знач.сказ. – в значении сказуемого	Относит. – относительный
Вин. – винительный падеж	П. – падеж
Возвр. – возвратный (глагол)	Пов. – повелительное наклонение
Вопрос. – вопросительный	Порядк. – порядковое числительное
Воскл. – восклицательный	Превосх. ст. – превосходная степень
Высок. – высокое	Предл. – предложный падеж
Глаг. – глагол	Презр. – презрительное
Груб. – грубое	Пренебр. – пренебрежительное
Дат. – дательный падеж	Прил. – прилагательное
Деепр. – деепричастие	Притяж. – притяжательное
Дет. – детское	Прич. – причастие
Др. – другие	Прош. – прошедшее время
Ед. – единственное число	Род. – родительный падеж
Единиц. – единичное	Рус. – русский
Ж. – женский род	Сказ. – сказуемое
Звукоподр. – звукоподражательное	См. – смотри
Знач. – значение	Снисх. – снисходительное
Им. – именительный падеж	Соб. – собственное
Инф. – инфинитив	Собир. – собирательное
Ирон. – ироничное	Сов. – совершенный вид
Кат.сост. – категория состояния	Спец. – специальное
Кит. – китайский	Ср. – средний род и сравни
Колич. – количественное числительное	Сравн. ст. – сравнительная степень

Косв. – косвенный падеж	Стар. – старое
Крат.ф-ма – краткая форма прилагательного	Сущ. – существительное
Л. – лицо	Тв. – творительный падеж
Ласк. – ласкательное	Увел. – увеличительное
М. – мужской род	Удар. – ударение
Межд. – междометие	Уменьш. – уменьшительное
Мест. – местоимение	Унич. – уничижительное
Мн. – множественное число	Употр. – употребляется
Многокр. – многократный глагол	Усилит. - усилительное
Нар. – наречие	Фам. – фамильярное
Нариц. – нарицательное	Фольк. – фольклорное
Насмешл. - насмешливое	Част. – частица
Наст. – настоящее время	Ч. – число
Неизм. – неизменяемое	Числит. – числительное
Неодобр. – неодобрительное	Шутл. – шутливое
Неодуш. – неодушевленное	Эвфем. – эвфемистичное
Несов. – несовершенный вид	Экспр. – экспрессивное
Образн. – образное	Эмоц. – эмоциональное
	Яп. – японский

СЛОВАРЬ ХАРБИНСКОЙ ЛЕКСИКИ

(фрагменты)

А

АВСТРАЛИЙЦЫ. Русские из восточного зарубежья, эмигрировавшие в Австралию. *...Те же австралийцы, там все это бывшие харбинцы, смотрят со злобой. А где вы были раньше? Почему вы все бросили, все отдали, а теперь вы хватаетесь за соломинку?* [Зинченко, ФА, 2000, 10/27]; *Они знали, что австралийцы приехали. <...> Австралийцы там побыли немножко, и ушли. Должны были встре-*

титься на Вокзальном проспекте тут [Хан, ФА, 2002, 25/3].

АМА. [Из кит. яз.]. Китайская няня. *Вам нужна прислуга? Вам пришет такого «боя» или «аму» ваш лавочник, он достанет все, что вам нужно, и вовсе не из симпатии к вам: это его дело! Дело! Расчет. Это дело всех китайцев* [Иванов, 1998, с. 10].

Б

БАТАТ. [Из кит. яз.]. Запеченный китайский сладкий картофель. *...Сладкая*

печеная картошка – батат» [Таскина, 1994, с. 42].

БЕЖЕНСКАЯ ВОЛНА. Волна беженцев, покинувших Россию после Октябрьской революции по политическим мотивам. *Вот и потом, с беженской волной, приезжали профессора, специалисты, большие специалисты. Вот они в двадцать втором году и открыли здесь политехникум* [Мятов, ФА, 2000, 7/11].

БЕЖЕНЦЫ. Бежавшие из России после революции из-за неприятия новой власти. *Беженцы, те, которые приехали эмигранты, они з(ово)рят, не хотят работать, вот и бегут оттудова, из России* [Зинченко, ФА, 2001, 14/6].

БЕЛЬГИЙСКАЯ УЛИЦА. Название улицы в Харбине начала и середины XX в. Этот Ваза только в два часа дня пришел. Ведь надо же, с девяти часов ему

«ВАНЯ, ЗАХОДИ!». Название ресторана на Солнечном острове, любимом месте отдыха жителей Харбина. *Как приятно было бродить по песку, пробираться к воде под сенью тальника, погружаться в ее струи, плавать или сидеть в ней по горло, потом отдыхать в тени кустов, а после направиться подкрепиться в одну из забегаловок, которых там было немало и каждая из них имела свое название и славилась своими кулинарными изделиями. Среди них особенно выделялась одна, носившая залихватское название «Ваня, заходи!», а также запомнились «Дед-Винодел», «Кафе Миниатюр»* [Золотарева, 2008].

«ВИТЯЗЬ». Название спортивной площадки на Солнечном острове. *Папа снял дачу за Сунгари, и два моих младших брата жили у него там, за Сунгари. <...>. Я, значит, дома. А в воскресенье мама ме-*

плохо. Этот Ваза, я прям никак ему простить не могу. Он тут открыл на Бельгийской улице ресторанчик с братом. И вот он там задержался, в два часа только пришел к нему. Он совсем плох. Его срочно в скорую помощь [Хан, ФА, 2002, 24/ 8-9].

БЕСПОДДАННЫЕ. О людях, не имеющих гражданства, не принадлежащих к гражданам какого-либо государства. *Большинство русских харбинцев в те годы гражданства не имели – они считались «бесподданными» («русский эмигрант» – не гражданство. Ими волею судеб стали и многие бывшие служащие КВЖД, имевшие советское гражданство до 1935 г. и не уехавшие после продажи дороги из Маньчжурии* [Таскина, 1994, с. 118]. || Ср. **ВНЕПОДДАННЫЕ.**

В

ня отпускала: «Поезжай к папе туда, отдыхай. И я в это воскресенье приехала туда. И побежала сразу на площадку. Там, на площадке «Витязь» Анатолий уже ждал меня. Мы целый день там гоняли мячи, плавали, в общем, развлекались. А домой-то я к папе не пошла [Хан, ФА, 2002, 24/28-29].

ВНЕПОДДАННЫЕ. То же, что **БЕСПОДДАННЫЕ.** *«Внеподданные», как в Харбине называли не имевших подданства граждан, чувствовали себя в подвешенном состоянии: они и сами не жаждали работы в советской школе, да их туда и не приглашали* [Печерица, 1998, с. 233].

ВОКЗАЛЬНЫЙ ПРОСПЕКТ. Название улицы в Харбине. *Австралийцы там побывали немножко, и ушли. Должны были встретиться на Вокзальном проспекте тут* [Хан, ФА, 2002, 25/3].

«ВОЛГА-БАЙКАЛ». Название галантерейного магазина в Харбине. *Галантерейные магазины. Волга-Байкал, Конная, угол Китайской, 2 [1923].*

Г

ГАОЛЯН. [Из кит. яз.]. Сельскохозяйственная злаковая культура; разновидность проса. *Здесь произрастают: индийская пшеница или гаолян, просо, маис, табак, бобы, горох, картофель, индиго, лен, кунжут, пенька и мак, из которого добывают опиум [1923]; Разливом реки Майхэ причинен вред прибрежным посевам бобов, пшеницы, гаоляна, кукурузы, чумизы и проса. Рис от наводнения здесь не пострадал [1927]; Завод коннозаводчиков будет принимать деньги от членов Союза за корм для лошадей – гаолян [1943]; Я не люблю капусту с гаоляном [Райан, 2005, с. 74].*

*В словаре под ред. Д.Н. Ушакова слово дано с пометой (бот.).

ГАОЛЯНОВЫЙ. Сделанный из гаоляна. *Выдача гаоляновых отрубей [1945]; «Китаец охотно согласился и ушел в фанзу, а мы решили погулять и посидеть около большого гаолянового поля, что раскинулось с левой стороны фанзы» [Золотарева, 2000, с.207].*

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ БАНК И «ДАЛЬБАНК». Названия одного из русских банков в Харбине. *Дальневосточный банк «Дальбанк». Китайская, № 50, тел. № 28-14 от 9 до 3 час. дня; № 28-61 в прочие часы [1923]; Да, старое здание, банк. Дальневосточный банк был, но построенный он был давно очень. Ему, наверно, больше ста лет. Он уцелел [Зинченко, ФА, 2001, 14/3].*

ДАОИНЬ и ДАОЙНЬ. [Удар.?). [Из кит. яз.]. Руководитель административного

терейные магазины. Волга-Байкал, Конная, угол Китайской, 2 [1923].

Г'ОБИ. [Из кит. яз.]. Официальное название местных денег, находившихся в обращении в первой половине XX в. в Северо-Восточном Китае; маньчжурский юань. *Официальная подписная плата 2 гоби за месяц [1943]; Подписная цена 3.00 гоби [1945]; В благотворительный отдел Главного Бюро поступили пожертвования к празднику Рождества Христова для благотворительных организаций от следующих лиц: от Союза Георгиевских кавалеров – 100 гоби для Общества помощи инвалидам; М.Н. Олесова – 20 гоби для Дома милосердия, Русского Дома, Ольгинского Приюта и приюта имени Митрополита Мефодия по 5 гоби [1945]; А мы вот харбинцы, значит, называли так: сто рублей, десять рублей, пять рублей, на самом деле по-китайскому называли там Гоби, юани, тумпречан, потом еще названия были [Зинченко, ФА, 2000, 11/46].*

Д

округа. *Даоини – руководители административного округа [1923]; Сегодня, в 8 ч. 30 м. у., прибывает в Харбин ццикарский даоинь г. Чжан [1927]; Атаманы станиц подчинялись даоиню, который издавал нормативные акты, регламентирующие жизнь казачьего населения¹⁹ [Говердовская, 2004, с. 33].*

¹⁹ Речь идет о русском казачьем населении Маньчжурии.

«ДЕШЕВЫЙ БАЗАР». Место продажи по сниженным ценам, распродажа. *Вы ходите в костюме там за сто рублей, я хожу в костюме за тридцать рублей. У меня костюм, он тоже новый, он неношенный, он нисколько неношенный, только он купленный не в магазине «Чурина», скажем, а купленный у этого еврея, так называемый «дешевый базар», так? Так он назывался – «дешевый базар»* [Зинченко, ФА, 2000, 10/ 21].

ДВОЙНЫЕ КУЛИЧИ. О куличах, которые пекли в Харбине на Рождество и Пасху в двойном объеме – в благотворительных целях и для своей семьи. *В Харбине благотворительных организаций очень много было. Как-то было модно, ну что ли, среди богатых людей заниматься благотворительностью. Например, так... Пасха. У меня мамаша делала всегда куличи. Она делала двойные куличи. Что значит двойные куличи? Первые куличи она делала в приют и в тюрьму. Раньше в тюрьме здесь тоже много русских сидело. Несли, значит, куличи в тюрьму, в богаделку, в приют престарелых, и это не только моя мать делала. И другие женщины. Каждая старалась что-то сделать. Так же повторялось на Рождество* [Зинченко, ФА, 2000, 10/20].

ДИАГОНАЛЬНАЯ УЛИЦА. Название улицы в Харбине. *Вернулся с деньгой в Харбин, купил сначала дом на Диагональной улице. Потом гостиницу открыл там, называлась «Сеул» гостиница. Потом еще дальше, еще купил дом, еще. В общем, смотрит, здесь уже дело пошло* [Хан, ФА, 2002, 24/32].

ДОРОГА. Китайско-Восточная железная дорога. *Типография дороги. Спросить сторожа* [1919]; *С приходом советской власти на дорогу исчез последний*

островок дореволюционной российской жизни, чудом сохранившийся в полосе отчуждения до этого момента. Местные остряки прозвали этот день «Октябрьской революцией на дороге» [Аблова, 2005, с. 158]; *А отсюда уехали в тридцать пятом году двоюродные братья из Харбина. Оба в белой армии были, потом здесь работали, на дороге устроились. В тридцать пятом году, когда продали дорогу, и поехали домой//* [Мятов, ФА, 2000, 7/13]; *Построить КВЖД, и так далее. Массу денег потребовало. И люди всех национальностей приезжали сюда, в этот Харбин, на строительство дороги, на строительство Харбин`а* [Зинченко, ФА, 2001, 14/14].

ДРАГОМ`АН*. Переводчик с китайского языка на русский, состоящий на службе в полиции и других официальных учреждениях. *Китайский адвокат Тянь-юн-чи принимает защиту всяких судебных дел в смешанном суде, имеет собственного драгомана для всех языков* [1920]; *В состав комиссии входят агроном земельного отдела Т.И. Гусаров, драгоман ГПУ г. Дун и инструктор льноводства А.П. Дмитриев* [1927]; *«Когда мы приехали в Цицикар, Володя с нами отправился прямо в полицию. Там у него был хорошо знакомый драгоман»* [Золотарева, 2000, с. 17]; *«Яго-Шин, пожав плечами, глядя прямо в лицо драгоману, проговорил: «Что я знаю? Я был в отъезде»* [Золотарева, 2000, с. 62]; *«Тебе надо хорошо смотри! Тебе говори хозяйка, надо давай охрана!» – В тоне драгомана чувствовалась насмешка: он был доволен случившимся* [Золотарева, 2000, с. 116]; *Драгоман – это он как переводчик, как младший там чин какой-то, ну в полиции работал. Акцента никакого нет. Даже в любой полицейской будке китайской был*

так называемый драгоман, который обязательно говорил по-русски. Если китаец полицейский там что-то не понимает, драгоман ему переводит [Зинченко, ФА, 2000, 3/ 4-5]; Поэтому все старички, старушки... они привыкли что? Приходит он в полицию, там есть русские драгомены –

ЕВРОПЕЕЦ. Одно из самоназваний русских, подчеркивающее отнесение их к другому типу цивилизации – европейскому. Срочно требуется 1-2 комнаты с кухней для европейцев (мать с дочерью). Район: Модягоу, Черногорская 26, кв. 3 [1943];

ЖЕЛСОБ. Здание Железнодорожного Собрания. «Сегодня в саду Мехсоба концерт симфонического оркестра Желсоба» [1927г.]; «На третий день друг с женой и детьми собирались идти на елку в Желсоб и пригласили его. Он охотно согласился. В Желсобе на елку собралось много публики, главным образом родители с детьми. Посреди зала стояла высокая раскидистая елка, увенчанная на верхушке золотой звездой» [Золотарева, 2000, с. 75].

ЖОХО. [Удар?]. [Из яп. яз.]. Особый рапорт, в котором нужно было сообщать японскому начальству о настроениях населения. «Служащие некоторых объектов,

полицейские, которые говорят по-русски прекрасно [Зинченко, ФА, 2001, 20/53].

*Словарь под ред. Д.Н. Ушакова помещает это слово с пометой *спец.* и толкует как «переводчик, состоящий при каком-нибудь европейском посольстве на востоке». В современном русском языке слово является устаревшим [Большой толковый словарь С.А. Кузнецова.]. В харбинской речи слово имело близкое, но не тождественное указанному значение, и было широко распространено.

Е

Здесь уже европейцам жизни не будет (речь об изменении обстановки в Маньчжурии после передачи управления железной дорогой Китаю в 1952 г.) [Зинченко, ФА, 2000, 10/22].

Ж

например, охранники железнодорожной полиции должны были подавать своему начальству «жох» – сведения о настроении и разговорах среди населения, и особенно о тех, кто критикует действия японцев» [Золотарева, 2000, с. 191].

ЖЕНЫШЕНЬ [Из кит. яз.]*. Дикорастущее растение, произрастающее на Дальнем Востоке, корень которого высоко ценится в китайской медицине. Корень женьшень, имеющий большой спрос [1923].

*В Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова слово сопровождается пометами (бот., этногр.).

З

◇ **ЗА РЕЧКУ***. Разг. В Австралию (уехать, эмигрировать). Часть эмигрантов начала готовится к репатриации, а дру-

гая часть – собираться выехать в Австралию, или, как тогда говорили, «за речку» [Ли И, ФА, 2000, 30].

*Вероятно, потому что при следовании в Австралию из Китая необходимо было преодолеть водное пространство.

ЗОЛОТУШКА*. Разг. Собр.

Название русских денег; русская золотая валюта – золото. *Выменял в менялке, где можно было менять деньги. Свободно продавалась русская золотушка, свободно продавалась вот эта, китайская вот эта,*

серебряные эти таяны... [Зинченко, ФА, 2001, 14/2].

*Известно, что Харбин был многонациональным городом, в котором иностранное присутствие было весьма весомым. С этим обстоятельством связано хождение разнообразной валюты на этой территории: китайских юаней и гоби, японских иен, английских таянов (даянов), американских долларов, русского золота.

Сост. Е.А. Оглезнева, Г.М. Старыгина

ИСТОЧНИКИ

Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Харбинский фонд (записи речи последних представителей русской диаспоры в Харбине М.М.Мятова, В.А. Зинченко, Е.А. Никифоровой, Н.А. Давиденко, П.В. Свининниковой, В.П. Хан, а также бывших харбинцев Н.Н. Заика, В.С. Стаценко и др. очевидцев русского Харбина, сделанные в 2000-2008 гг.).

Периодические издания

1. Багульник. Литературно-художественный сборник. Книга 1. – Харбин, 1931. – 198 с.
2. Вестник Маньчжурии. Ежедневная газета, посвященная политике, экономике, культуре и интересам профессионально-трудовой жизни. – Харбин, 1919.
3. Весь Харбинъ на 1923 годъ. Адресная и справочная книга гор. Харбина / Под ред. С.Т. Тернавского. – Харбин, 1923.
4. Время. Ежедневная японская газета. Орган независимой мысли. – Харбин, 1943, 1945.
5. Дым Отечества. Ежедневная беспартийная газета. – Харбин, 1920.
6. Единение. Русская ежедневная газета. – Гленфилд (Австралия), 2004.
7. Луч Азии. Ежемесячное издание. – Харбин, 1939.
8. Маньчжурия. Ежедневная внепартийная демократическая газета. – Харбин, 1920.
9. Новости жизни. Ежедневная политическая, общественная, литературная, торгово-промышленная газета. – Харбин, 1920, 1927.
10. Понедельник. Газета. – Харбин, 1920.
11. Рубеж. Ежедневный литературно-художественный журнал. – Харбин, 1930, 1932, 1935-1945.
12. Русский голос. Ежедневная газета. Харбин, 1920.
13. Русское слово. Ежедневная газета. – Харбин, 1946.
14. Сборник Государственного Педагогического Института (1925-1937). – Харбин, 1937. – 192 с.

15. Свет. Газета общественная и политическая (орган независимой мысли). – Харбин, 1920.
16. Сибирская жизнь. Ежедневная экономическая, общественная, литературная, политическая газета. – Харбин, 1920.
17. Хлеб небесный. Духовно-нравственный православный журнал. – Харбин, 1928.
18. Ярошенко А. Над Харбином русский дым // «Московский комсомолец» на Амуре. Еженедельная газета. – Благовещенск, 11-18 января 2006 г.

Литература

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: НД ИД «Русская панорама», 2005. – 432 с.
2. Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917-1931 гг. – М.: Ин-т Дальн. Вост., 2004. – 187 с.
3. Дземешкевич Л. Харбинцы. – Омск, 1998. – С. 34.
4. Ефанова В. Домой с черного хода. – М.: Изд-во Н. Бочкаревой, 1999. – 320 с.
5. Золотарева Т.И. Золотарева Т. Маньчжурские были. – Сидней (Австралия): Харбинское и Маньчжурское историческое общество, 2000. – 277 с.
6. Иванов Вс.Н. Столетие КВЖД. Русские в Харбине. – Хабаровск, 1998. – 23 с.
7. Ли И. Русская диаспора в Пекине: проблемы и размышления // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. – Благовещенск: АмГУ, 2003. – С.286-295.
8. Несмелов А. Собрание сочинений. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. – Владивосток, Альманах «Рубеж», 2006. – 732 с.
9. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. – 276 с.
10. Пришвин М. Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.) // Рубеж: Тихоокеанский альманах. – Владивосток, 2006. № 6 (868). – С. 201-275.
11. Райан Н.В. Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. – М.: Русский путь, 2005. – 208 с.
12. Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е.П.Таскиной. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. – 352 с.
13. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. – М.: Прометей, 1994. – 192 с.
14. Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. – Калуга: Полиграф-Информ, 2003. – 416 с.
15. Хисамудинов А.А. По странам рассеяния. Часть 1. Русские в Китае. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. – 360с.
16. Хисамудинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. – 360 с.
17. Хисамудинов А.А. Следующая остановка – Китай: из истории русской эмиграции. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. – 244 с.

Словари

1. Большой толковый словарь русского языка /Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. – М.: Рус. яз., 1989.
3. Толковый словарь русского языка / Сост. Г.О.Винокур, проф. Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, проф. Д.Н. Ушаков. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935-1940. Т. 1-4.

Александр Ярошенко

ХАРБИНСКИЕ ТЕТРАДИ

Серия проникновенных очерков журналиста Александра Ярошенко о русском Харбине и его последних представителях – русских стариках, опубликованных в конце 90-х в амурских газетах, сделала близким для жителей Приамурья восточное зарубежье. Написанные сердцем, эти очерки составляют цельное журналистское произведение. В яркой художественной и одновременно доступной форме через повествование о жизни конкретных людей, прожитой в конкретных исторических обстоятельствах, перед нами предстает одна из страниц русской истории, преданная забвению на десятилетия.

ГЛЯДЯ В ПРОШЛОЕ, ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ

*Инженер. Растегнут ворот.
Фляга. Карабин.
«Здесь построим русский город,
Назовем – Харбин».*

А. Несмелов. Стихи о Харбине

Когда у перрона харбинского вокзала в начале века останавливалась «единичка» (так, между прочим, до сих пор называют экспресс «Москва-Владивосток»), пассажиры покупали газеты и открытки с видами города и могли его сравнивать с теми, что уже проехали по пути через огромную Россию. И такое сопоставление всегда было в пользу города, возникшего на сопках Маньчжурии: Харбин выделялся из общего ряда интенсивностью и основательностью строительства. Даже столицы – Петербург и Москва – десятилетиями «копили» на своих улицах добротные здания, а в Харбине как бы все возникло сразу и потому особенно впечатляло. И в отличие от большинства российских городов, страшно запущенных в годы революции и гражданской войны, здесь было единственное место, где русские зодчие не останавливали работу ни на один день. Когда в 1938 г. город отмечал свое 40-летие, во всех газетах и журналах заголовком был почти один: «Сказочный рост Харбина».

В то же время это был единственный в Китае город, имевший очень мало национальных примет этой страны. В Харбине не прижились ни рикши, ни другие традиционные элементы китайских городов. Извозчики, трамвай, автобусы, такси – они определяли жизнь харбинских улиц. Обычно говорят: здесь жили эмигранты. Но так однобоко рассматривать харбинцев ошибочно. Просто к коренным жителям присоединились остатки белой армии, беженцы из Сибири и Урала, и все нашли место в этом хлебосольном городе. А как зажиточно жили русские семьи на более чем ста станциях и в поселках, что находились в зоне отчуждения вдоль КВЖД! Не по своей вине потеряв «большую» родину, они старательно обустроили свою «малую». И все время ходили составы, перевозя грузы и пассажиров – в городе

постоянно слышались гудки локомотивов. Это единственное, что осталось в Харбине от начала века...

Россия и Китай останутся соседями, наши отношения нельзя заморозить. Связи и общение так или иначе будут продолжаться и впредь. Но сейчас речь о другом: о прошлом, которое было у нас очень непростым. Не следует забывать или односторонне толковать трудную историю взаимоотношений наших стран и наших предков, чтобы в будущем, став мудрее и опытнее, избежать повторения когда-то совершенных до нас ошибок. Больше полувека прожили в Маньчжурии вместе китайцы и русские, да и другие народы. Сообща обустроивали быт, осваивали край. Там был упорный труд, там зарождалась и развивалась своеобразная смешанная культура. По-видимому, в чужой стране, в необычных условиях и под влиянием ряда внешних обстоятельств и факторов у людей формируется особенная психология и тип поведения, с детства закладываются и развиваются межнациональная терпимость и такт, наряду с обостренным чувством интернационализма – внутриземляческая солидарность, что делает более богатой и тонкой палитру ощущений и взглядов.

Какими же были они, харбинцы? Конечно же, очень и очень разными. Но, как мне кажется, было у них, таких непохожих, что-то общее, что-то объединяющее. Вот ведь петербуржца всегда отличали от жителя Москвы – было свое лицо и у харбинца, хотя определить это непросто. Я слышал, что харбинцы, где бы ни встретились в мире, интуитивно узнают друг друга – то ли по манере, то ли по строю речи, то ли еще как...

Не знаю, прав ли я, но не могу согласиться с мнением, что сопки Маньчжурии для русских – лишь заблуждение, бесплодные скитания, пустой звук, дыра, что от той пустой жизни не остается и следа – будто это мираж. Разве там не было своих надежд и планов, стремлений и страстей? Связей и любви, женщин и детей, смеха и слез, наконец, стариков и могил?! Известно – было только то, что помнится. Ничего никогда в действительности не будет, если люди не захотят вспоминать.

Пусть же наш взгляд в прошлое будет по возможности ясным и трезвым.

*Амурская правда. Приложение «Порубежье»
№ 3(8). Апрель, 1999*

«НЕ БУДЬ ПОБЕЖДЕН ЗЛОМ, А ПОБЕЖДАЙ ЗЛО ДОБРОМ»

Великий мастер слова Лев Толстой говорил: «Свойство мудрого человека состоит в трех вещах: первое – делать самому то, что советуешь другим, второе – никогда не поступать против справедливости и третье – терпеливо переносить слабости людей, окружающих тебя». Мне повезло: на протяжении последних нескольких лет я знаю человека, полностью, на мой взгляд, отвечающего определению классика русской литературы.

Михаил Михайлович Мятков. Один из последних русских мигрантов, доживающих свой век в Харбине. Семилетним ребенком он был привезен сюда родителями-купцами. Они бежали из Самары от разрухи и гражданской войны. Никогда больше не бывавший в России, Михаил Михайлович тем не менее в полной мере является одним из немногих представителей старой русской интеллигенции. В совершенстве владеет четырьмя иностранными языками.

ми, а в чистых гранях его души столько доброты и света, что с радостью перенимаешь их, и на сердце становится теплее и спокойнее.

– *Михаил Михайлович, есть такое понятие – мера жизни. Чем меряли и меряете свою жизнь вы?*

– Откровенно говоря, я никогда не задумывался над таким вопросом. Наверное, следовало бы глубже вникать в это и, проходя свое земное поприще, быть более полезным другим людям. На мой взгляд, нужно творить добро и только добро. Чтобы хоть на йоту улучшить жизнь своего народа и других народов на нашей Земле.

– *А почему, на ваш взгляд, на Земле так много зла?*

– Сеятель смуты – это дьявол, последователи сатаны уже открыто заявляют о своем существовании. Они не только не отрекаются от отца лжи, отца неправды и смут, но даже приносят ему жертвы. То есть возвращаются к язычеству, уклоняются от Господа, сотворившего их для вечной жизни. Как говорит Апостол – мир во зле лежит.

– *Почему же Господь, сотворивший этот мир, допустил, чтобы в нем было столько неправды?*

– Господь, создавая человека, дал ему свободу выбора. Человек – не раб добра и не раб зла, он существо свободное и его личное дело – следовать добру или злу. Господь создал человека свободным. А творец зла и неправды – сам человек.

– *Мир, в котором мы живем, не определяется только добром и злом. Если бы так, все было бы очень просто. На самом деле он гораздо сложнее. Что вам в этом мире помогало и помогает жить?*

– Пройти столь тяжкий жизненный путь помогают только надежды на будущее.

– *Михаил Михайлович, в Священном писании сказано: око – светильник тела. А что, по-вашему, является светильником души человеческой?*

– Конечно, слово Божие. Слово Божие!..

– *Вам 86 лет. Река вашей жизни подходит к своему устью. Что вы почерпнули из нее?*

– Главную заповедь: не будь побежден злом, а побеждай зло добром. Если бы люди следовали ей, всем бы жилось гораздо лучше на этом свете.

– *Вся ваша сознательная жизнь прошла в эмиграции, на чужбине. Вы считаете это тяжким крестом в вашей судьбе?*

– Только отчасти. Потому что прожитая мною жизнь за границей была гораздо легче, нежели жизнь тех, кто оставался в России. Я не испытывал тех ужасов, какие были у вас в те годы, когда мы покинули Родину. Там, позади, был голод, было преследование религии, проповедовалось свирепое безбожие... Слава Господу нашему, я этого не переживал. В Харбине я как будто попал в осколок прежней Руси, где жили верующие люди, истинные патриоты, воспитанные в чисто русском духе, и этот дух прививался всем нам, тогдашним детям. Я от всей души благодарю своих воспитателей-педагогов. Среди них были не только гражданские, но и военные, и духовные лица, которые нам внушали только добро. В сравнении с той жизнью, с какой вам довелось столкнуться там, на Родине, как можно не быть довольным этой? Да вспомнить нашествие той же Германии, сколько пришлось пережить нашим соотечественникам. Сочувствовали им все проживавшие здесь чисто русские люди, в том числе и я. Мы всегда оставались русскими до мозга костей.

– Да, в вас много русскости. Не у каждого живущего в своем Отечестве столько национального самосознания, сколько я вижу его у вас. Откуда это, как вы думаете?

– Только благодаря домашнему воспитанию, влиянию моих родителей, старших братьев, друзей. Все были так воспитаны – в истинно русском духе. Я жил и существовал в старой русской среде, которой теперь уже нет, и это мне особенно больно, ибо доживаю я свой век там, где ничего русского не осталось...

– Вы покинули Родину ребенком. Какой она осталась в вашей памяти?

– В моей памяти Россия всегда прекрасна. Это мне внушили, во-первых, наша Самара, чудный городок, село Усолье на другой стороне Волги, где жила моя бабушка и где я провел не одно лето. Я видел там русскую природу, а как можно не любить ее?..

– Вы сказали, что жить вам помогают надежды. Какие именно?

– Надежда у меня теперь только одна: если народ российский опомнится, то Россия с помощью Божией возродится в былом величии.

– Что вы просите у Бога для России?

– Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние Твое.

...Поздним вечером я уходил из его скромной квартирки, что находится в самом старом районе Харбина. И уже вослед мне прозвучали слова Михаила Михайловича:

– Россия, Россия – нет слова красивей...

Амурская правда. Приложение «Порубежье»

№ 5 (декабрь). 1998

МАДАМ

Из Благовещенска она бежала под шквал винтовочных выстрелов.

– Дайте мне слово, что когда я умру, вы будете молиться за меня, ведь я была большая грешница. А я буду молиться за вас на том свете, – сказала она мне в тиши харбинской коммуналки. Я свое слово держу уже одиннадцать лет. Чувствую, что она тоже...

Папин пароход

Первое воспоминание ее благовещенского детства – папин пароход плывущий по Зее. Белый, с большим колесом, громко свистящий на всю округу.

– Когда папа поднимался на палубу, все матросы отдавали ему честь, – вспоминала она.

Действительный статский советник Николай Селигеев прибыл в Благовещенск в 1900 году вместе с молодой женой после окончания учебы в Петербурге для несения государственной службы. Через четыре года у них родилась девочка, назвали ее Ниной, потом с интервалом в три года в семье Селигеевых родились еще три девочки: Тамара, Зоя и Алла.

Николай Селигеев занимал высокую должность, был начальником Амурского водного бассейна, получал в месяц 1200 рублей золотом. Это давало возможность им безбедно жить, держать прислугу и содержать большущий дом по улице Чайковского, 4 (сегодня там поликлиника противотуберкулезного диспансера).

– На всю жизнь запомнила, как нас возил кучер в экипаже по Большой улице, какие в витринах магазинов были нарядные куклы, – вспоминала десятилетия спустя Тамара Нико-

лаевна Федорова (в девичестве Селигеева). Ее благовещенское детство было беззаботным и, конечно, счастливым: сильный папа, добрая мама, сестренки, гувернантки – француженка и немка. Дивная дача в Белогорье, которая утопала в земляничных полянах...

Детство кончилось – его резко отсекли очередью выстрелов.

Когда в 1917 году в России запыхала революция, то в один из декабрьских дней этого кровавого года в их дом позвонил сослуживец отца и взволнованно сказал в телефонную трубку:

– Николай Яковлевич, через несколько часов всю вашу семью придут убивать, решение комиссары уже приняли, ждут глубокой ночи...

«Как хороши, как свежи были розы...»

– Мама только успела нас одеть, схватила кое-какие вещи и икону Богородицы, и мы побежали через Амур, на китайскую сторону... Вспоминала Тамара Николаевна.

Ей было десять лет, и на всю жизнь она запомнила, как бежали и падали на лед под свист летящих вослед пуль.

– Мама нас пригнет к земле, стрельба стихнет, мы перекрестимся и дальше бежим...

Тамара боялась что потеряет боты, на которых не успела даже завязать шнурки. Боты не потеряла, а вот родину – навсегда...

Их эмигрантская жизнь была полна бед и лишений: в начале двадцатых годов в Харбине умирает отец, вскорости от тифа сгорает старшая сестренка. Потом их трех оставшихся в живых сестер судьба раскидала безжалостной рукой по странам и континентам: Алла попала в Бразилию, Зоя уехала в Советский Союз, а Тамара навсегда осталась в Харбине.

Она закончила восточный факультет Пражского университета²⁰, по-китайски говорила просто блестяще, всю жизнь проработала переводчиком на городской телефонной станции.

Первый брак был скоротечным: обрусевший немец по фамилии Нагель рано умер от скоротечной чахотки.

– Помню, он задыхался, не помогал даже кислород, а я стояла на коленях и молилась Богу...

Потом, где-то к середине жизни, она вновь вышла замуж, за колчаковского офицера Сергея Федорова, которого всегда называла «настоящий человек». Образованнейшая – Бальзака и Ремарка читала только в подлинниках – всю жизнь прожила тесной комнатенке жутчайшей китайской коммуналки.

Мы познакомились теплым маем 1993 года, у меня был трехлетний контракт в Харбине, и, съдаемый тоской, я однажды забрел в православную церковь. В ту пору в «русской Атлантиде» доживало свой век апостольское число русских стариков – двенадцать. Первой подружился с Тамарой Николаевной только потому, что мы оба были из Благовещенска.

В свои восемьдесят шесть она оставалась женщиной – ажурные перчатки, шляпка с вуалью, пальто покроя начала века, сумочка в тон... Манеры, речь, жесты. Китайцы смотрели на нее, как на музейный экспонат, задавали полоротые вопросы.

– Мадама, сколько тебе лет? – пытал ее при мне один раскосый прохожий.

²⁰ По уточненным данным, Т.Н. Федорова окончила восточно-экономическое отделение Харбинского юридического факультета.

– Это ужасно неприлично спрашивать у женщины возраст, – на чистом китайском отвечала она.

– Ну, семьдесят пять есть? – не унимался он.

– Ты мне льстишь, моему пальто семьдесят пять... – без паузы отвечала восьмидесяти-семилетняя Мадам. Все китайцы звали ее только уважительно: «Мадама...».

Она позволяла себя так называть.

Последний поклон

На самом излете ее жизни благовещенский журналист Игорь Горева организовал Мадам приезд на родину, в Благовещенск. Она узнала свой дом, в располагавшейся там поликлинике безошибочно нашла детскую, родительскую спальню и папин кабинет.

– А здесь была наша горка... – сказала она, показывая на пустынный больничный двор. Уходя, поклонилась в пояс отчому дому, резко повернулась и пошла, не оглядываясь, к машине.

– Ты знаешь, а сестры меня ругали в письмах за то, что я поехала в Благовещенск, говорят, что я себя не берегу... У меня потом долго болело сердце. Это так больно!.. – тяжело вздохнула она.

Мадам навсегда осталась зарубкой на моем сердце, ее трагическая судьба острым кристаллом застыла в моей душе. Последние годы ее жизни мы были дружны, по воскресеньям после службы в харбинском храме обязательно пили кофе в ее комнатенке. Мадам была кофеманка еще та, варила настоящий, присланный сестрой из Бразилии. Острила, юморила, хорохорилась, но в ее глазах жила смертная тоска.

– Бог не дал мне детей, поэтому старость моя тяжела, – искренне признавалась она.

Боялась тяжкой кончины, но Бог послал ей скорую смерть. В восемьдесят девять лет инсульт – сутки без сознания, и все.

...Я сумел приехать на ее могилу только через неделю после похорон: черный холмик утопал в цветах, оплывшие свечи... Вдруг в кладбищенской тиши услышал, как залиристо запела иволга, и в этой песне слышалась Живая Жизнь...

Амурская правда. Приложение «Порубежье», 1999

ЖИЗНЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЧАСТЬЕ...

*«...Кто хочет
идти за Мною,
отвергнись себя,
и возьми крест
свой, и следуй за
Мною»*

Евангелие от Марка, 8.34.

Майским утром я шел по одной из главных улиц Харбина – Восточному проспекту. Вокруг шумела толчея прохожих, набирал силу еще один день пятимиллионного города. Чужая гортанная речь, шум автомобилей и зазывные возгласы уличных торговцев. Магазины и магазинчики, рестораны и парикмахерские. Казалось, не будет конца нескончаемой череде

ярких витрин. Неожиданно показались величавые купола церкви. Невольно замедлил шаг, и как-то сразу на душе стало благостно и умиротворенно, родным и близким повеяло от потускневших маковок храма. Войдя в небольшой церковный дворик, я очутился в другом мире. Надо мной раскинули большие кроны карагачи, а из-под них с русской грустинкой смотрела на мир ветхая лавочка.

В храме несколько старых русских сидели на скамейке и тихо переговаривались между собой. Среди них особенно выделялась одна женщина, особой статью отличалась она от других. Ахматовский профиль, волнистые седые волосы, а глаза... Глаза пронзительной синевы и света. Необычайно яркий свет струился из очень живых и чистых глаз. Более одухотворенного лица я никогда ранее не видывал. Некоторое время стоял в нерешительности, забыв обо всем, потом вымолвил: «Здравствуйте!» – и поклонился. Это получилось как-то само собой, но совершенно просто и естественно.

Так пять лет назад состоялось мое знакомство с русской харбинкой Ниной Афанасьевной Давиденко. Ее отец, действительный статский советник, приехал в Харбин в 1905 году из Полтавы по приглашению брата, ранее работавшего на КВЖД. Как говорит Нина Афанасьевна, «вокруг были сопки и перспективы».

– Я родилась в Китае в 1910 году, – продолжает она. – Нас в семье было три сестры. Закончила гимназию, поступила на бухгалтерские курсы при ХСМЛ. Был в Харбине такой Христианский союз молодых людей.

Вся ее большая жизнь связана с Харбином – городом, которому она осталась верной навсегда. Никогда из него никуда не уезжала. Хотя уехали очень многие, практически все родные. Одна сестра сегодня живет в далекой Австралии, вторая доживает свои дни в России, в Москве... Когда Нина Афанасьевна говорит обо этом, свет ее чудесных глаз пригасает, как бы становится матовым, но какой замечательный огонек вспыхивает в них при воспоминании о тех невозможно далеких годах, когда она с сестренками ходила в знаменитый магазин купца Чурина, где подолгу простаивала в писчебумажном отделе, выбирая что-либо к школе. Вряд ли думала она тогда, что многие годы своей жизни – более 20 лет! – отдаст знаменитой компании «Чурин и К°». Начинала с помощника кассира и «доросла» до старшего бухгалтера.

– За все эти годы ни одного дня не была на больничном, – говорит она с гордостью, – не каждый год уходила в отпуск. Управляющий удивлялся: «Нина Афанасьевна, по вам можно часы сверять: без четверти восемь вы всегда на работе». Это были лучшие годы моей жизни! Какие разнообразные товары мы предлагали покупателям! У торговой компании были очень большие связи по всему миру. А какие прекрасные люди работали со мной, настоящие русские интеллигенты! Все были хорошо образованны, языки знали...

К слову, сама Нина Афанасьевна владеет четырьмя иностранными языками: английским, немецким, французским и китайским²¹. Правда, когда изменились обстоятельства, это знание ей никак не помогло. А обстоятельства изменились, когда 23 августа 1945 года в Харбин вошли советские войска и для торгового дома «Чурин и К°» начались сложные дни.

²¹ По уточненным данным Н.А.Давиденко владела четырьмя иностранными языками: английским, немецким, французским и японским.

– Был прислан новый управляющий, который совсем не разбирался в торговле и вообще был малообразован. Особенно тяжело вспоминать тот день, когда я подписывала акты о передаче магазина из русских в китайские руки. Было это в 1958 году. Вы не представляете, я ходила по этажам, прощалась с моим «Чуриным», плакала. Это было мое детище... Потом больше года не могла ходить туда, – голос ее дрожал от слез.

Это был единственный случай за все годы нашего знакомства, когда я видел слезы в глазах Нины Афанасьевны. И после разговора я пошел в знаменитый магазин: как-то нестерпимо захотелось побывать там, пройтись по его этажам и представить того русского «Чурина», ту публику, которая хаживала по его мрамору и паркетам. Универсам в Новогороднем районе Харбина внешне сохранился в первозданном виде, в каком он был построен в 1901 году по замыслу нашего именитого соотечественника. Дерево предпринимательства, посаженное без малого столетие назад в благодатную китайскую почву, плодоносит и поныне.

Пересматриваем с Ниной Афанасьевной старые пожелтевшие фотографии. Вот они передо мной – эти немые свидетели жизни. С именитыми вензелями и без таковых. На одной из них – элегантная девушка в широкополой шляпе с пером, в стильном для первой половины века платье, на высоких каблуках. Видя мое искреннее восхищение, хозяйка улыбнулась одними губами и промолвила:

– Ах, деточка, такая жизнь была!..

Личная жизнь или то, что мы под таковой подразумеваем, – семья, дети, – у нее не сложилась. «Бог не дал», – однажды лаконично заметила она.

Большая внутренняя сила и духовная красота чувствуются в ней постоянно. Она великая постница: весь ее рацион состоит из незатейливых каш да скромных овощных блюд. Сегодня Нина Афанасьевна живет, мягко говоря, более чем скромно. При этом, оставаясь русской не только по духу, но и по паспорту: сохранила российское гражданство, впрочем, как и все остальные восемь русских стариков, доживающих свой век на чужой теперь маньчжурской земле. Пенсии они не получают ни копейки. Китайские власти не платят, считая, что они иностранцы и не принесли пользы китайскому обществу, Россия же напрочь забыла о своих сыновьях-дочерях. На что ж они живут? Некоторые из русских харбинцев, живущих сегодня в разных краях, вспоминают своих земляков и присылают к Пасхе да к Рождеству немного денег. В среднем на одного старика приходится 100-150 долларов в год – это нищенская сумма даже по нашим меркам. Нина Афанасьевна экономит практически на всем. Если она узнает, что в другом районе Харбина продают крупу на 20 фэней дешевле, она идет туда пешком (за общественный транспорт надо платить) в жару или холод, в дождь или снег, проходя в среднем 5-8 километров в день. И это – в 88 лет!..

В 1968 году в Харбине умерла последняя русская православная монахиня Богородице-Владимирского монастыря. Жила она тихо и уединенно, вдали от мира, ближе к Богу. Близких не было, похоронили матушку Рафаэлу православные, скинувшись, кто сколько мог. За три десятилетия ее могила практически сровнялась с землей, только раскидистый куст белой сирени напоминает о том месте, где нашла свой покой последняя Христова невеста русского Харбина.

Недавно совершенно случайно узнал, что Нина Афанасьевна, живя в нищенских условиях, копит деньги на памятник матушке Рафаэле и практически уже собрала нужную сумму. Когда я спросил ее об этом, она засмушалась. Помолчав несколько секунд, сказала:

– Знаешь, Саша, я уже решила, какой он будет. Православный крест из дикого камня. Хочу, чтобы скромно было. Как только потеплеет, займусь этим делом.

Что сказать?! По-моему, здесь нужно просто помолчать...

Пока в доме престарелых жили русские старики, Нину Афанасьевну можно было увидеть там чаще других. Задолго до начала службы в храме она уже убирала церковный двор, прибиралась в часовне.

Нина Афанасьевна часто ездит на русское кладбище, где похоронена ее мама. Убирает могилы тех, чьих близких нет уже в Харбине. По памяти знает, кто и где похоронен.

Неверно думать, что она живет только своим прошлым, отпевшей молодостью. При встречах всегда интересуется, как дела в России. Искренне сокрушается, услышав нерадостные вести. Видимо, есть у русского человека такое единение духа с родиной, что прервать его может только смерть. И то, наверное, не всегда. Я убедился в этом за годы общения с нашими стариками в Харбине. Глядя на них, понимаешь: жизнь больше, чем счастье. И та, вечная, и эта, земная, которую мы помним.

*Амурская правда. Приложение «Порубежье»
№ 1(6) (январь). 1999*

«БЕЗ РОДИНЫ ЧЕЛОВЕК – НИКТО»

История души человеческой едва ли не любопытней и полезней истории целого народа, особенно когда она есть следствие наблюдения зрелого ума над самим собой. Я попытался увидеть грани русской души человека, не жившего в России никогда. Так получилось, что В.А.Зинченко родился и всю жизнь прожил на чужбине. Нет, не за тридевять земель, а всего в 600 километрах от нас – в Харбине. Но – на чужом берегу.

– *Владимир Алексеевич, недавно вы встретили 64-й день рождения. С какими мыслями, чувствами подошли к нему?*

– Я живу сегодняшним днем, поэтому стараюсь не думать...

– *Все мы живем сегодняшним днем.*

– Вы живете у себя на Родине. Плохо или хорошо, какие бы кризисы ни были – вы живете у себя. А я – среди чужих мне людей, чужого народа. То одиночество, которое испытывает человек в чужой стране, – никто не поймет. Кроме тех, кто здесь живет, – нескольких несчастных человек, русских стариков. Все эмигранты, сколько бы их ни было, где бы они ни жили, умирали с надеждой вернуться на Родину. Без Родины человек – никто.

– *Вы сильный духом человек?*

– Я не считаю себя сильным духом. Сильны были мои родители, приехавшие сюда – в Китай. Они работали, переносили невероятные тяготы и умирали вдали от Родины. Любой человек должен иметь какую-то мечту, надежду, к чему-то должен стремиться. Если он не имеет мечты и надежды, этот человек конченный.

– *А у вас какая надежда? Чем живете вы?*

– Думаю, что поздно или рано я сложу свои кости на Родине своих предков – в России.

– *Вы не боитесь, что ваша мечта может и не сбыться, как надежды многих людей, которые до вас умирали здесь?*

– Откровенно говоря, побаиваюсь. Но надеюсь на Божью милость, на волю Всевышнего.

– *Владимир Алексеевич, вы ни одного дня не были в России. Что значит она для вас?*

– Россия – это мой корень. Не было бы России, не было бы моих предков, учителей, которые меня воспитывали в духе преданности Родине, России!

– *Я знаю, что вы простой русский мужик, в хорошем понимании этого слова. Вы – крестьянин, всю жизнь прожили на земле, держали скот. Что помогало и помогает жить вам, простому русскому?*

– Стойкость. Та стойкость, которая защищала Ленинград, Сталинград. Та, с которой до последнего патрона дрались русские парни. В этом сила и дух русского человека.

Дальше Алексеич говорить не смог: его душили спазмы. Махнул рукой – мол, выключи диктофон. В небесно-синих глазах кряжистого мужчины стояли слезы, и он стыдливо отвернулся к окну.

Владимир Алексеевич серьезно болен запущенным тромбофлебитом – на обеих ногах у него незаживающие трофические язвы. Лечение в Китае стоит дорого, ему не по карману. В прошлом году его историю я рассказал Анатолию Васильевичу Рубцову, зам. главы областной администрации. Он откликнулся, нашли спонсоров, согласившихся оплатить лечение Зинченко и его проезд в Благовещенск. Окрыленный успехом, я приехал в Харбин к Алексеичу: так, мол, и так, поехали в Россию. А в ответ: «Не поеду, сейчас не могу!». До поздней ночи я убеждал его, уговаривал. Наконец он согласился подумать до утра. Уходил я от него в недоумении: как? Почему не хочет? Ведь это шанс!..

На другой день – к нему:

– Что, Алексеич, надумал?

– Знаешь, Сашка, ты ушел, а я ночь не спал. Все ворочался, так и не уснул до утра. Нет, не поеду.

– Но почему?!

– Понимаешь... Приеду я в Россию, в Благовещенск, побуду там месяц-два, подлечат меня, похожу по земле родной, по которой никогда не хаживал, послушаю родную речь, воздухом русским подышу... И – вернусь сюда, в Китай. Я же не смогу здесь жить и, скорее всего, наложу на себя руки. От тоски, от боли сердечной. А это грех тяжкий!

Я молчал. Я понял его. Больше никогда не возвращусь к этому разговору. Прости меня, Алексеич, что заставил тебя страдать. Прости...

Амурская правда. Приложение «Порубежье»

№ 2(7) (февраль). 1999

ДЕВЯТЬ ЛЕТ ОДИНОЧКИ

– Господи, помилуй... – несется под сводами харбинской церкви. Чарующие звуки нежного сопрано исходят от маленькой, согнутой женщины с восточными чертами лица. Она поет тихо, но акустика храма усиливает звуки молитвы, и где-то в вышине, под самым куполом, раненой птицей трепещется «Господи, помилуй...». Слова льются из самых глубин ее истерзанной, но не сломленной души.

В русском Харбине ее все зовут просто Валя, не добавляя отчества. Для нашей эмиграции это редкость – там принято всех по имени-отчеству и на Вы. А ее – Валя. Но с какой нежностью произносится это имя!

Ее родители, корейцы по происхождению, бежали в 1922 году в Китай из объятых сполохами революции Приморья. В Харбине, где осела семья беглых, они быстро встали на ноги. Вскоре у главы семейства Павла Трофимовича Хана было несколько домовладений и гостиница «Сеул».

В 1924 году в семье родилась девочка, которую нарекли Валентиной. Когда ей исполнилось шесть лет, мать привела ее к соседке Будаевой, известной в Харбине портнихе. Та была дамой бездетной и очень набожной.

– Только она привила мне истинную веру в Бога, во имя которой я и выжила, – вспоминает Валентина Павловна.

А выжить и пережить ей пришлось ох как много!

...Симпатичная корейночка, дочь состоятельных родителей, она стремительно вписалась в светскую жизнь Харбина. Учеба в гимназии совмещалась с занятиями в престижной музыкальной школе. Учителя там были большими патриотами России.

– Я с гимназических лет на всю жизнь запомнила, что Россия – великая, прекрасная страна, – говорит она.

В 1939 году Валя без труда поступает в Северо-Маньчжурский университет на коммерческий факультет. А после его окончания работает в канцелярии Харбинского политехнического института.

– Жила беззаботно, эгоистично, все думала о нарядах да кавалерах. За что и была наказана, – убежденно считает Валентина Павловна.

Если и наказал ее Творец за свойственную барышням легкомысленность, то слишком жестоко. Душным августовским вечером в начале шестидесятых годов прямо на улице к ней подъехала черная машина китайской контрразведки.

– Какое задание выполняла для советского консульства? – методично задавал один и тот же вопрос китайский офицер. Напуганная до полусмерти молодая женщина так и не могла понять, что от нее хотят. А ей особо и не объясняли. Просто захлопнули за ней двери одиночной камеры.

И потянулись долгие годы одиночества. Это потом она узнает, что этих лет будет девять. А пока не было ни суда, ни приговора. Ее просто уничтожали, применяя изощренную пытку – молчание. Валентину не вызывали на допросы, не били, не истязали. О ней просто забыли. Сносно кормили и давали учить цитатники Мао. Так текли дни, месяцы, годы в харбинской одиночке.

– Только вера в Бога не позволяла мне сломаться, сойти с ума. Я ежедневно молилась и верила, что Господь меня не оставит.

Молитвы чередовались с изучением китайского языка. Хоть как-то скрашивала бытие ежедневная гимнастика. Но самым страшным для женщины была полная неизвестность. От родных не было никаких весточек. Близкие приходили к ней только во сне.

Через восемь лет Валентине объявили приговор: как особо опасной международной шпионке ей полагается десять лет тюрьмы и два года спецпоселений. Лающую речь проку-

рора она восприняла спокойно и впервые для себя отметила, что разучилась плакать. Все долгие годы заточения ее глаза оставались сухими. Даже в самые горькие минуты отчаянья в них не появлялась предательская влага.

Каменный мешок одиночки сказался на здоровье. Валя сильно застудилась и стала... на десять сантиметров ниже ростом.

Через полгода ей дали наконец-то свидание с матерью. Но вместо обаятельной, жизнерадостной женщины она увидела сторбленную старушку в черном, в которой проглядывались родные материнские черты.

– Папа?! – спросила она, глядя на одеяние матери.

– Да, – кивнула та головой.

Вот и все, что помнит Валентина Павловна с того краткого, как выстрел, свидания.

После девяти лет одиночки ее перевели в трудовой лагерь в провинции Цзилинь, где интеллигентная Валентина оказалась среди убийц, проституток и воровок. Ослабленную, полуизможденную, ее определили в «самодеятельность». Когда заключенные работали в поле, Валя играла на расстроенном аккордеоне революционные марши – «дух поднимала».

Раз в месяц заключенным давали по полкило мяса, вернее – его производные – субпродукты. От них Хан и заразилась инфекционным заболеванием печени. Болезнь развивалась скоротечно, а лечения никакого. Через месяц Валентина не могла ходить, веса осталось 42 кг. Тамошние доктора вынесли ей свой вердикт – смерть. И проявили напоследок «милость», отправив домой.

В родной Харбин поезд привез то, что осталось от Валентины, морозной январской ночью. Расстояние от вокзала до дома, которое шустрая Валя когда-то пробежала за 10 минут, теперь она почти ползком преодолевала шесть часов. А в отчем доме от былой роскоши не осталось и следа. Из ценных вещей было только Валино пианино. Их первый совместный с матерью завтрак состоял из отвара картофельной шелухи.

Продав пианино, на вырученные деньги наняли доктора, который поставил на ноги «преступницу». Оправившись от болезни, Валентина Павловна стала за мизерную плату учить соседских ребятишек русскому и английскому языкам. Каждую субботу ходила отмечаться в полицейский участок.

В 1982 году правительство Китая реабилитировало Валентину Павловну Хан, выдав в качестве компенсации 10 тысяч юаней, «одарив» также двухкомнатной квартиркой на грязной улочке Харбина.

Сегодня в свои 75 лет Валентина Павловна активна и, как ни странно, полна сил и энергии. Помогает всем русским, доживающим свой век в «восточном Париже», ведет большую переписку с харбинцами, живущими за границей. Получая небольшую пенсию, подрабатывает частными уроками. От учеников отбоя нет.

...Осенние сумерки опустились на Харбин, остыл невыпитый чай. Хозяйка, закончив свой грустный рассказ, смахнула со стола невидимые крошки.

– За все – слава Богу! А своих палачей, мучителей я давно простила. Ведь оружие сильных – доброта.

Самовар.

№ 40 (163)(октябрь). 1999

ЕФРОСИНЯ

Она пережила всех: родных и близких, друзей и целый город. Она пережила даже свою эпоху... В Харбине осталась последняя русская эмигрантка – 92-летняя Ефросинья Никифорова.

Небольшая, изогнутая коромыслом улочка в самом центре Харбина. Старый двухэтажный дом, широкий подъезд с не существующими уже дверями. Покатая лестница с невысокими, отлакированными тысячами ног ступеньками. Вокруг десятилетняя грязь, сетки паутины и кучки слежавшегося мусора. Узкий коридорчик второго этажа, из которого, как пчелиные соты, разбегаются десятки крошечных квартирок.

Запах затхлости вперемешку с десятками ароматов китайской кухни бьет в нос и щиплет глаза. На мой стук в засаленную обивку двери немым ответом была томительная трехминутная тишина, затем послышалось частое старческое оханье, шарканье ног, и наконец-то глухо бухнул отворившийся крючок...

Ефросинья Андреевна стояла, согнувшись, седая голова с тонюсенькими хвостиками заплетенных косичек мелко тряслась. Подслеповатые, выцветшие глаза пристально всматривались в меня.

– Сашка! – сдавленно выговорила она. Узнала сразу, хотя не видела больше года.

В ее квартире-конуре практически ничего не изменилось. У каменка печи узкая тахта, пузатый комод, в красном углу несколько старых икон, куцый продавленный диван, узкий шкаф-пенал, посередине комнаты колченогий стол-калека с надломленной ножкой – вот, пожалуй, и все ее добро.

Промозглым октябрьским днем 1923 года семья мелкого служащего Андрея Никифорова «в чем была, в том и прибежала в Харбин...», спасаясь от лютого голода, свирепствовавшего тогда в России. Старшей из троих детей была тринадцатилетняя Фрося.

Ее цепкая память хранит несколько ярких картинок отлетевшего детства. У бабушкиного дома под Ельней росла вековая береза. «Под ней французы отдыхали в 1812 году...», – говаривала маленькой Фросе бабушка.

– Как сейчас, видятся мне высоченные сосны в Кульдуре, где я родилась.

Она почти наша землячка – родилась на соседнем, знаменитом нынче курорте Кульдур. В той земле навеки осталась ее пятилетняя сестренка Ольга... Отец Ефросиньи Андреевны служил на строительстве Амурской железной дороги.

Приехав в Харбин, ее семья, как и тысячи других, твердо верила, что скоро обязательно вернется на Родину, в Россию: «Думали, год-два, там все образуется, и мы вернемся...». Увы, не довелось...

В 1930 году Ефросинья заканчивает фармацевтические курсы и поступает на службу в городскую аптеку. В то время в Харбине проживало более двухсот тридцати тысяч русских. Город по праву называли Восточный Париж. Это был осколок дореволюционной патриархальной России с ее бытом, укладом и нравами.

– А какие были балы! Какая публика! – вспоминает 92-летняя россиянка.

На одном из балов она встретила свою единственную любовь. Он был бывший офицер бывшей армии Колчака, красавец гренадерского роста. Она – хрупкая милая девушка с почти

тургеневским воспитанием. Все шло к свадьбе. Потом... Однажды он перебрал лишнего в мужской компании и изменил ей со случайной женщиной. Она узнала и простить не смогла... И навсегда осталась одинока. «Больше ни одна мужская рука не дотронулась до меня...». Характер!

В 1936 году скоропостижно умирает ее отец, служащий «Дальбанка». О времени оккупации города японцами она вспоминать не любит и только иногда почти беззвучно прошепчет:

– Было очень страшно...

В 1946 году советская контрразведка забирает брата Володю (он прошел одиннадцатилетний гулаговский ад). Другой брат – Николай – «почти добровольно» уехал на освоение целинных земель.

Ефросинья осталась вдвоем с матерью. Управляющим ее аптеки был китаец, закончивший Брюссельский университет и свободно говоривший на пяти языках, в том числе и на русском.

– Сослуживцы-китайцы всегда ценили мою голову, мои знания. Часто советовались со мной.

Многие и сегодня помнят, что к русской фармацевтке выстраивалась отдельная очередь. Жизнь в ее городе резко менялась, в Китай пришла еще одна революция, как в насмешку названная культурной.

В городской аптеке управляющего-полиглота сменили на более революционного, а бывшего – с европейским образованием – оставили работать уборщиком помещений...

Русскую фармацевтку заставляли наизусть учить бредовые цитаты великого Мао. Но с работы не увольняли. Она по-прежнему утром торопилась на службу, вечером – к больной матери.

– За маму страшно было, ведь практически все русские дома стояли с разбитыми окнами. Китайцы и нам разбивали головы камнями. Порой окружат на улице толпой, скалятся, как звери...

Начался массовый отъезд русских из Харбина, жизнь становилась все более невыносимой. У многих не было работы; порушили русское кладбище, на оскверненном погосте устроили городской парк культуры.

Никифоровы остались верными своему Харбину навсегда. В Союз ехать не хотелось, пережитый там голод давил на память паровозным колесом ужаса:

– Я помню, как мама свечкой мазала сковородку и жарила овсяные остья, от которых живот заходил в диких коликах.

В Австралию или Америку они тоже не захотели ехать, хотя визы были уже готовы: «Меня за границу никогда не тянуло. Все же Харбин ближе к своим...». Рушился их быт, их мир, их Харбин на глазах уходил в Лету, тая, как воск, вместе с каждым отъехавшим из него русским человеком.

– Что толку не будет, поняли тогда, когда побежали евреи, бросая свои капиталы...

Уехали все подружки Ефросиньи, ее утешительницей на долгие годы стала раскидистая ива на противоположном от города берегу Сунгари. Почти четверть века каждое воскресенье ходила она к своей ивушке.

– Весной половодьем дерево ломает, почти смоем. Но к середине лета моя ивушка опять силы наберет...

Видимо, не зря тянуло ее к негибавшей иве. Они во многом похожи – та же живучесть, стойкость, потрясающая жажда жизни...

В 1976 году умирает ее престарелая мать. Петля одиночества затягивается все туже и туже. Из Союза приходили редкие письма от братьев и от любимого племянника Игоря. Раскинутые родственники постепенно отдалялись друг от друга.

В 1979 году она уходит на пенсию, хотела поработать еще – не дали. Русская колония становилась все малочисленнее. Кто-то уезжал за границу, кто-то навеки ложился в чужую маньчжурскую землю. За жизнь, прожитую в Китае, Ефросинья Андреевна так и не научилась говорить по-китайски. Она не умеет кушать палочками. Осталась русской во всем. Сохранила и российское гражданство. За последние два года в мир иной ушли последние могикане – Михаил Мятков, Нина Давиденко, Владимир Зинченко, Маргарита Антонова...

Она оплакала и проводила в последний путь всех. Проводила свой город, свою, только ей ведомую Россию...

Сейчас Ефросинья Андреевна неизлечимо больна, знает о своем недуге и в свои 92 года торопится жить.

Сегодня единственной живой ниточкой с ее Россией является гид из благовещенского «Интуриста» Наталья Лазыко, периодически привозящая ей гречку, селедку, черный хлебушек и особенно желанные газеты. Газеты она просто «проглатывает» порой за ночь, не заметив, как за бельмоватым оконцем забрезжит рассвет.

...Прощаясь, она ни на что не жаловалась и, Боже упаси, ничего не просила. Просто сжала мою ладонь и с болью выдохнула:

– Самое страшное – это одиночество. Порой целыми днями сижу как немая, не произнесу ни одного слова – не с кем...

P.S. Ефросинья в переводе с греческого означает – счастливая...

*Амурская правда
№ 202 (июль). 2002*

ЗДЕСЬ ПЛАЧУТ ТОЛЬКО КАМНИ

Единственное русское кладбище Харбина заросло травой забвения...

Вырвавшись из плена крикливого, суматошного пятимиллионного Харбина и отмотав километров двадцать по великолепному автобану, попадаешь в местечко «Хуаншан», что в переводе означает «Желтые горы». Пологие сопки почти повсеместно засажены кукурузой. Старенькое такси, натружено задыхаясь, поднимается круто вверх, тормозит на пяточке автостоянки.

Под тенистой сенью приземистых карагачей нестройные ряды одряхлевших могил с крестами и памятниками, многие из них утопают в густой заросли горькой полыни. Полузаросшая дорожка ведет к невысокой часовенке с зарешеченными окнами.

Слева от церковки скромный обелиск с фотографией пожилой женщины в шляпке – открытое русское лицо, пристальный взгляд больших серых глаз... Несколько строк на белой эмали.

«Гамара Николаевна Федорова, 1907-1996 гг. Русский, остановись, этой женщине поклонись. Она жила вдали, но Родину любила».

За часовней два ряда могил харбинского духовенства. Отец Валентин Барышников, рядом с ним покоится замученный хунвэйбинами, китаец по национальности, православный священник отец Стефаний. Тут же, под душистым кустом сирени, успокоилась последняя православная монахиня русского Харбина матушка Рафаэла. На ее могиле нет ни креста, ни камня...

Участок осевших заброшенных могил спешно засеян кукурузой предприимчивыми китайцами. «Хрущевская дочь» буйно растет на русских костях, наливая крупные початки на прахе людском.

Идя по полю, повсеместно натыкаешься на едва заметные бугорки могил. Пройдет еще несколько лет, и их «окультурят» окончательно.

За полем еще сохранившийся участок погоста. Многие памятники разбиты, обломаны кресты, на керамических фотографиях повывиты глаза. Это в годы «культурной революции» многие утверждали свою революционность, круша могилы наших сограждан.

...Смахнув с могильного холмика прошлогодние листья, читаю: «Александра Еремеевна Мичкидяева»... Тетя Шура, Шурочка, как называли ее многие харбинцы. В памяти всплывает хрупкая фигурка, мелкие, с проседью кудряшки волос, непослушно спадавшие на морщинистый лоб. Она была кроткая, бесконечно запуганная жизнью. Как сейчас, вижу ее широко распахнутые, полные немного крика глаза... Вот уже пять лет, как она упокоилась.

На самом краю кладбища два высоких памятника героям русско-японской войны 1904-1905 годов, на одном четкая надпись: «Александр Александрович Корнильев. Командир миноносца «Решительный»... На черном мраморе видны следы сбитого православного креста, на месте которого серым цементным пятном взгроможден советский герб. «Благодарные потомки» офицеру, погибшему «за веру, царя и Отечество».

Рядом братская могила русских воинов, павших в русско-японскую войну под Порт-Артуром.

...История этого кладбища началась 1 июня 1958 года, когда власти Харбина выделили этот участок для русских захоронений. На старом, Успенском кладбище разбили парк культуры... Когда русская колония в Харбине была многочисленнее, то соотечественники старались ухаживать за могилами, и кладбище было в большом порядке. Сегодня русской эмиграции тут практически не осталось. На скудные муниципальные юани содержат здесь сторожа – старого Вана, который чисто формально присматривает за русским городом мертвых.

За последние два десятилетия кладбище окончательно одряхлело. Заросшее травой забвения, полузаброшенное, неухоженное, оно наполнено бесконечной тоской, унынием и самым страшным грехом – беспамятством.

...Маленький полузабытый временем холмик с крошечным деревянным крестом и выцветшей фанеркой указывает, что тут покоится поэтесса русского Харбина Настя Савицкая, прожившая жизнь в страшной нищете и одиночестве и оставившая после себя только две толстые тетради блестящих стихов, которые после ее смерти были изданы за границей.

Оскверненный, обломанный крест знаменитого харбинского доктора Владимира Казем-Бека.

Рядом с русским кладбищем участок еврейского захоронения – огороженный, убран-
ный, с ровными рядами могил.

– На это кладбище Израиль деньги выделяет, – просветил меня сторож Ван.

Чуть поодаль – большое китайское кладбище, содержащееся в образцовом порядке.

Массивные, вытесанные из мрамора львы, хранящие покой китайских могил, с каким-
то высокомерным каменным оскалом смотрят в сторону русского кладбища.

Чуть больше века назад Россия именем своим отправила в эти края на строительство
КВЖД своих лучших сыновей и дочерей. Цвет инженерной мысли, интеллигенции и купече-
ства приехал строить первую железную дорогу, соединившую Европу с Азией. Потом рево-
люция и гражданская война своей безжалостной рукой закинули сюда сотни тысяч россиян.
Затем от имени России их всех объявили «контрреволюцией»...

Кто смог, навеки стал скитальцем – уехал за границу. Кто не смог – навсегда упокоился
в чужой маньчжурской земле.

Жизнь с ее чудовищной несправедливостью распорядилась так, что никто на могилах
основателей Харбина не зажжет свечу и не положит цветы. Только в прохладные августов-
ские ночи на каменных неоплаканых обелисках и крестах выступают прозрачные капли ро-
сы, как невыплаканные слезы России, которую мы потеряли...

Амурская правда
№ 210-211 (июль). 2002

Можно много удивляться русскому Харбину, описанному в научной и популярной литературе, и не верить до конца в возможность существования такого феномена. Сомнения исчезают, как только в руки попадает документ того времени, красноречиво характеризующий такое явление русской истории как Харбин. И для пытливого ума этот документ предоставит массу разнообразной информации, позволяющей и материализовать в своем сознании «харбинский миф», и проникнуться гордостью за русский народ, стремившийся сохранить себя как этнокультурную общность в условиях инокультурного и иноязычного окружения.

Таким документом стало для нас научное издание – «Сборник Харбинского педагогического института», попавшее к нам от бывшей студентки этого вуза Татьяны Ивановны Золотаревой. Взяв в руки этот неожиданный подарок Татьяны Ивановны, задумаешься, как можно было такое сокровище доверить почте. Но книга благополучно добралась с другой стороны земного шара – из Австралии. Немного потрепанная, без твердой обложки, с личными записями Татьяны Ивановны на полях, передающими ее отношение, одобрителное или ироничное, к называемым в сборнике лицам – преподавателям института, и потому – живая и утверждающая харбинскую реальность.

Сборник, о котором идет речь, был выпущен к 10-летию Педагогического института и по своему характеру является итоговым. И потому в нем помещен очерк об истории возникновения Харбинского педагогического института, написанный известным в Харбине деятелем образования Н. П. Автономовым. Именно эта статья предлагается вниманию в разделе «Школа», поскольку изложенные в ней факты позволяют составить представление о системе русского образования в Харбине и его уровне. Кроме того, статья информирует об организации высшего образования в условиях восточной эмиграции и проблемах, возникших в результате сложных политических обстоятельств того времени, в частности, сильного японского влияния на все сферы жизни Харбина в 30-е гг. XX в.

Основное же содержание сборника составляют научные работы преподавателей Харбинского педагогического института, в которых отражена широта их научных интересов и глубина проникновения в суть решаемых ими проблем. Факт существования такого научного сборника в провинциальном по сути высшем учебном заведении приводит к выводу о его неординарности и объясняет тот высокий уровень культуры и образования в небольшом русском городе на китайской земле, который в Харбине был выше, чем в среднем по России, на что указывалось неоднократно в научных и мемуарных источниках.

В дополнение к очерку Н. Автономова предлагаем размышления о Харбинском Педагогическом институте Татьяны Ивановны Золотаревой, опубликованные в ее книге «Маньчжурские были» (Сидней, 2000 г.). Оба материала в совокупности исчерпывающе показывают состояние дел в Харбинском Педагогическом институте, а также нешуточные «страсти», разыгравшиеся по причине втягивания образования в политику и продемонстрировавшие твердость гражданской позиции молодых людей – студентов, – для которых выражение протеста против несправедливого административного решения оказалось важнее документа об окончании института, гарантировавшего хоть какую-то стабильность в будущем.

**ХАРБИНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(1925-1937 гг.)**

Исторический очерк

ГЛАВА 1

Открытие института²²

В жизни дальневосточной русской эмиграции Харбинский Педагогический институт сыграл свою немаловажную роль. Его возникновение 10 лет тому назад – один из отзвуков потребности в местной высшей школе, которую Харбин стал испытывать уже давно – около 20 лет тому назад. По крайней мере, историю местной высшей школы нужно вести со времен мировой войны. Именно к 1915 году относится уже конкретная постановка в Харбине и на Дальнем Востоке вопроса об организации высшей школы. Именно в то время в связи с увеличивающимися трудностями для дальневосточной русской молодежи, в том числе и проживавшей в Полосе отчуждения КВЖД, отправляться в Европейскую Россию для получения высшего образования, здесь, в Харбине, а также в Иркутске и Владивостоке был поставлен вопрос об организации своих высших школ: ведь в то время на территории всей Восточной Сибири была только одна высшая школа, к тому же очень специальная – Восточный институт во Владивостоке. Русская революция, приток в Харбин многих новых культурных сил, работавших в России и в высших учебных заведениях, долгая изоляция Харбина и Полосы отчуждения от России, увеличивавшаяся затруднительность поездок в Советскую Россию, а также и чрезвычайно тяжелое положение высшей школы в Советской России заставляли вплотную и на этот раз вполне практически подходить к вопросу об организации здесь высшей школы. А практическая необходимость в наличии высшей школы в самом Харбине для местной молодежи, а также и эмигрировавшей сюда, оставалась и после того, как и Владивосток, и Иркутск в первые же революционные годы обзавелись собственными высшими школами: для местной молодежи были свои и понятные основания стремиться получить высшее образование именно здесь, в эмигрантской высшей школе. Но если Харбин не испытывал в то время недостатка в молодежи, желавшей или закончить или получить высшее образование, то, понятно, в нем было немало обстоятельств, тормозивших открытие местных высших учебных заведений. Ясное дело, конечно, что основным тормозом в организации местной высшей школы являлся недостаток научных сил, а также и тех вспомогательных научных учреждений, без которых немислима нормальная работа высших школ (библиотек, лабораторий, учебных пособий, помещений и т.д.). И стоило появиться здесь, в Харбине, хоть относительно благоприятным данным, хотя бы в виде наличия достаточно квалифицированных научных сил, чтобы в Харбине появилось то или иное высшее учебное заведение. Таково происхождение и местного Юридического факультета, и Политехнического института (так называемого железнодорожного). Практическая потребность в высшей школе определенной

²² Сборник издан в новой орфографии. В настоящем издании статья из сборника приведена в соответствие с современными правилами пунктуации и в соответствии с современными правилами написания собственных наименований.

специальности повела к организации в Харбине Медицинской высшей школы, впоследствии закрывшейся, и Института ориентальных и коммерческих наук, а также и Богословского факультета при Институте Св. Владимира. Нельзя не отметить, что почти все названные высшие школы, за исключением последней, ведут свое происхождение от начала двадцатых годов – старейшая местная высшая школа – Юридический факультет – возникла 1 марта 1920 года.

Таково происхождение и Харбинского Педагогического института. 10 лет тому назад в Харбине было немало лиц, желавших получить высшее педагогическое образование: это образование привлекало не только своей специальностью, но и наличием целого ряда общих дисциплин, из которых дисциплины философского и историко-филологического цикла так часто пользуются большим вниманием молодежи. Поэтому как только в Харбине нашлась небольшая настойчивая и относительно компетентная группа лиц, задавшаяся целью организации в Харбине высшей педагогической школы, так скоро и возник Педагогический институт.

Кто был организаторами Педагогического института и каково было первоначальное Положение, на основании которого было разрешено открытие Педагогического института?

Учредителями и организаторами его являлись следующие лица: проф. С.В. Кузнецов, доц. Н.А. Стрелков, доцент В.Т. Шишин и юрист Д.С. Тихомиров. Первые три лица, особенно проф. С.В. Кузнецов, достаточно были известны как педагоги, администраторы и деятели высшей школы. В частности, Н.А. Стрелков работал при местном Юридическом факультете уже в первый год его существования, был в дальнейшем доцентом и исп. долж. проф. во Владивостокском университете, работал и во Владивостокском педагогическом институте имени Ушинского. Доцент В.Т. Шишин тоже работал в указанном педагогическом институте.

По уполномочию от учредителей с ходатайством об открытии Педагогического института выступал проф. С.В.Кузнецов, представлявший и выработанное учредителями Положение. По предложению Поселкового Управления, в это Положение пришлось внести некоторые изменения, и в таком измененном виде Положение Педагогического института было утверждено 29 августа 1925 года.

§ 1 этого Положения таким образом указывал и формулировал задачи института: «Харбинский Педагогический институт имеет задачей дать школе научно, теоретически и практически образованного педагога на основе широкой самостоятельности по предметам гуманитарным, математическим и естественно-историческим». Последний, 10 параграф в общем виде намечал дисциплины института: «В Педагогическом институте изучаются научные и педагогические дисциплины, соответственные задачам этого педагогического учреждения (педагогического факультета) и имеющихся на нем отделений». Академический курс института устанавливался трехлетний. При институте, в случае надобности, предусматривалась возможность открытия общежития для студентов и вольнослушателей, а также подготовительные классы для обучения лиц китайской национальности русскому языку и педагогическое консультационное бюро. Положение называло ректора института и его помощника, не указывая способа их избрания или назначения. В установлении внутреннего распорядка жизни института, по Положению, особую роль играл Ученый совет института, утверждаю-

щий соответствующую инструкцию. В институт на правах студентов принимались лица, окончившие среднюю школу, а на правах вольнослушателей – и не окончившие средней школы. Плата за слушание лекций устанавливалась в сумме 150 долларов в год.

Таково было то Положение, на основании которого начал работать Харбинский Педагогический институт, в помещении гимназии М.А. Оксаковской на Вокзальном проспекте, при 32 студентах и при довольно многочисленной и солидной группе своих научных работников – проф. С.В. Кузнецове, доц. Н.А. Стрелкове, проф. Н.И. Никифорове, доц. В.Г. Павловском, проф. Н.И. Морозове, проф. И.А. Лопатине, доц. В.Т. Шишине, проф. Ф.Н. Индриксоне, преподавателях И.Г. Баранове, К.А. Дроздове, И.Н. Ежове, В.А. Ковалевском, Г.Ф. Томане, В.В. Фрюауф.

Открытие института произошло 21 сентября 1925 года, когда в помещении института были прочитаны публичные вступительные лекции проф. Н.И. Никифоровым и проф. Н.И. Морозовым. Первый выступил с лекцией «История как наука», а второй – «Химия и современная жизнь». Перед началом лекций ректор института проф. С.В.Кузнецов произнес Слово «О задачах института».

Институт открылся в составе двух отделений: словесно-исторического и физико-математического.

ГЛАВА 2

Главнейшие события жизни института

В жизни Педагогического института мы наблюдаем три главнейших периода. Первый период – со времени возникновения института до 1929 года, до начала советско-китайского конфликта и подчинения института китайской администрации; второй период – с конца 1929 года до осени 1934 года, когда во главе института снова был поставлен русский ректор; третий период продолжался с конца 1934 года до 1 января 1937 года, когда институт прекратил свое существование.

Охарактеризуем кратко каждый из указанных периодов.

Первый период был периодом неуклонного роста и развития института. Институт заканчивает свой организационный период и к концу периода сформировывается в высшее учебное заведение с четырехлетним курсом, причем его научные дисциплины в общем соответствуют дисциплинам прежних русских историко-филологических институтов по циклу педагогических и словесно-исторических наук, а по физико-математическим основным наукам – наших физико-математических факультетов при университетах с добавлением педагогических дисциплин. Организовавшись в высшее учебное заведение с четырехгодичным курсом, разработав соответствующим образом свой научный план, создав при себе показательную гимназию, где студенты последних курсов могли иметь педагогическую практику и могли давать пробные уроки, положив начало своей научной библиотеке, Педагогический институт имел много шансов к тому, чтобы в дальнейшем продолжать свою научную и учебную работу, постепенно повышая ее качество.

Административно-хозяйственная часть института в это время направлялась Правлением института, состоявшим из членов-учредителей, представителей Ученого совета и гимназии. При Правлении была особая ревизионная комиссия. Учебная жизнь института направ-

лялась Ученым советом института, состоявшим из всех лиц академического персонала института. Ученый совет приглашал и новых профессоров, и преподавателей при открытии вакансий. В первые два года в помощь ректору в институте существовала должность помощника ректора. Должность ректора и его помощника были выборные – они были избраны учредителями института. Институт начинал свой новый год организацией публичных вступительных лекций, устраивал торжественные открытые заседания, посвященные выдающимся деятелям, педагогам, писателям (Песталоцци, Пушкину и др.).

В финансовом отношении период был нелегким, но лица академического персонала работали прежде всего идейно, студентов было сравнительно много: в последний год перед наступлением второго периода их численность доходила до 150 и, в общем, институт жил, не испытывая острой материальной нужды. Внешним показателем материального благополучия института служило хотя бы помещение, занимаемое институтом: после перехода из гимназии М.А. Оксаковской институт со своей гимназией занимал большой дом на углу Большого пр. и Ажехейской улицы, а после вынужденного ухода оттуда (дом был сдан в аренду Управлению КВЖД) институт занял помещение на углу Цицикарской улицы и Большого проспекта.

К концу первого своего периода институт, по существу, закончил свое формирование: он удлинил продолжительность своего курса до четырех лет – нормальной продолжительности русских высших педагогических учебных заведений, и организовал при себе гимназию, где студенты института проводили свою педагогическую практику.

Закончивши, можно сказать, вполне благополучно этот первый, организационный период своего существования, Педагогический институт довольно резко изменил свою физиономию с конца 1929 года, когда институт, помимо его желания, подвергся коренной реорганизации. Институт был взят китайской учебной администрацией в свое ведение. Ректором института был назначен китаец, начальник Департамента народного просвещения, в то время – Чжан Гочен. Новое Положение предусматривало должности двух проректоров, из которых один являлся заведующим административной и хозяйственной сторонами жизни института, а другой – академической. Проректором административно-хозяйственной стороны института был назначен китаец, а проректором академической части был назначен прежний ректор института проф. С.В. Кузнецов. При проректоре-китайце была сформирована особая канцелярия с личным составом из четырех человек. Положение предусматривало также особых деканов отделений, подробно регламентировало отдельные проявления жизни института. Оно предоставляло окончившим институт право преподавания в средних учебных заведениях без необходимой в то время регистрации их прав при Департаменте народного просвещения ОРВП. Плата за слушание лекций оставалась прежней – 150 долл.

Таковы были главнейшие особенности нового Положения, которое, вообще говоря, не было полностью проведено в жизнь; в частности, в институте никогда не было деканов отделений.

Со второго периода своего существования институт вступил в полосу всякого рода затруднений. Впрочем, внешнее его положение казалось даже более прочным: он стал получать определенную субсидию от Управления Главного начальствующего ОРВП на оплату помещения и содержание администрации и служащих (академический персонал продолжал по-

лучать содержание из платы за слушание лекций), но, по существу, перемены эти неблагоприятно отразились на институте. Правда, направление научной и учебной жизни института оставалось прежним: Ученый совет сохранял свои прежние функции, порядок приглашения новых лиц академического персонала оставался прежним. Но были некоторые и отрицательные стороны происшедших перемен. Прежде всего самый факт перехода института в ведение китайской администрации отразился на уменьшении поступлений студентов в институт. Кроме того, совпавший по времени советско-китайский конфликт, очень неблагоприятно отразившийся на материальном положении студенчества и повлекший за собой вынужденный уход из института студентов – советских подданных, сразу же отрицательно сказался на материальном положении института, значительно уменьшив основную статью поступлений в кассу института. Та же субсидия, которая давалась институту Департаментом народного просвещения, шла исключительно на оплату помещения и содержание администрации и служащих института, причем одна китайская часть, состоявшая из 5 лиц, поглощала большую половину отпускаемых средств. Если же принять во внимание начавшиеся в Манчжурии события 1931 года, наводнение, развитие хунхузничества и т.д., то станет ясно, насколько неблагоприятны были внешние условия работы института, тем более что в связи с отмеченными явлениями в институте стало замечаться неуклонное падение числа студентов. Резкое ухудшение материального положения института заставило Ученый совет приступить к пересмотру учебного плана института, повлекло за собой сокращение часов по многим дисциплинам, иногда основным, ввело в практику установление совместного слушания той или иной дисциплины студентами нескольких курсов одновременно, бывали случаи чтения лекций студентам всех четырех курсов и т.п.

С этим именно наиболее тяжелым периодом совпал и ряд утрат, который понес институт в составе лиц своего академического персонала – умерло несколько профессоров и преподавателей института: проф. Ф.Н. Индриксон, доцент В.Т. Шишин, преп. В.А. Ковалевский, преп. К.А. Дроздов. Все они работали в институте со дня его основания; В.Т. Шишин был одним из учредителей института и гимназии; все они, за исключением преп. В.А. Ковалевского, были членами Правления института и долгое время, в течение всего первого периода жизни института, направляли его административно-хозяйственную часть, и утрата их тяжело переносилась институтом, тем более что в условиях харбинской жизни не всегда легко было найти им необходимых заместителей.

Последний период жизни института продолжался немного более двух лет (с сентября 1934 года). Этот период по своей продолжительности очень краткий, но он ознаменовался многими и большими событиями в жизни института. Это была последняя попытка института с честью выйти из того тяжелого положения, в котором он очутился. Но в конце концов институт вынужден был приступить к своей ликвидации. По существу, первый академический год (1934-1935) прошел почти без каких-либо резких изменений в жизни института: с восстановлением русского проректора по академической части проф. С.В. Кузнецова в должности ректора института внутренняя и учебная деятельность института стала идти нормальнее, но материальные невзгоды института продолжались, и он с большим трудом продолжал свою научную и учебную работу. Известное потрясение испытал институт летом 1935 года, когда ректор института проф. С.В. Кузнецов, основной организатор института и гимназии

при институте, основной фактический работник института и его руководитель в течение всего времени его существования, по обстоятельствам, не зависящим ни от него, ни от Ученого совета, был вынужден сначала оставить должность ректора и профессора института, а также административную и преподавательскую деятельность в гимназии института. С уходом из института проф. С.В. Кузнецова, с которым институт тепло простился, в институте оставалось только одно лицо, работавшее в нем с первого года его существования – преп. В.В. Фрюауф, но с отъездом его из Харбина, в институте ко времени его ликвидации не осталось ни одного лица, работавшего в нем непрерывно.

В этот последний период жизни института вновь был поставлен вопрос о широкой реформе института, и институт в этом отношении вступил в новую фазу. В основном реформа института на этот раз была проведена при непосредственном участии вновь назначенного ректора института проф. К.И.Зайцева, действовавшего по вопросу об изменении учебного плана института в полном согласии с Ученым советом института. Эта реформа, начавшаяся со второй половины 1935 года, проходила в связи с принципиальным согласием Правительства принять институт на казенное содержание, в связи с чем институт разрабатывал и соответствующие штаты.

Работа по пересмотру учебного плана института была закончена к новому 1935-1936 академическому году.

Каковы основные положения нового учебного плана института?

Учебный план института на этот раз предусматривал в институте три отделения: словесно-историческое, физико-математическое и восточно-педагогическое.

Схема учебного плана словесно-исторического отделения была такова. На первых двух курсах были намечены дисциплины преимущественно общего характера, причем на втором курсе к ним прибавлялись и некоторые специально педагогические – педагогика, история педагогики. Центральными предметами на третьем курсе устанавливались литература и история, преимущественно русские, а на 4 курсе – преимущественное значение отводилось педагогической практике студентов и методическим дисциплинам. Особое внимание на 4 курсе отводилось и таким наукам, которые облегчали бы работу питомцам института не только в школе, но и в семье. Поэтому в учебном плане мы находим такие науки, как основы педологии, методику дошкольного воспитания, домашнюю медицину, гигиену и физическое развитие, педагогическое рисование и методику ручного труда, а также и детского чтения.

Физико-математическое отделение расширялось введением на нем естественного подотдела, так как институт принимал на себя заботу и о подготовке преподавателей естествознания для средней школы. Имелось в виду значительно расширить и углубить занятия по физике в связи с надлежащей постановкой практических занятий по всем отделам физики. Но и студентам физико-математического отделения необходимо было, по плану, прослушать как некоторые общие дисциплины (совместно со студентами словесно-исторического отделения), так и все педагогические дисциплины.

Новым отделением, по плану, являлось восточно-педагогическое отделение, ставившее своей задачей подготовку преподавателей по одному из восточных языков (государственно-

му или ниппонскому²³), а также по востоковедению. Студенты-восточники, как и студенты физико-математического отделения, должны были прослушать и некоторые общие дисциплины, и педагогические.

Разработанным планом предусматривалось введение на словесно-историческом и физико-математическом отделениях изучения государственного или ниппонского языка как обязательного и английского как факультативного. Кроме того, признавалось необходимым значительно развить работу в семинариях. Как некоторое новшество учебного плана института, необходимо указать и на предусмотренную планом организацию публичных лекций, связанных с общим характером и направлением деятельности Педагогического института.

Однако широко задуманной реформе института не суждено было осуществиться, и институт не только не мог работать на созданных им основаниях, но вскоре вынужден был приступить к ликвидации.

Эта последняя реформа имела в виду не только учебный план института, но захватывала жизнь института гораздо шире, и к марту месяцу 1936 года она оформилась таким образом: институт в некоторых отношениях объединен с Юридическим факультетом и в смысле некоторого общего администрирования, и в смысле наличия некоторых общих дисциплин для совместного прослушания их студентами обоих учебных заведений; объединение было установлено и в смысле общей кассы, общего помещения, общей канцелярии. В частности, в связи с этой реформой, Педагогическому институту и Юридическому факультету пришлось оставить занимаемые ими до этого времени помещения и перейти в новое, предоставленное Учебным отделом на вечернее время для нужд этих школ, – в помещение Правительственной гимназии (угол Китайской и Магазиной ул.). Это обстоятельство вызвало необходимость для Педагогического института впервые за все годы его существования оставить Новый Город и перейти на Пристань.

В первый год своего существования после проведения этой реформы институт частично перешел на свой новый учебный план, но в дальнейшем, в связи с решением Учебного отдела ликвидировать Педагогический институт, последнему пришлось прекратить прием студентов, и осенью 1936 года приема уже не было. Кроме того, институт должен был подойти к разрешению вопроса о том, как нужно было организовать занятия в институте в течение этого последнего семестра своего существования (сентябрь – декабрь 1936 г.) особенно для тех студентов, которые перешли на 2 и 3 курсы института.

В результате выяснения этого вопроса Ученый совет института выработал особый план, по которому студенты, прослушавшие этот курс, сдавшие установленные экзамены и прошедшие определенную педагогическую практику, могли выйти из института с правом преподавания в высших начальных училищах и четырех первых классах средней школы.

К этому последнему периоду существования института относится очень интересное начинание, которое он стал осуществлять, и которое было новинкой для Харбина. Институт по инициативе ректора института проф. К.А. Зайцева стал проводить в своих стенах особые «открытые» лекции. И в первый же год организации их в институте было 15 таких «открытых» лекций, доступных для всех. На этих «открытых вторниках» Педагогического институ-

²³ Ниппонский – японский, государственный – китайский. Речь идет о периоде, совпавшем с японской оккупацией Маньчжурии.

та были сделаны доклады и прочитаны лекции о Митрополите Антонии, Л.Н. Толстом, А.С. Хомякове, Владимире Соловьеве, К.Р., как поэте и педагоге, крестьянской реформе, постановке «Ревизора» (первой и одной из последних на сцене Императорского театра), Феофане Затворнике, о Николае Охридском, проф. Д.В. Болдыреве, Чехове, национальном воспитании, китайском Новом годе, Императоре Николае I, Святой земле. Докладчиками и лекторами выступали следующие лица (в порядке сделанных ими докладов, причем этот порядок выдержан и в указании тем этих докладов): Игумен Филарет (2 доклада), проф. К.И. Зайцев (4 доклада), иеромонах Мефодий, О.В. Голубцова (2 доклада), проф. Г.К. Гинс, проф. Н.Е. Эсперов, И.А. Пуцятто (2 доклада), Игумен Нафанаил, Н.П. Автономов, М.И. Никитин, епископ Димитрий. Кроме этих лекций, в этом же году было проведено два больших музыкальных вечера, из которых один был посвящен русской светской музыке, а второй – духовной.

В последний семестр своего существования Педагогический институт продолжал устройство открытых лекций, причем им был придан характер пушкинских: все они были посвящены Пушкину. Докладчиками и лекторами выступали следующие лица: проф. К.И. Зайцев (3 доклада), преп. Г.А. Носков (2 доклада), И.А. Пуцятто, Н.П. Автономов, О.В. Голубцова. Цикл этих лекций и докладов был закончен устройством особого Пушкинского вечера – «Пушкин и музыка».

ГЛАВА 3

Материальное положение института

Материальное неблагополучие института – одно из хронических явлений жизни института, которое могло только отрицательно влиять на работу института. Отсутствие или недостаток средств – постоянное явление в жизни института; оно иногда могло не так остро давать себя чувствовать, но, по существу, институт во все время своего существования определенно нуждался. Особенно тяжелым было положение института во второй его период, несмотря на кажущееся внешнее благополучие института со времени получения субсидии от Департамента народного просвещения. Пожалуй, наиболее благополучным для института было время его существования в первые четыре года. Несмотря на то, что приходилось оплачивать дорогостоящее помещение, институт все же мог более или менее аккуратно выполнять свои обязательства и перед лекторами, и перед домохозяевами – тогда количество студентов было довольно большим. Но и в то относительно благополучное в этом отношении время институту не легко давалось такое благополучие. Прежде всего, в течение первых двух с половиной лет ректор института проф. С.В. Кузнецов отказывался от своего вознаграждения по должности ректора и не получал содержания за чтение лекций, работая в этом отношении совершенно безвозмездно. Иногда отдельные профессора и преподаватели или частично отказывались от своего вознаграждения, или же соглашались подолгу ждать следующего им содержания. Приходили на помощь институту и отдельные благотворители и лица, хорошо расположенные к институту. В частности, со времени основания института до самого последнего времени И.В. Кулаев имел в институте две стипендии своего времени, и институт регулярно получал от И.В. Кулаева не менее 300 иен²⁴ в год. Приблизительно в таком

²⁴ Иены, гоби, рубли, доллары... – ходившие в Харбине денежные единицы.

же размере помогала институту и Е.Н. Литвинова. В свое время Н.А. Касьянов помог институту положить начало его научной библиотеке. Частично помогало иногда Правление КВЖД и некоторые частные лица.

Первоначальную плату – 150 рублей за слушание лекций – впоследствии пришлось значительно снизить, и в последний год она была установлена в 60 гоби. Студентам предоставлялись самые льготные условия вноса платы ежемесячно, но материальное состояние массы студенчества настолько было часто тяжелым, что плата за слушание лекций поступала крайне неаккуратно. А так как содержание академического персонала выплачивалось из поступлений за слушание лекций, то ставки оплаты лекторского труда были довольно низки – от 5 до 8 руб. в месяц за одну недельную лекцию. При этом нужно иметь еще в виду и то обстоятельство, что в каникулярное время (два летних месяца) академический персонал содержания не получал. Даже в последнее время, когда с марта месяца 1936 года содержание института частично было взято на средства Учебного отдела, часть академического персонала получала содержание не по числу имеющихся годовых часов, а от количества фактически прочитанных лекций, причем оплата отдельного часа была установлена в 1,50 гоби. Если же иметь в виду каникулярное время и праздники, то эта плата при переводе ее на годовую оплату значительно, конечно, снизится. Но и при всем этом институт редко выплачивал содержание академическому персоналу, особенно в последнее время, в срок и полностью. Нельзя не отметить и того, что от второго периода институт остался должен своему академическому персоналу приблизительно за 6-8 месяцев.

Насколько скромны были финансовые возможности института, видно из следующих данных, до известной степени характеризующих эту сторону жизни института: в марте месяце 1926 года, первого года существования института, его месячный расход выражался суммой 383,10 долларов, из которых 282 доллара были израсходованы на содержание академического персонала; в 1930 г. при осуществлении полного учебного плана содержание академического персонала (за чтение лекций) возросло до 900 долларов в месяц, а затем, к концу этого периода, упало до 300 долларов; в 1935 г., в предпоследний семестр существования института, расходы на содержание академического персонала еще более понизились.

ГЛАВА 4

Академический персонал института

Сформирование при местной высшей школе академической корпорации, достаточно правомочной и компетентной в той или иной области, – это наиболее трудная, подчас почти непреодолимая задача, стоявшая перед организаторами всякой новой высшей местной школы. Харбин, конечно, беден научными силами, и если они имеются, то только по некоторым областям знания. Общеизвестно, насколько в этом отношении местный Юридический факультет удачно разрешил этот вопрос, и профессорская коллегия факультета обычно стояла на достаточной высоте. Местный Политехнический, так называемый железнодорожный институт, тоже имел в своем распоряжении достаточно квалифицированный преподавательский персонал, причем самый технический характер этого учебного заведения в центре местной железнодорожной жизни облегчал ему, конечно, возможность приискания нужных ему работников определенной специальности. Но значительно труднее обстояло дело с орга-

низацией здесь Высшей медицинской школы, Института ориентальных и коммерческих наук, Педагогического института и Богословского факультета. В частности, при организации Педагогического института необходимо было найти научные силы по философским дисциплинам, по педагогическим наукам, а также и по циклу историко-филологических наук; организацию физико-математического отделения легче можно было провести при наличии в Харбине Политехнического института. Вот почему и в жизни местных высших учебных заведений вообще, и в Педагогическом институте, в частности, наличие соответствующего кадра академических работников в значительной степени предопределяло и физиономию данной высшей школы, и ее признание со стороны общества и молодежи, и служило гарантией достаточно правильной постановки научной и учебной работы. И если иметь в виду трудность подыскания в Харбине необходимых работников, то станет ясно многое в учебных планах местных высших школ и в практическом проведении этих планов: иногда не читаются более важные курсы, так как нет соответствующих профессоров и лекторов; и наоборот: иногда читаются такие дисциплины, которым, может быть, не вполне уместно находиться в учебном плане высшей школы данной специальности.

При трудности найти достаточно квалифицированных научных работников для своей школы, в положении вновь возникающих в Харбине высших школ, было так естественно попытаться заручиться согласием работать в новой школе таких научных местных сил, которые своим вхождением в состав новой академической корпорации и придавали бы ей известную авторитетность и в то же время обеспечивали бы новой высшей школе надлежащий характер преподавания. Поэтому и в жизни Педагогического института мы замечаем стремление – привлечь к работе в институте ряд профессоров Юридического факультета, которые в этом отношении были чрезвычайно дельными работниками института, и последний за время своего существования пользовался услугами проф. Н.И. Никифорова (наиболее активный работник института из профессуры Юридического факультета), проф. М.Н. Ершова, проф. Н.Е. Эсперова, проф. Г.К. Гинса, проф. В.В. Энгельфельда. Педагогический институт стремился получить согласие работать профессоров Политехнического института, и долголетний работник института первых его лет проф. Ф.Н. Индриксон был приглашен в институт в бытность его проф. Политехнического института. Совершенно понятно, конечно, что институт очень дорожил и такими своими работниками, кто до начала работы в Педагогическом институте работал в высших учебных заведениях. Поэтому он всячески стремился привлечь к работе доц. Н.А. Стрелкова, доц. В.Т. Шишина, проф. И.А. Лопатина, доц. В.Г. Павловского, доц. А.И. Редлиха. но скомплектовать свою корпорацию только из таких лиц невозможно было в Харбине, и среди рядовых деятелей института мы замечаем немало работников местной средней школы, известных или своей многолетней работой в средней школе, или к тому же и научно работающих в своей области.

Кто работал в Педагогическом институте и принимал участие в его академической жизни? Дадим перечень лиц академического персонала в алфавитном порядке с указанием прочитанных дисциплин каждым из работников института.

1. Преп. Н.П. Автономов. История русского и европейского просвещения. История педагогических учений и школы. Дидактика. Педагогика. Введение в языкознание.
2. Преп. В.М. Анастасьев. История искусств.

3. Доц. И.Г. Баранов. Краеведение. *(Знающий)*²⁵.
4. Преп. А.В. Барташев. Неорганическая химия.
5. Преп. Н.В. Борзов. Общая и экспериментальная психология. История русской педагогики. Русская история. *(Отличные – о Барташеве и Борзове)*.
6. Преп. М.М. Бутин. Латинский язык. *(Знающий)*.
7. Преп. Ван Цзин-лин. Китайский язык.
8. Преп. Н.А. Вьюнов. Педагогическое рисование и методика ручного труда. *(Труженик)*.
9. Преп. В.В. Гаккель. Английский язык.
10. Преп. А.И. Галич. Ниппонский язык.
11. Проф. Г.К. Гинс. История права. Психология. *(Знающий)*.
12. Преп. К.А. Дроздов. Искусство художественной речи.
13. Преп. И.Н. Ежов. Педагогическое рисование и методика ручного труда. *(Замечательный)*.
14. Проф. М.Н. Ершов. История философии. Введение в философию. Логика и общая методология наук. История педагогических учений. Общая педагогика.
15. Преп. Н.С. Задорожный. Педагогическое рисование и методика ручного труда. *(Знающий)*.
16. Проф. К.И. Зайцев. Начала экономики и права. Основы этики.
17. Преп. В.Н. Иванов. Введение в философию. История философии. Логика и методология наук.
18. Проф. Ф.Н. Индриксон. Физика. Высшая математика. Методика алгебры. методика физики. *(Уважаемый)*.
19. Преп. Б.Н. Карпов. Физика. Астрономия. Высшая математика.
20. Преп. Н.Г. Коблянский. Практические занятия по физике.
21. Преп. С.В. Кедров. История русской педагогики.
22. Преп. В.А. Ковалевский. Высшая математика. *(Труженик)*.
23. П.Ф. Коропачинский. Внешкольное образование.
24. Проф. С.В. Кузнецов. Общее языкознание. Славянская грамматика. древнеславянский язык. Грамматика русского языка. История русского языка. Теория и психология художественного творчества. История новейшей русской литературы. Разбор учебников и руководств по русскому языку. Общая дидактика и современные направления в дидактике. Методика русского языка. *(Уважаемый и любимый)*.
25. Проф. И.А. Лопатин. История русского искусства.
26. Преп. И. Маруяма. Ниппонский язык. *(Деликатный)*.
27. Проф. Н.И. Морозов. Неорганическая химия.
28. Преп. Ф.К. Мухачев. Высшая математика. *(Теплый)*.
29. Преп. А.М. Мыслин. Неорганическая химия.
30. Проф. Н.И. Никифоров. Всеобщая история. История хозяйственного быта. История экономических учений. Методология и философия истории. *(Уважаемый)*.

²⁵ В скобках курсивом приведены характеристики преподавателей, оставленные Т.И. Золотаревой на полях «Сборника». Немногие нейтральные и отрицательные характеристики (типа «обычный», «японский слуга» и др.) нами опущены по этическим соображениям.

31. Преп. Г.А. Носков. Русская народная словесность. Русская литература. История польской литературы. *(Знающий)*.
32. Преп. А.С. Орлов. Выразительное чтение. *(Прекрасно)*.
33. Доц. Н.Ф. Орлов. Педология.
34. Преп. П.И. Опарин. Физика. Астрономия.
35. Доц. В.Г. Павловский (архимандрит Василий). Общая педагогика. История педагогики. История китайской педагогики. Теория и психология художественного творчества. Русская литература. Методика русского языка. *(Занимательный)*.
36. И.А. Пуцятю. Русская литература. Всеобщая литература. Введение в философию. История древнего мира. Основы новой философии. *(Замечательный, оригинал)*.
37. Доц. А.И. Редлих. Физика. Методика физики. *(Знающий)*.
38. Преп. И.К. Романович-Иодловский. Южно-славянские наречия. История русской педагогики. *(Критик)*.
39. Преп. А.Я. Слободчиков. Основы кооперации.
40. Преп. И.И. Сморгачевский. Высшая математика.
41. Доц. Н.А. Стрелков. Общая педагогика. Общая и экспериментальная психология. Педология. Педагогическая психология. Дошкольное воспитание. Социология. *(Знающий)*.
42. Преп. А.П. Тзянь. Русская грамматика. История русского языка. Семинарий по русской литературе. Педагогическая практика.
43. Преп. И.А. Тимбо. Латинский язык. Славянская литература. Русская диалектология.
44. Преп. Г.Ф. Томан. Новейшие течения в преподавании математики. Методика арифметики. *(Прекрасный математик)*.
45. Преп. Н.Г. Третчиков. Краеведение.
46. Преп. Л.Г. Ульяницкий. Востоковедение. Маньчжуроведение. Историко-географический обзор стран Дальнего Востока. Специальный курс ниппоноведения. *(Певец Азии, замечательный)*.
47. Преп. У Цзо-пин. Китайский язык.
48. Доц. П.К. Файницкий. Гигиена общая и школьная. Гигиена умственного и школьного труда.
49. Преп. В.В. Фрюауф. Высшая математика. Методика арифметики. Методика алгебры. Методика геометрии. *(Большие знания)*.
50. Доц. Х. Хэйг. Экспериментальная психология.
51. Преп. В.В. Шамраев. Теоретическая арифметика. Методика физики.
52. Преп. В.Н. Шаренберг. Введение в изучение китайского языка и литературы.
53. Доц. В.Т. Шишин. История античного мира. История Востока. История всеобщей культуры. История русской культуры. Методика истории. *(Уважаемый, любимый)*.
54. Преп. Г.И. Щербаков. Методика геометрии.
55. Проф. Н.Е. Эсперов. Основное учение о государстве. История государственного строя в России. Государственное устройство Китая, СССР и Маньчжу Ди-Го. Русская история. Методика истории.

56. Проф. В.В. Энгельфельд. Русская история. Государственное устройство Китая и СССР. *(Знающий)*.

Указанная корпорация, как видно, очень велика, и, конечно, не все перечисленные лица в институте работали одинаково активно и были ему полезны. Справедливость требует, конечно, отметить, насколько институт был многим обязан основному учредителю института и его долголетнему ректору проф. С.В. Кузнецову, на своих плечах выносившему и внешнюю организацию института, и организацию его научной и учебной жизни, и преодолевавшему многочисленные материальные и иные невзгоды института; в первые годы жизни института большое значение имели проф. Ф.Н. Индриксон, доц. Н.А. Стрелков, доц. В.Г. Павловский, доц. В.Т. Шишин, преп. В.А. Ковалевский; оказали большую услугу институту, поддержав его своим участием в его работе, проф. местного Юридического факультета – проф. Н.И. Никифоров, проф. М.Н. Ершов, проф. Н.Е. Эсперов, проф. Г.К. Гинс, проф. В.В. Энгельфельд; свою долю участия в работу института внесли и отдельные лица, и представители работников средней местной школы, из которых по продолжительности работы в институте и масштабу ее нельзя не назвать преп. В.В. Фрюауф, Г.А. Носкова, И.А. Пуцятю, Л.Г. Ульяницкого, В.Н. Иванова, Б.Н. Карпова, доц. А.И. Редлиха, Ф.К. Мухачева, П.И. Опарина и некоторых других; большую организационную работу при новых условиях жизни института и в обстановке очень кратковременного своего возглавления института проявил ректор института проф. К.И. Зайцев; нельзя не вспомнить добрым словом и долголетнего секретаря института Л.М. Васильева, почти 10 лет проработавшего в канцелярии института; в период последней реорганизации института немало пришлось поработать и А.А. Ливенцову, сменившему Л.М. Васильева в канцелярии института.

Каков был личный состав института ко времени его ликвидации? Он состоял из следующих лиц: ректора института проф. К.И. Зайцева, советника И. Маруяма, инспектора студентов С.Ф. Кичина, проф. Н.И. Никифорова, проф. Н.Е. Эсперова, Ф.К. Мухачева, Г.А. Носкова, П.И. Опарина, И.А. Пуцятю, А.П. Тзянь, Л.Г. Ульяницкого и Н.П. Автономова; секретарем канцелярии состоял А.А. Ливенцов, драгоманом – Ле Зайпу, машинисткой – В.Д. Васильева.

ГЛАВА 5

Студенчество

По своему составу, по образованию, по возрасту, по численности студенчество института за все время его существования было очень разнородным. В этом отношении Педагогический институт являл обычную для высшей школы пореволюционную картину. При открытии института в институт поступило много такой молодежи, которая в России не успела окончить высшей школы, или же была выбита событиями русской революции надолго из обычной своей жизни, перенесла годы беженства и эмиграции, побывала отчасти на войне. Вследствие указанных обстоятельств возрастной состав первых студентов института был значительно выше последующих, когда пополнение института стало производиться за счет прежде всего молодежи, окончившей местные средние учебные заведения. У первой категории часто между годами обучения в средней школе и временем поступления в институт был и большой перерыв, и своеобразная жизнь, может быть, богатая уже жизненным опытом.

Среди лиц, поступавших в первое время в институт, было немало и таких, кто не только был иногда знаком с педагогическими дисциплинами, но и учительствовал в России до революции. Это, несомненно, накладывало свой отпечаток на состав студенчества первых приемов, и нередко указанный студенческий состав представлял собой более благодарную аудиторию сравнительно со студенчеством последних лет.

В институте всегда было больше студенток сравнительно со студентами, что вполне, конечно, понятно: женщина – природная воспитательница, и естественно ее стремление к педагогическим дисциплинам и к педагогической деятельности.

Как общее явление, студенчество института было материально не обеспечено, и потому ему всегда приходилось немало бороться для преодоления материальных затруднений, которые выпадали так часто и на все студенчество института, и на его отдельных членов. Вот почему студенческому старостату так часто приходилось изыскивать всякие меры к преодолению постоянных его материальных невзгод. Отсюда – устройство вечеров, издание газеты «К свету», – ко всем этим средствам нередко обращалось студенчество института. При малой обеспеченности студенчества института, ему приходилось много времени отдавать на добывание средств существования, что не могло отрицательным, прежде всего, образом влиять на продуктивность его работы в институте. Малая обеспеченность была одной из самых основных причин, почему многие из студентов института вынуждены были покинуть институт. И материальная необеспеченность студенчества из года в год все возрастала, что неблагоприятным образом отражалось и на количестве студентов института. И если первый год в институт поступило 38 студентов, а на второй год институт уже насчитывал до 80 студентов, если в дальнейшем, до 1929 года, мы замечаем неуклонный рост числа студентов, то уже с конца указанного года количество это значительно уменьшается в связи с запрещением принимать в институт советских студентов. Это обстоятельство, а также и продолжающееся объединение русской эмиграции сыграло свою роль – количество студентов уменьшается, и ко времени ликвидации института, в связи с прекращением приема в институт, число студентов сократилось до 22 – именно при этом числе институт закончил свое существование.

ГЛАВА 6

Студенческая педагогическая практика.

Государственные экзамены

Готовя своих питомцев к педагогической деятельности, институт обращал очень серьезное внимание как на теоретическую, так и на практическую педагогическую подготовку своих студентов. Вот почему он разработал очень большое число видов проявления студенческой педагогической практики и отводил большое место в своем учебном плане педагогическим дисциплинам. И, может быть, будет правильнее сказать, что и место, занимаемое педагогическими дисциплинами в учебном плане института, и многочисленные виды педагогической практики говорят не только о больших, но и повышенных требованиях его в этом отношении. Недаром в свое время на заседаниях Академического Совета неоднократно приходилось слышать заявления некоторой его части, что институт дает вполне достаточные педагогические сведения и снабжает своих питомцев нужными навыками того, как нужно преподавать, но не всегда выпускает их во всеоружии необходимых фактических знаний.

Познакомимся с разнообразными видами педагогической практики, которые должны были провести студенты, чтобы иметь право быть допущенными к государственным экзаменам и получить в дальнейшем диплом об окончании института. И если указываемые виды педагогической практики не все полностью проводились отдельными студентами, то и самый перечень этих видов педагогической практики достаточно показателен, насколько в этом отношении институт придавал большое значение этой стороне своей деятельности. Вот эти виды педагогической практики.

1. Воспитательские обязанности в гимназии института.
2. Организация школьного дела в разных школах г. Харбина.
3. Методическая запись прослушанных уроков.
4. Дневник педагогических наблюдений.
5. Педагогическая характеристика с экспериментальным исследованием личности учащегося.
6. Круговая тетрадь.
7. Месячное плановое распределение учебного материала.
8. Исполнение показательных таблиц (графики, диаграммы, графические планы, картограммы и т.п.).
9. Сравнительно-критический обзор учебников и руководств, изучение отделов программ, рецензий книг методического характера.
10. Руководство учебными кружками и домашним чтением, организация внеклассных занятий-развлечений.
11. Классные упражнения по расписанию и без него: занятия с классом по заданиям преподающих, выразительное чтение, рассказывание, исправление письменных работ, занятия с отстающими и т.п.
12. Дача пробных уроков с представлением подробных конспектов их, а также комиссионный разбор их (студенты должны были дать по четыре урока по своей специальности).

К государственным экзаменам допускались прослушавшие полный курс института, сдавшие установленные зачеты и исполнившие педагогическую практику. Правда, если иногда институтом и допускались некоторые отступления от указанных требований, то они были единичны.

По каким дисциплинам должны были держать экзамены подвергавшиеся государственным испытаниям? Эти дисциплины делились на две группы – общие и специальные. Первоначально было установлено 4 общих дисциплины, по которым должны были подвергаться испытаниям все студенты, независимо от их специальности: общая педагогика, педагогическая психология, новая и новейшая философия и общая дидактика с новейшими течениями в ней. В дальнейшем экзамен по истории философии был снят с государственных экзаменов, и осталось три указанных дисциплины. Кроме этих трех дисциплин, студенты, в зависимости от своей специальности, подвергались еще трем экзаменам. На словесно-историческом – по русской литературе XIX в., по русскому языку (русской грамматике и истории языка) и истории – русской и всеобщей (с XIX в.). На физико-математическом отделении были установлены следующие три экзамена: по математике (дифференциальное и интегральное исчисление, интегрирование дифференциального исчисления), аналитическая геометрия в пространстве и физика – электричество, магнетизм, механика.

До настоящего времени институтом было проведено 5 сессий Государственных экзаменов. Первая сессия состоялась весной 1929 года, вторая – весной 1930 года, третья – весной 1931 года, четвертая – весной 1933 года и пятая – весной 1934 года.

Подвергшиеся государственным экзаменам должны были сдать все дисциплины непрерывно, в одну сессию; не выдержавшие испытаний по двум предметам должны были прерывать свои испытания и снова держать их в следующую сессию.

Экзаменационная комиссия состояла из Председателя – ректора института проф. С.В.Кузнецова и двух членов: проф. Н.И.Никифорова и проф. Ф.Н.Индриксона, а после его смерти – преп. В.В.Фрюауф. Кроме указанных членов комиссии, участие в ней принимал еще экзаменатор или ассистент.

До настоящего времени окончило институт, выдержав Государственные испытания, 48 студентов и студенток: 35 по словесно-историческому отделению и 13 – по физико-математическому.

По словесно-историческому отделению окончили следующие лица:

1. З.М. Агеева с дипломом 2 степени в 1934 г.
2. В.С. Апанасевич, 2 ст. 1929 г.
3. М.З. Артаномов, 2 ст. 1933 г.
4. Т.Е. Баратова, 2 ст. 1934 г.
5. Т.В. Воскресенская, 1 ст. 1929 г.
6. Л.М. Добржанская, 2 ст. 1930 г.
7. А.Г. Дудукалов, 1 ст. 1933 г.
8. В.К. Иванов, 1 ст. 1930 г.
9. Е.В. Извольская, 1 ст. 1934 г.
10. В.А. Ильина, 1 ст. 1934 г.
11. А.Н. Калугин, 2 ст. 1930 г.
12. Е.В. Казаринова, 2 ст. 1930 г.
13. И.М. Киприанов, 2 ст. 1933 г.
14. Т.А. Киреева, 2 ст. 1933 г.
15. С.А. Клиник, 2 ст. 1934 г.
16. Е.Ф. Козлова-Яковлева, 1 ст. 1934 г.
17. М.Ф. Кривохижина, 2 ст. 1934 г.
18. К.Т. Лазарева-Поцерица, 2 ст. 1933 г.
19. А.А. Лазовская, 2 ст. 1933 г.
20. В.Е. Маркелова, 2 ст. 1934 г.
21. Ю.А. Мариаш, 2 ст. 1934 г.
22. П.А. Матросов, 1 ст. 1933 г.
23. М.И. Мехед, 2 ст. 1933 г.
24. Н.В. Минкевич, 1 ст. 1934 г.
25. К.И. Небылицына, 2 ст. 1929 г.
26. З.Д. Нефедьева, 1 ст. 1934 г.
27. Е.И. Пазникова, 2 ст. 1934 г.
28. А.Н. Попкова, 1 ст. 1931 г.

29. К.В. Попова, 1 ст. 1934 г.
30. Т.Д. Пляченко, 1 ст. 1934 г.
31. З.В. Смирнова, 2 ст. 1934 г.
32. А.Г. Ткаченко, 1 ст. 1933 г.
33. Е.А. Турбина, 2 ст. 1933 г.
34. А.М. Штейнберг, 2 ст. 1933 г.
35. Е.К. Щербак, 2 ст. 1931 г.

По физико-математическому отделению окончили 13 человек:

1. П.И. Арнгольд, 2 ст. 1930 г.
2. К.В. Бенедесюк, 2 ст. 1934 г.
3. А.Ф. Белокрылова, 1 ст. 1929 г.
4. Н.А. Гребенщиков, 1 ст. 1931 г.
5. Х.И. Дзюба, 2 ст. 1933 г.
6. М.Я. Карло, 2 ст. 1933 г.
7. С.П. Кокарев, 2 ст. 1934 г.
8. А.Т. Лузин, 1 ст. 1930 г.
9. О.М. Макарова, 1 ст. 1929 г.
10. М.Н. Парыгина, 2 ст. 1934 г.
11. З.П. Никишина, 1 ст. 1931 г.
12. А.А. Подобедова, 1 ст. 1933 г.
13. К.М. Топоркова, 2 ст. 1930 г.

(6+12 «бунтовщиков» не держали экзамена и ушли из института (1936), когда уволился ректор Кузнецов и получили справки)²⁶.

От окончивших курс института требовалось представление и кандидатского сочинения по своей специальности.

ГЛАВА 7

Роль института в жизни Дальневосточной эмиграции и школы

Что дал институт русской эмиграции и школе?

1. Он выпустил несколько десятков педагогов, снабженных достаточными общепедагогическими и специальными знаниями, с пользой работающих в местных школах.
2. Он дал возможность не одной сотне молодых людей приобщиться к высшему образованию по циклу философско-гуманитарных и физико-математических знаний.
3. Институт был проводником национального воспитания и всячески пропагандировал ее.
4. Он был проводником новейших педагогических учений.
5. Своими торжественными заседаниями, посвященными выдающимся педагогам или выдающимся лицам родной и мировой истории и культуры, институт будил общественную мысль и привлекал внимание общества к тем или иным явлениям, событиям, лицам.

²⁶ В скобках курсивом – заметка Т.И. Золотаревой о студентах, покинувших институт в знак протеста против ухода со своего поста ректора С.В. Кузнецова по воле японских властей.

6. Он организовал Педагогическое общество и устроил ряд собраний, посвященных рассмотрению различных педагогических вопросов, открыл свою «педагогическую гимназию».

7. Он выступал с целым рядом интересных и жизненных проектов, из которых, к сожалению, многие не осуществились (организация естественно-географического отделения, восточно-педагогического, организация особых методических курсов для городских учителей, открытие при институте курсов для китайских молодых людей, пропаганда необходимости восьмилетней средней школы и т.п.).

8. В свое время он взял на себя инициативу и проявил большую настойчивость в надлежащем праздновании на Дальнем Востоке «Дня русской культуры».

9. В последние полтора года своего существования он проявил новую жизнедеятельность и по организации цикла открытых лекции и по созданию новых планов своей научно-учебной работы.

*Печатается по: Сборник Государственного
Педагогического Института (1925-1927).
Харбин, 1937*

Т.И. Золотарева

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

В жизни российской эмиграции значительную роль сыграл Педагогический институт. Его основание было откликом на желание молодежи получить высшее образование.

Уже с 1910 года в Харбине остро ощущалось отсутствие высшей школы, и молодежь, окончившая гимназии, вынуждена была ехать в европейскую Россию за получением высшего образования.

В то время основным препятствием для организации высшей школы, во-первых, было отсутствие научных сил, во-вторых, не было библиотек, лабораторий и учебных пособий, без которых работа высших школ была невозможна.

Но в 20-х годах, как только в Харбине появились научные работники: известные профессора, администраторы, деятели высшей школы – среди них возникла мысль организовать высшую школу.

Учредителями и организаторами Педагогического института явились профессор С.В. Кузнецов, доцент Н.А. Стрелков, приват-доцент В.Т. Шишин, юрист Д.С. Тихомиров.

От учредителей – профессор С.В. Кузнецов – был уполномочен ходатайствовать о разрешении открытия Педагогического института перед начальником Департамента народного просвещения Чжан-Го-Ченом.

Институт открыли в сентябре 1926 года. Ректором и заведующим административной частью был китаец, а ректором академической части был профессор С.В. Кузнецов. Институт получил субсидию от Департамента народного просвещения.

Действительными студентами принимались лица, имевшие полное среднее образование, а не имевшие его – вольнослушателями.

Институт открылся в составе двух факультетов: словесно-исторического и физико-математического.

Академический полный курс являлся четырехгодичным, а академический курс института – трехгодичным. Плата за слушание лекций назначалась в сумме сто пятьдесят рублей в год.

В продолжение трех лет студентами изучались специальные дисциплины на словесно-историческом факультете: педагогическая психология, дидактика, история русской педагогики, русская грамматика в связи с общим языкознанием, синтаксис, общее языкознание, история русского языка, теория и психология художественного творчества, история русской культуры, история хозяйственного быта, всеобщая история, русская история, методология, методика грамматики, методика письменных работ, методика русского языка, методика литературы, методика истории.

На физико-математическом факультете – методика арифметики, методика алгебры, методика физики, история арифметики, история математики, химия, высшая алгебра, дифференциальное исчисление, интегральное исчисление, теория вероятностей, физика, электронная теория, неорганическая химия.

Педагогический институт ставил себе цель подготовить школе образованных педагогов по гуманитарным предметам, математике, истории, естествознанию, чтобы полученные ими знания облегчали работу по образованию и воспитанию молодого поколения и детей.

На четвертом году обучения в институте студенты осуществляли практическую работу. В студенческую практику включалось: составление докладов и рефератов на специально заданные темы; проведение определенного числа пробных уроков, работа в классе с учащимися, наблюдение за ними, составление их характеристик и обязательное проведение с классом спектакля, чтобы проявить себя как администратора.

Таким образом студенты применяли полученные знания на практике. Для этого им предоставлялась возможность проводить свои занятия в гимназии Педагогического института под непосредственным наблюдением профессоров и лекторов. Студенты порой заменяли больных преподавателей.

Студенты были хорошо подготовлены к преподаванию и вооружены новейшими методами преподавания. В программу института входило знакомство и проведение в жизнь новейших направлений в педагогике.

После китайско-советского конфликта в 1929 году произошла в институте перемена. Полным ректором хозяйственной, административной и академической части стал профессор С.В. Кузнецов. Студенты советского подданства должны были покинуть институт и больше не принимались. Число студентов сократилось.

Получаемой стипендии от Департамента народного просвещения хватало только на оплату за помещение и жалование служащим. Таким образом, труд профессоров и лекторов оплачивался взносами студентов, а так как часть студентов была малообеспеченной, то плата вносилась с задержками, и институт постоянно имел финансовые затруднения.

Некоторые частные лица старались помогать институту. От Кулаева И.В. каждый год институт получал триста иен, столько же давала Литвинова, частично платило Правление КВЖД.

При Институте находилась собственная библиотека, для основания которой вначале средства предоставил Н.А. Касьянов. Библиотека была научная, ценная и необходимая для студентов. Она состояла из пособий по изучаемым дисциплинам на обоих факультетах. Стараниями профессора Кузнецова С.В. и нескольких лекторов она пополнялась.

В самом начале существования института студентов было много, и число профессоров и лекторов, принимающих участие в академической жизни института, насчитывалось пятьдесят пять. Все они отличались богатым знанием своих предметов и добросовестным отношением к своим обязанностям.

Из них особенным умением интересно и красиво излагать материал, создать между собой и студентами теплый дружеский контакт обладали профессор С.В. Кузнецов, профессор Н.И. Никифоров, профессор Г.К. Гинс, приват-доцент В.Т. Шишин, особенно любимый студентами, лектор Н.П. Дроздов, лектор В.Н. Пуцятю, лектор В.И. Иванов (редактор газеты «Гун Бао», автор нескольких романов).

Что же касается студентов, то они по развитию, по воспитанию были различны. Преобладали студентки. Было небольшое число вольнослушателей, и они держались обособленно.

Студенты и студентки общались между собой не только в стенах института, но и вне его. В свободное время они устраивали прогулки, пикники, дружеские встречи, вечеринки. В студенческой комнате во время перерывов между лекциями происходил обмен мнениями, впечатлениями о чем-либо или о ком-либо, велись миролюбивые беседы, споры. Порой (и частенько) эта комната оглашалась пением студенческих песен. Вольнослушатели сторонились и в этом участия не принимали, большей частью они были значительно старше студентов.

Так как часть студентов была малообеспеченной и нуждалась, то в помощь им при институте был создан Студенческий комитет. На его долю выпало изыскивать средства для уплаты за неимущих студентов, за слушание ими лекций. С этой целью комитет устраивал вечера, концерты, давал балы и раз в году издавал газету «К свету». Был основан драматический кружок под руководством талантливого артиста-педагога К.А. Дроздова, прославившегося своими художественными постановками. Был создан студенческий хоровой кружок под руководством известного композитора-регента И.П. Райского. Оба эти кружка оказывали большую помощь комитету. В стенах института проходили дружеские открытые собрания и вечера, на которых студенты выступали с докладами. Эти вечера сопровождались чашкой чая. Особое значение институт придавал празднованию Дня русской культуры.

До 1931 года институт подчинялся китайской администрации, а с 1932 года, когда возникло государство Маньчжу-го, китайская администрация сменилась японской, старые порядки были отменены и начались реформы. Институт уцелел, но только его материальное положение значительно ухудшилось. Профессор С.В. Кузнецов, выносивший на своих плечах организацию института, его научной и учебной жизни, всячески старавшийся справиться с разного рода трудностями и особенно с критикой и вмешательством в его работу власть имущих, в начале 1936 года вынужден был оставить свой пост, на котором самоотверженно трудился в течение десяти лет. На его место был назначен профессор К.И. Зайцев.

Студенты были возмущены таким несправедливым отношением к профессору С.В. Кузнецову и в знак протеста часть студентов, сдавших все зачеты и практические работы, ушла из института до сессии государственного экзамена. Их называли «бунтовщиками» и

вследствие этого они остались «вечными студентами». К этой категории отношусь и я, пишущая эти строки, что, однако, не помешало мне заниматься по специальности.

С приходом профессора К.И. Зайцева институт вступил в новую фазу. Учебный план института был значительно изменен.

Теперь в институте стало три отделения: словесно-историческое, физико-математическое и восточно-педагогическое. Полный курс охватывал четыре семестра (четыре года).

В течение двух семестров студенты всех отделений, помимо изучения своих дисциплин, должны были прослушать общие дисциплины, включая педагогику и историю педагогики. На третьем курсе словесно-исторического главным образом изучали литературу и историю.

На восточно-педагогическом отделении студенты должны были изучать один восточный язык (государственный или японский) и изучать востоковедение. На четвертом курсе студенты проходили практику по следующим дисциплинам: гигиене, домашней медицине, методике дошкольного воспитания, методике ручного труда.

Институт устраивал открытые лекции на разные темы. Этот период института является ликвидационным: Институт прекратил свое существование к 1937 году.

Институт сыграл большую роль в жизни русской эмиграции и школы. Он выпустил несколько десятков педагогов, снабженных общепедагогическими и специальными знаниями, которые с пользой работали в местных школах. Не одна сотня молодых людей приобщилась к высшему знанию, философско-гуманитарному и физико-математическому. Институт был проводником национального воспитания и всячески пропагандировал его.

Своими торжественными заседаниями, посвященными выдающимся деятелям родной и мировой истории и культуры, институт привлекал внимание общества к тем или иным событиям и лицам.

Им было организовано Педагогическое общество, в котором рассматривались различные педагогические вопросы. Впоследствии это общество открыло свою Педагогическую гимназию. В свое время Общество взяло на себя инициативу в организации празднования Дня русской культуры.

За все время существования института немало перемен произошло в его жизни. Институт понес ряд утрат в составе своего академического персонала, умерло несколько выдающихся преподавателей: профессор Ф.И. Индриксон, приват-доцент В.Т. Шишин, лектор В.А. Ковалевский, лектор К.А. Дроздов. Они работали в институте со дня его основания. Все они являлись членами Правления института, направляли его административную и хозяйственную часть в помощь С.В. Кузнецову.

И мы, бывшие студенты, с уважением вспоминаем их и теплую дружескую атмосферу нашей студенческой среды.

Особенно с приятным чувством вспоминаем нашего ректора С.В. Кузнецова, сумевшего создать теплый контакт со студентами.

Печатается по: Татьяна Золотарева.

Маньчжурские были.

Сидней: Харбинское и Маньчжурское

Историческое общество (Австралия), 2000.

БЛАГОВЕЩЕНСК – ХАРБИН – БЛАГОВЕЩЕНСК

История распорядилась так, что российский город Благовещенск и находящийся в Китае Харбин на протяжении всего XX в. были тесно связаны невидимыми узами. Безусловно, тому в немалой степени способствовала их географическая близость – всего 600 разделяющих их километров да река Амур.

Примечательно, что пароход, отправившийся из Хабаровска по Амуру к Сунгари в мае 1898 г. с первыми строителями Китайско-восточной железной дороги, назывался «Благовещенск».

В русских газетах Харбина постоянно отдельной рубрикой появлялась информация о событиях в Благовещенске как ближайшей к Китаю и Харбину территории.

Из Благовещенска в Китай и Харбин, в частности, бежали после революции тысячи людей, которых на родине ждала расправа за несогласие с новой властью или несоответствие ей. Некоторые из их потомков были найдены амурской журналисткой Юлией Климычевой в конце 90-х годов, когда русский Харбин перестал наконец быть запретной темой, а Юлия Борисовна стала мостиком между разбросанными по всему миру харбинцами – благовещенцами по происхождению.

Именно Благовещенск теснее других российских городов был связан с последними русскими стариками Харбина благодаря материалам о них амурских журналистов А. Ярошенко, а также С. Логвинова, И. Горевского и некоторых других, благодаря сотрудникам амурских туристических агентств, в частности Н. Лазько, навещавшей стариков во время своих поездок в Харбин, а также благодаря организованной журналистами в рамках ежегодного кинофестиваля «Амурская осень» акции, позволяющей оказывать помощь в сохранении русского кладбища в Харбине.

Эти и другие факты можно считать основанием для помещения в этом, харбинском выпуске альманаха раздела, название которого отражает путь на чужбину и обратно: «Благовещенск – Харбин – Благовещенск». Этот раздел включает разные материалы, включенные в раздел: размышления современной благовещенки Надежды Яковлевой, ищущей свои корни в Харбине; опубликованные в 1938 г. в одной из газет Харбина воспоминания о Благовещенске журналистки Марии Шапиро²⁷, родившейся в Благовещенске, а также воспоминания Т. Н. Федоровой о детстве, проведенном в Приамурье, и русской жизни в Харбине и, наконец, сказки для амурских детей, написанные в далекой Австралии Татьяной Золотаревой, бывшей благовещенкой.

²⁷ Шапиро Мария Лазаревна (1900-1971) – журналист, юрист.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Художник

Благовещенск-на-Амуре до советского переворота... Быт густой, нетронутый, как золотистый ароматный мед или как добрая домашняя крепкая наливка.

Крепок семейный быт в купеческих и золотопромышленных семьях, особенно в старообрядческих и молоканских. Растут и цветут в них пышные, белолицые, степенные девушки, радуя родительский взор. Отвлеченными вопросами не интересуются, и даже гимназическое образование скользит по ним почти без следа – так нетронута эта вековая целина. Но вот наступает весна: и даже в сердцах этих флегматических девушек вспыхивают какие-то весенние зовы. Хочется пойти в городской сад и прогуляться там со знакомым молодым человеком, хотя бы даже в компании подруги, но – зорек родительский глаз. На такой случай тоже существует обычай: никогда так часто, как весной, не забирает у дочки суровый родитель всех башмаков без исключения и не запирает их в шкаф, ключ от которого хранится у него. А куда побежит на свидание девушка босая? Впрочем, бывало, что бегали, – до ближайшей подруги. Если туфли той подходили по мерке, – трагическая проблема разрешалась благополучно, и родительская бдительность была усыплена.

Быт густой и нетронутый... Задали у нас однажды в пятом классе сочинение на тему «О пользе кинематографа». Самая блестящая отметка – единица с точкой – была у одной великовозрастной семнадцатилетней могучей девицы. Каюсь – дело прошлое – упростила я подруг выкрасть у автора это сочинение и показать мне. Уж очень было любопытно, как можно было получить за сочинение единицу. Подруги мою просьбу исполнили, и я имела возможность прочесть этот опус.

Сочинение, удостоенное единицы с точкой, все целиком состояло из следующей фразы: «Кинематографы обыкновенно называются иллюзионами».

В этой фразе из четырех слов было семь ошибок...

Быт купеческий, быт Островского, только на сибирский лад, темнота непроходимая. Когда в 1913 г. довели до Благовещенска ветку Амурской железной дороги, дамы ездили на вокзал щупать вагоны – никогда не видали. Одна статная, красивая молодая женщина, жена сына одного из местных миллионеров-пароходовладельцев и золотопромышленников, категорически отказалась съездить с мужем в Петербург: «Как же я на этой машине поеду?». И ездила она только туда, куда могли довести ее пароходы свекра: до Николаевска-на-Амуре, а то каталась и на почтовых до Сретенска.

А одна моя одноклассница, старообрядка, та даже на пароход сесть боялась, а уж о поезде и говорить нечего. Она так и не съездила погостить к женатому брату в Алексеевск – городок в трех часах езды по железной дороге от Благовещенска.

Жили люди поколениями в одной и той же обстановке, в одном и том же кругу. Внешним миром интересовались только отдельные лица, а масса так и жила в своих амурских делянках. Многие из старшего поколения были неграмотны, но с успехом ворочали миллионными предприятиями – приисками, пароходствами, мукомольными мельницами. От мужчин не

отставали и женщины. По утрам часто можно было наблюдать чисто благовещенскую картину: выезжали со двора на американках, в которые были впряжены хорошие рысаки, пожилые женщины, одетые в дорогие шубы, в платках на голове, и правили конем сами. Это купчихи, часто молоканки, ездили по делам – осматривать свои предприятия, а то и в банк или по другим коммерческим делам.

Фамилию подписать не умеет, а баба-жох. Такую не проведешь – сама проведет кого угодно.

Амурский быт даже вдохновил одного журналиста на имевшие, как говорят французы, «успех скандала» два романа: «Амурские волки» и «Фальшивые сторублевки», где под прикрытием лишь слегка измененных фамилий рассказывалась амурская летопись истинных фактов. Племянница одного из героев «Фальшивых сторублевок» училась в моем классе, и я однажды была у нее в доме, – богатом, купеческом, но где женщины: мать, тетки, приживалки – ходили в платочках и ситцевых юбках с кофтами навывпуск. А эта моя одноклассница вышла замуж из пятого класса и сама вязала себе бесконечное количество кружев на приданое, в том числе на черное платье. Описывая подругам, как красиво будет выделяться кожа декольте из-под черных кружев, она протянула смачно: «А у меня тело бе-елое». Звук этой фразы у меня до сих пор в памяти.

В то время быт этот и темнота даже гимназисток из купеческого и золотопромышленного круга часто раздражали и злили. Очень уж мы требовательны на ранней заре нашей жизни, и мало в нас в ту пору бывает юмора – все воспринимается слишком серьезно. Но теперь, как оглянешься назад, можешь с доброжелательной усмешкой вспоминать то время – все-таки это было твое, российское, неповторимое...

Из курьезов особенно запомнился один – рассказ дамы-молоканки в знакомом доме за чаем. Дама эта, полная и добродушная, лет сорока пяти, была не совсем уж простая, по крайней мере, по образу жизни и манере одеваться. Разговор шел о современной свободе, предоставляемой молодежи.

– Да, у нас этого ничего не было, – сказала она. – Знаете, как я вышла замуж за моего Ванечку?

Было мне лет семнадцать, зовет меня как-то папенька в кабинет, а там сидит незнакомый старик-купец и с ним молодой человек. Папенька спрашивает: «Марья, замуж хочешь?». – «Да, папенька». – «Вот это – твой жених». – «Хорошо, папенька». – «Свадьба в среду». – «Хорошо, папенька».

И вот живем мы с моим Ванечкой вот уже скоро тридцать лет, и дай Бог вам, молодым, так прожить душа в душу. И без всяких этих ваших своеволий и капризов. Родители – они-то лучше выберут. Так-то.

Рассказ этот передан дословно – запомнился на всю жизнь...

Зимой Благовещенск спал, никто почти не приезжал в этот конечный пункт ветки Амурской железной дороги. Но весной начиналось большое оживление. Вся набережная Амура и далекий Затон на Зее кишели рабочими, ремонтировались и красились пароходы. Наконец с треском и грохотом начинался могучий ледоход, не так, как здесь, на тихой Сунгари. Лдины громоздились друг на друга, раздавалась настоящая артиллерийская пальба – такой был грохот. Но вот Амур освобождался от своих ледяных пут, и тогда вверх и вниз от-

правлялись пароходы. Некоторые, особенно из низовых, отличались своим комфортом: таковы были «Сормово», «Канавино», «Иван Опарин», «Люкс» и некоторые другие. Вверх ходили, главным образом, быстроходные, но менее роскошные почтовые пароходы «Амурского Общества Пароходства и Торговли»: «Адмирал Чихачев», «Граф Муравьев-Амурский», «Барон Корф» и др.

Каким огромным удовольствием для амурцев были поездки на этих комфортабельных пароходах волжского типа. Иные ездили взад-вперед все лето, вместо дачи. Проезд, даже в первом классе, был так дешев. Виды по обе стороны парохода, особенно в низовьях Амура, по дороге от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре, так великолепны.

Запомнились один петербургский инженер с женой, впервые попавший на Амур. Они целыми днями не сходили с палубы, им даже завтрак, обед и ужин специально подавали на палубу: не могли оторваться от мощной, несколько угрюмой красоты на сотни верст безлюдных берегов. «Даже на Волге ничего нет подобного», – говаривали они.

Иногда на песчаной косе попадались хищники, промывавшие золото примитивными лукошками и другими приспособлениями. Говорили, что в удачные дни, когда спадала вода, они намывали до нескольких золотников золота в день, а золотник стоил пять рублей.

Но вот пароход подходит к станице. Все почти население встречает его на берегу. Ах, и хорошо жили казаки, прямо помещиками! Пассажиры, особенно если должна была быть погрузка дров (пароходы на Амуре отапливались не углем, а дровами, зачастую даже из драгоценного бархатного дерева, такая там пропасть лесов), высыпали на берег посмотреть новое место, промять ноги, закупить что-либо из многочисленных яств, выносившихся казачками к пароходу – чего только тут не было по самой дешевой цене, – а то и просто набрать цветов.

Известно, как запоминаются запахи. Помню остановку у какой-то станции после только что прошедшего весеннего дождичка и чудесный, неповторимый запах сырой земли и диких фиалок.

А как ночью хорошо спится на пароходе под равномерный стук машины. Проснешься на одной из редких остановок, а там опять спишь, убаюканная ритмичным шумом, а в широко открытое окно каюты врывается чудесный аромат водного простора, тайги и полей.

Курьезные люди с уголовного дна появлялись порой на амурских просторах. Одного знаменитого амурского разбойника я однажды уже описала в рассказе «Синеглазый бес».

Калибром поменьше, но все же весьма колоритной фигурой был один золотопромышленник из хищников, которого все за глаза фамильярно называли «Павлушкой». Пользовался он уголовной репутацией. О нем ходили слухи, что, будучи одно время приисковым рабочим, он убил и ограбил своего хозяина, и говорили, что это не единственное его «дело». Правда ли это или нет, но во всяком случае он как-то необъяснимо в один прекрасный день разбогател и стал одним из крупных золотопромышленников на Зее. Уезжал он время от времени и в Петербург, проник там какими-то путями в высший свет, где он понравился: этакий таежный медведь. Был даже представлен Государю и однажды вернулся из Петербурга с женой, урожденной баронессой.

Это обстоятельство окончательно вскружило ему голову. Он заказал себе визитные карточки на французском языке, где стояло: «Paul... (свою простонародную фамилию на «ин» он произносил в нос, по-французски), муж баронессы такой-то».

После этого иначе, как «муж баронессы», его никто не называл.

Революционная волна выбрасывала ненадолго на поверхность амурской жизни и рыбку покрупнее. Однажды в конце семнадцатого года один приезжий художник-немец поручил моему ныне покойному отцу, присяжному поверенному, вести для него гражданское дело в суде. Дело было выиграно, а по его окончании нам стало известно, что художник этот – человек с очень большим талантом. Кто-то видал его портреты, о них в городе заговорили. Мой отец обратился к своему недавнему клиенту с заказом написать портрет одного из членов нашей семьи. Художник обещал зайти, поговорить. Но вот прошло несколько недель, художник не приходил, и вдруг стало известно, что он исчез из города. Но уже в конце его пребывания начали говорить о его прошлом. А оно было настолько связано со старой скандальной хроникой Благовещенска, что город ахнул.

Выше я уже упоминала об одной моей товарке по классу, которая была племянницей прославившегося в прошлом члена шайки фальшивомонетчиков, видного амурского купца. Вся эта эпопея подробно и (как говорили старожилы) весьма точно описана в романе «Фальшивые сторублевки» писателя А. Седого (псевдоним), тоже весьма колоритной фигуры, настоящая фамилия которого в течение одного времени была по некоторым причинам известна всей России.

Вкратце дело состояло в том, что этот художник, действительно незаурядных способностей, в начале 900-х собрал группу субсидировавших его купцов и нескольких авантюристов и организовал в Швейцарии большую фабрику удивительно художественно и точно подделываемых российских сторублевых кредитных билетов, которые специальными лицами в течение многих месяцев ввозились в Россию в чемоданах с двойным дном. «Предприятие» росло и ширилось, все члены его обогащались, так как подделку раскрыть было совершенно невозможно. Подозрение начало возникать только тогда, когда стали совпадать номера билетов и серий, но обнаружить фальшивомонетчиков сперва долго не удавалось.

Кажется, шайка была обнаружена лишь благодаря доносу. Не помню о судьбе художника – отбыл ли он уголовное наказание, или ему удалось отсидеться за границей, но во всяком случае во время революции, т.е. спустя лет пятнадцать после краха своего «предприятия», он, по-видимому, счел безопасным для себя под вымышленным именем посетить город, столь тесно связанный с его прошлой деятельностью и деятельностью некоторых его бывших товарищей.

Так вот кем оказался наш прославленный художник... Уехал же он, наверно, так внезапно, потому что опять организовал какой-нибудь business, – время было как нельзя более подходящим для людей его типа, обративших свой талант, который мог дать почет, славу, богатство, на служение злу, что, наверно, давало и меньше материальной обеспеченности, и уж во всяком случае больше неприятностей. Странно иногда бывает устроен человек...

На Амуре, как это обычно бывает в «золотых краях», на поверхность человеческого моря изредка поднимается пена. Но все же куда меньше ее поднималось здесь, чем некогда на Аляске, в Калифорнии или в Австралии. Все в себя впитал, все как-то сглаживал крепкий, немного смешной, но всепобеждающий быт. Быт, торжествующий над войнами и революциями и уж, конечно, и над уголовщиной.

Он один непобедим, ибо он – жизнь.

*Впервые опубликовано:
Луч Азии. № 44 (апрель). 1938*

На заимке

Она называлась «заимкой Биршарта», хотя прежний хозяин ее, немец Биршарт, давно уже продал ее в другие руки. Да и заимкой в точном смысле слова она уже не была: на ней жил управляющий нового хозяина, а все хозяйственные постройки, кроме чрезвычайно живописной старинной водяной мельницы, стоявшей на месте впадения в синюю Зею бурного и чистого большого ручья, протекавшего через всю заимку, – были превращены в дачи. Там летом живало по несколько семей из города, а во время революции, но еще до появления большевиков на Амуре, проводила дачный сезон и наша семья.

Местность, где расположилась заимка, была чрезвычайно живописная и называлась Белогорьем от меловых гор, поросших зеленью. Белогорье славилось обилием горных родников с кристальной и вкуснейшей ключевой водой. Один из этих ключей давал начало большому ручью, приводя в действие водяную мельницу, куда окрестные крестьяне «казаки привозили молотье хлеб». Кругом мельницы, нависая над ней, шумела амурская тайга, у подножья бурлил ручей, а впереди простирались голубые просторы красавицы-Зеи. Немало художников-любителей приезжало из города писать эту мельницу.

Но и все Белогорье с его белыми горами, девственным лесом, оврагами и ключами, широкой Зеей представляло собой исключительно красивую местность, резко отличаясь от скудной природы, окружающей Благовещенск.

Интересно было, стоя на берегу, наблюдать и за почтовыми пароходами, идущими вверх по Зее из Благовещенска в глухой и дальний, но богатый золотопромышленный городок Зея-Пристань, центр Зейского и Селемджинского золотопромышленных районов. Пароходы шли туда несколько дней.

На Зее-Пристани были мужская и женская прогимназии, там можно было получить врачебную помощь, там жили представители власти, наконец, приходили из Благовещенска пароходы, одним словом, это были первые врата в широкий мир. Некоторые мои одноклассники, родом из Зеи, с восторгом рассказывали о своем городке.

В то лето на заимке было много молодежи. По утрам и вечерам ходили купаться на Зею, где было два пляжа: мужской и женский, разделенные друг от друга мысом. Купались по условию в разные часы, так как по российской провинциальной привычке обходились без костюмов. Идти к «пляжу», т.е., проще говоря, к прибрежной широкой полосе чистейшего золотистого песка, нужно было с полверсты через лес. Купались зачастую по вечерам, и тут однажды мы, группа подростков, пустились на такую шалость, скорее похожую на хулиганство, которая врезалась в память на всю жизнь.

Нужно сказать, что пароходы возле заимки не имели остановки, но если кому-нибудь нужно было сесть, то с берега, с одного определенного места в лесу, давали на пароход сигнал: днем махали полотенцем, а ночью раскладывали костер и махали горячей головешкой. Тогда пароход отвечал гудком, останавливался на фарватере, от него отходила на берег лодка и забирала пассажиров. На заимку пассажиры с парохода тоже привозились на лодке, т.к. настоящая остановка парохода была за три версты возле ближайшей деревни.

Однажды, часов в десять вечера, купалась нас целая группа девочек. Старшей из нас, единственной взрослой, была молоденькая гувернантка из знакомой семьи, но едва ли не она оказалась зачинщицей всего «предприятия». Ночной воздух вдруг прорезал хорошо знако-

мый стук паровых колес. «Почтовый пароход! Давайте остановим его. А затем убежим в лес».

Сказано – сделано. В одну минуту разложен костер, накинуты халатики, и группа «пассажиры» отчаянно сигнализируют с берега проходящему почтовому пароходу (за опоздание которого без особой причины капитан штрафуется). Пароход дает ответный гудок, слышен звук бросаемого якоря и плеск опускаемой лодки.

Костер быстро потух. «Сирены», столь ловко заманившие в опасное место мореплавателей, бегут врассыпную в лес и, притаившись за деревьями, слушают, как расшарившиеся матросы, налетевшие со своей лодки на корневища деревьев, а затем кое-как выбравшиеся на берег и не нашедшие никого, отводят душу в «морских» выражениях, причем не менее энергично вторит им с борта капитан, которому предстоит платить штраф за напрасную потерю времени.

Возле нашей заимки жили богатые казаки Селины, знаменитые на всю округу контрабандисты. Туда часто приезжали целые кавалькады, привозившие с китайской стороны банки и бидоны с контрабандным спиртом, а также табак и другие товары. Во главе контрабандистов стоял таинственный человек, известный всем лишь под псевдонимом «Вятский Старик», в котором, по-видимому, не напрасно подозревали одного из «питомцев» Керенского, т.е. выпущенного революцией матерого каторжанина.

Однажды наш отец приехал на дачу, забыв в городе папиросы. Что это за лишение, понятно всякому курильщику. Мы с сестрой обсудили создавшийся кризис и вместо того, чтобы пойти за папиросами к знакомым, решили добыть их у «Вятского Старика».

В таком возрасте «люди» действуют решительно: прямо с купанья мы отправились на заимку Селиных. На крыльце сидит, стругая какие-то палочки, пожилой человек с длинной рыжеватой бородой, в коричневой ситцевой рубашке в крапинку и нахлобученной на глаза потертой шапке, – явно не казачьего облика.

– Мы хотели бы видеть «Вятского Старика»...

– Я «Вятский Старик», а вам что надо?

– Наш отец забыл в городе папиросы, и мы надеялись достать у вас контрабандные.

«Вятский Старик» окинул нас совершенно непередаваемым взглядом: в нем были и звериная тревога, и злая настороженность, и какая-то никогда нами не испытанная пронзительность. Так, вероятно, теперь смотрят в Советской России люди на нового человека, взвешивая и оценивая: враг или нет? Предатель или нет?

Мы стояли перед ним, несколько растерянные от этого взгляда.

– А ваш отец случайно не прокурор? – произнес наконец «Вятский Старик».

Его опасения нам стали сразу понятны. Мы обе расхохотались, и напряженная атмосфера сразу разрядилась.

– Нет, как раз наоборот, наш отец присяжный поверенный, защитник.

Тут «Вятский Старик» преобразился. Он заулыбался, весело закивал нам головой и немедленно перешел к делу.

– Да видите ли, барышни, я сегодня действительно должен получить целый воз контрабандного табака из Сахалина²⁸, но это – махорка, ваш батюшка, наверно, курить ее не будет.

Мы с сожалением согласились и, простившись, ушли.

Не так далеко от заимки, в горах, лежало чистое и красивое озеро, окаймленное густым лесом. Везде проходили овраги, и по краю одного из них пролежала дорога в ближайшие казачьи станицы, становившаяся опасной после нескольких дождливых дней. Однажды мы целой компанией устроили возле одного из этих оврагов ночной пикник, и пока все сидели вокруг костра, где Р., преподаватель духовной семинарии (впоследствии расстрелянный большевиками) декламировал нравившейся ему даме свои действительно хорошие стихи про прекрасную звезду Вегу и ее неразлучного спутника Арктура, я отправилась собирать новый запас хвороста для потухавшего костра и свалилась в неглубокий овраг. Обладая чисто мальчишеским самолюбием, которое в таких случаях не позволяет звать на помощь, я, в конце концов немного исцарапанная, выбралась своими силами. К счастью, овраг был хотя и крутой, но сравнительно неглубокий и сухой.

В эти овраги всегда кто-нибудь падал, но обычно это сходило благополучно, хотя однажды едва не произошла трагедия. Рано утром прибежали к нам на заимку казачата с криками, что автомобиль с чиновниками из города свалился в овраг. Рабочие с нашей заимки и соседи, казаки Селины, захватив коней и веревку, кинулись на место происшествия. Побежали туда и дачники.

Нашим глазам представилось невиданное зрелище. Автомобиль, в котором ехали чиновники, кажется, Переселенческого Управления, действительно скатился в овраг, но Бог спас пассажиров. Шофер, как оказалось, успел выскочить в ту минуту, когда автомобиль на вираже завертелся и покатился вниз, в обрыв. По дороге машина налетела на большое и крепкое дерево, на котором и застряла в нескольких саженях ниже уровня дороги. Автомобиль торчал на этом дереве, причем радиатор был поднят вверх почти под прямым углом, а в машине сидели, боясь пошевелиться, белые, как полотно, слегка ушибленные, но в общем невредимые пассажиры.

Предстояла трудная задача. Как извлечь их из автомобиля, когда малейшее движение одного могло сразу нарушить случайное равновесие застрявшего на дереве автомобиля и послужить гибелью всех остальных?

Казаки все же нашлись. К тому времени, когда мы прибежали на место катастрофы, по стенке оврага уже ползали казаки с веревками в руках. Веревки с большой осторожностью привязали накрепко одними концами к автомобилю, а противоположные прикрепили к упряжи десятка или более коней, стоявших наверху на дороге. Бледных пассажиров тоже привязали к сидениям. Всеми силами помогал и шофер, чувствовавший, по-видимому, ответственность за своих пассажиров. Когда все было готово, на коней гикнули, снизу в овраге десятки здоровенных казачьих рук наддали, сдвигая автомобиль с дерева, и в несколько минут добрые кони вытащили автомобиль с перепуганными, почти не могущими говорить пас-

²⁸ Сахалин – старое название китайского населенного пункта Хэйхэ, расположенного на противоположном от Благовещенска берегу Амура.

сажирами на дорогу. Так чиновники вышли, упряжь укоротили, и те же кони повезли искорверканный автомобиль в станицу.

Так прошло лето, последнее лето, проведенное в России, последнее воспоминание о детстве, об отрочестве. Кто мог тогда думать, что в конце октября Россию постигнет самая ужасная катастрофа из известных современному человечеству, а в конце февраля, убегая с родной земли, залитой кровавым потоком, нам придется, переходя через замерзший Амур вместе с другими беженцами из агонизирующего в последнем бою Благовещенска, прятаться за льдины от беспощадного обстрела потерявших разум своих же русских солдат и превратиться в эмигрантов пока что на двадцать лет.

Много бурь пронеслось над нашими головами, но все так же течет голубая Зея, все так же шумит амурская тайга, белеют меловые горы и, кто знает, быть может, все так же стоит и мельница. Наиболее хрупкими из произведений природы являются ведь только жизни, и особенно – жизни человеческие.

*Впервые опубликовано:
Луч Азии. № 46 (июнь). 1938*

Тамара Федорова

БЛАГОВЕЩЕНСК – ДЕТСТВО. ХАРБИН – ВСЯ ЖИЗНЬ...

Неоконченные воспоминания

Мой отец – уроженец Санкт-Петербурга, из потомственной дворянской семьи. Его отец Яков Корнельевич Селигеев был военным. Вышел в отставку в чине майора. Принимал участие в войне с Турцией 1854-56 гг.

Остался в памяти такой эпизод из рассказов отца: когда среди русского войска началась эпидемия черной оспы, то заболевших оставляли, как приговоренных к смерти, и старались скорее уйти от заразы. Когда же заболел денщик моего деда, то он не захотел его бросить. Вырыли яму, куда и положили денщика, а дед стал ухаживать за ним. Трудно было. Все сторонились ужасной болезни, и денщик вскоре умер. А у деда сожгли все, что при нем: одежду и даже все документы. Долго продержали в карантине, и он вернулся в свою воинскую часть. Все были уверены, что он заразится, и встретили его, как вернувшегося с того света.

Мать моя родилась и жила в г. Вологде. Ее отец был землемером-таксатором. Не будучи доктором, он очень много читал медицинской литературы и старался оказывать помощь заболевшим крестьянам. Крестьяне его так любили, что называли Христом, и когда его приятель на охоте застрелил его, то вся деревня плакала и кричала: «Христа убили!». Как и почему это случилось, не помню. Знаю только, что бабушка осталась с девятью детьми без всяких средств к существованию. Когда маме было восемь лет, она уже обучала грамоте за 3 руб. в месяц.

Окончив гимназию, моя мама очень хотела учиться дальше. В то время женщине учиться в высшем учебном заведении было очень трудно, а у мамы и не было денег на это.

При царском дворце был ящик для просьб и жалоб. Мама написала свою просьбу и опустила в этот ящик. И вот в один прекрасный день подъехала карета, и ей сообщили, что ее определили бесплатно учиться на высших женских трехгодичных коммерческих курсах. По окончании этих курсов ей предложили место бухгалтера в г. Благовещенске, в Управлении путей сообщения Амурского бассейна. Трудна была дорога. Зимой 300 верст на лошадях. Здесь она и встретилась с моим отцом Селигеевым Николаем Яковлевичем.

Отец мой в 1894 г. окончил Военно-инженерную Академию по 1-ому разряду и в чине капитана был назначен старшим инженером на изыскания Амурской железной дороги, а по окончании этих работ был зачислен Начальником Технического отдела в Управлении путей сообщения Амурского бассейна. В 1901 г. уволился из военного ведомства в чине подполковника с мундиром и продолжал службу по гражданскому ведомству в качестве помощника начальника этого Управления, а потом и начальника. Закончил службу в 1917 г. в чине действительного статского советника. Был кавалером всех орденов (Св. Станислава, Анны и Владимира). Оклад содержания был 14.400 руб. в год, т.е. 1.200 в месяц. Такой большой оклад давал нам возможность жить очень хорошо.

У нас был собственный полуторазтажный дом. Прекрасный сад с искусственной горкой и беседкой, откуда открывался вид на реку Амур.

В нашем, вернее, в папином распоряжении был пароход «Амур». Очень красивый и уютный, двухколесный. Иногда папа при поездках по Амуру и его притокам брал нас с собой. По берегам было много красивых цветов. Однажды мы увидели поляну, всю белую, как бы покрытую снегом. Оказалось, это были ландыши. Мне очень нравилось с папой входить на пароход. Матросы выстраивались по двум сторонам и, когда папа говорил: «Здорово, молодцы!», они отвечали: «Здравия желаем, Ваше Высокоблагородие!».

Зимой нас так кутали, что когда гувернантка выводила нас гулять, уличные мальчишки кричали: «Вон Селигеевские пугала идут!». У нас были меховые шапки с такими длинными ушами, что ими обертывали головы два раза, так что видны были только глаза.

Может быть, чрезмерное кутанье было причиной болезни моей старшей сестры. Когда она поступила в гимназию, ей сделали шубку на лебяжьем пуху и возили в гимназию на своих лошадях, кутая до половины меховым одеялом. И вот она заболела суставным ревматизмом в очень тяжелой форме, который и привел к пороку сердца и смерти в двадцать один год.

Наш дом второй от улицы Набережной (по бывшей Ремесленной 4). Он построен из бревен для тепла. В одной половине семь жилых комнат, буфетная, коридор, ванная и уборная, а в другой половине – кухня, кладовая, комната для прислуги и кухарки и комната для кучера и для них теплая уборная.

Еще у нас была гувернантка-немка и одно время француженка, но от нее пришлось отказаться, так как они с немкой не могли ужиться.

Была пара лошадей, корова (чтобы дети пили свое молоко), куры (чтобы всегда были свежие яйца).

Старшая сестра Нина родилась в 1904 г. Я – в 1907, Зоя – в 1909 и Алла – в 1911 г. Со скольких лет я себя помню, затрудняюсь сказать. Только хорошо помню, как мы с Зоей стоя-

ли в столовой, подошел папа и сказал: «Поздравляю вас, у вас родилась сестричка». Это была Алла. Значит, мне было четыре года.

Я с Ниной спала в детской, а младшие сестры в спальне с папой и мамой. Каждое утро, когда мы с Ниной просыпались, она говорила: «Сегодня я видела во сне...» и начинала фантазировать, как мы будем играть согласно ее сну.

У нас у каждой было по шкафу с игрушками и по коляске с куклами. Куклы были большие, красиво разодетые, закрывали и открывали глаза, пищали. Но все эти куклы игрушки оставались у нас без внимания. Мы шли в сад и во двор и искали красивые камушки, которые у нас были куклами. Камушки были довольно большие (сантиметров 10-15). Я хорошо помню свой камушек. Он был наполовину желтый, а наполовину черный, заостренный кверху, и имя у него было Эмма. А у Нины был серый с розовой жилкой во всю длину, и имя у него было Соня. Они были нашими куклами. Мы их возили (не в колясках) в одноколесных детских тачках и закрывали листьями вместо одеял. А красивые куклы в красивых колясках оставались дома, и я даже не помню, как их звали.

Лето мы жили в деревне Белогорье, где снимали домик, а потом в трех верстах от этой деревни построили на горке свою дачу. Летом вся горка покрывалась земляникой, а внизу был ручей с хрустальной водой. Он впадал в Зею. Вода в Зее была такая чистая, что можно было стрелять больших рыб из револьвера. Кругом дальневосточная тайга. Наше любимое занятие было собирать грибы, а потом и ягоды.

Следующий случай заставил меня много пережить и даже имел влияние на формирование моего характера. Однажды, когда мы играли в прятки, я спряталась под мамин туалетный столик, на котором стояло небольшое зеркало. Влезая под столик, я так сильно толкнула его, что зеркало упало и треснуло. Я его подняла и поставила на прежнее место. Утром мама обнаружила трещину и стала спрашивать, кто разбил зеркало. И вот я до сих пор не понимаю, почему я не созналась, хотя и знала, что мне ничего за это не будет. Гувернантка взялась узнать, кто разбил зеркало, и сказала, что она всем даст по палочке и у кого палочка почернеет, тот, значит, и разбил зеркало. И вдруг Зоя говорит: «А если я не возьму палочку»? Гувернантка обрадовалась и заявила, что Зоя разбила зеркало и сказала маме: «Видите, как я сумела выяснить, кто разбил зеркало». После этого все стали стыдить Зою за то, что она не созналась. А Зоя молчала. Мне было очень стыдно, но я все равно не сознавалась. Почему? Не знаю. Я очень страдала. Считала себя преступницей, великой грешницей. Плакала по ночам. Обещала Богу всегда говорить только правду. Прошло время. Все, кроме меня, забыли этот случай. И вот я однажды решила спросить Зою, почему она молчала, когда ее ложно обвинили, ведь зеркало разбила я. Но Зоя опять молчала. Потом я несколько раз задавала ей этот вопрос, но она молчала. С тех пор я не переносу лжи.

В будущем, когда у мамы возникал вопрос, кто же из детей говорит правду, она говорила: «Надо спросить у Тамары. Она скажет правду».

А одной из отличительных черт Зоино характера стало упрямство.

Наступил 1916 г. Подошло время мне поступать в гимназию. Тут мне очень не повезло. Во-первых, мне выбрали учительницу, которая должна была подготовить меня, очень неудачно. Она так научила меня грамоте, что я уже на вступительном экзамене сделала три ошибки в своей фамилии. Во-вторых, стали менять орфографию на новую. Отменялась буква

«ять» и «твердый знак», изменялись окончания прилагательных и т.п. При этом в гимназии разрешалось писать кто по какой орфографии хочет. У меня в голове была такая неразбериха!

И вообще русская орфография оказалась моим врагом на всю жизнь.

Только я поступила в гимназию, как в городе началась политическая борьба. Рабочие стали проводить митинги и собрания. Руководил этими собраниями при Управлении путей сообщения старый большевик Бердников, или Берднев (не помню!), который очень ценил нашего отца за его честность и справедливость. И вот после одного очень бурного собрания он пришел к нам и сказал отцу, что сейчас такое время, когда все настроены против каких бы то ни было начальников и лучше всего ему сейчас же уйти на китайскую сторону. Завтра будет уже поздно. И семья не должна ночевать дома.

А на следующий день на улицах началась перестрелка. Шальной пулей был убит наш знакомый. У нас на крыше поставили пулемет и стреляли в кого попало. А еще через несколько дней позвонил по телефону знакомый и сказал, что в городе начинается резня. Надо немедленно уходить на китайскую сторону. Причем проход по мосту, как говорили, через «рогатку», закрыт, а с берега стреляют во всех переходящих на ту сторону. И вот мы, в шубах, ботах, кое-как передвигая ноги, побежали по льду. Я и старшая сестра бежали самостоятельно, а двух младших мама тащила за руки. Ведь им было пять и шесть лет. С берега в нас стреляли, и пули пробивали лед вокруг нас. Мы плохо понимали опасность, но мама, как кто-нибудь из нас падал, думала, что убили. А падали мы часто, так как было очень скользко. Все-таки добежали благополучно, только потеряли по дороге боты.

На Китайской стороне для беженцев (не знаю, кем) были приготовлены бараки, в которых для каждой семьи отводили место на нарах. Причем это место ничем не отгораживалось. Бараки были переполнены, и мы с трудом нашли место. Здесь были все семьи вместе, как рабочих, так и интеллигенции. Все прибежали, чтобы переждать беспорядки. Мы тоже думали вернуться через несколько дней. Но вышло все по-другому. На следующий день прибежала наша горничная со слезами и стала говорить маме: «Хорошо, что вас не было. Приходили, искали вас – хотели убить».

Папа был уже в Харбине, и мама решила как можно скорее ехать к нему. Железной дороги до Цицикара не было, и мы ехали на двухколесных арбах в сильный мороз. Нашелся один русский попутчик, который помогал закутывать нас в одеяла и, как кукол, переносил на арбы. Дорога была такая плохая и так трясло, что мы чуть не вываливались.

Ехали до Цицикара дней десять, а может быть, и больше. В Цицикаре мы впервые поели горячей пищи. Это были пельмени. Это также было первым китайским блюдом, которое мы попробовали.

В Харбине папа уже снял для нас комнату и заказал двухъярусные деревянные кровати, на которых мы и разместились по два человека. И началась наша эмигрантская жизнь трудностей и всяких испытаний.

Отец снял комнату у некой Раевской Н.Н., муж которой не вернулся с войны 1914-1916 гг. Она жила в большой казенной квартире с двумя сыновьями, из которых старший страдал эпилепсией.

Эта комната стоила нам сто даянов (в это время валютой был хадаян) в месяц. Недолго пришлось нам прожить в ней, так как она нам оказалась не по карману. И Раевская предложила нам перебраться в две крошечные комнатки, так называемых «для прислуги». Там мы с трудом разместились.

У Раевской была бывшая крепостная горбатая прислуга Ариша. Помню, когда я в первый раз услышала, как эта Ариша, желая купить абрикосы, позвала продавца, крикнув: «Ходзя лай!» (ходзя – это мелочной торговец), а когда он подошел, спросила: «До чэн?» (сколько стоит) и купила абрикосы. Я так была поражена, что побежала к маме и закричала: «Мама, если бы ты слышала, как Ариша говорит по-китайски, прямо как китаец!».

В это время Харбин был русским городом. В районах пристани Нового города и Мацзягоу жили, можно сказать, исключительно русские, а китайцы жили в районе Фу цзя дянь (теперь Даовай), что значит «владения семьи Фу». Также и Мацзягоу – владение семьи Ма. Русские стали селиться ближе к Новому городу. У них были свои маленькие как бы поместья. И этот район даже в шутку называли «Царским селом». Китайцев в Фуцзядяне было всего триста тысяч.

Русское население все разрасталось, и квартирный голод породил новый микрорайон. Вначале этот район назывался Нахаловкой от того, что люди селились без разрешения, строились самовольно на болотистой местности. Потом этот район стал называться Сунгарийским городком. Были еще микрорайоны Ченхэ, Линейный поселок, Московские казармы. В этих районах занимались главным образом молочным хозяйством.

Пригородами же Нового города были Корпусный городок и Саманный (по типу построек). Было около двадцати церквей, из которых по утрам и вечерам разносился благовест, призывая народ к обедне и вечерне.

С рассветом выходили продавцы овощей, оглашая улицы призывами к покупателям. Каждый на свой лад выкрикивал названия товара. Например, «огурца-ца», «по-ми-до-ра», «кара-туш-ка». Все на русском языке. Они шли по русским районам и снабжали товаром русских. С китайцев много не заработаешь. У них и цены были разные для русских и для своих китайцев. Если покупатель-китаец говорил, что цена дорогая, то продавец заверял его словами: «Разве я могу обманывать своего человека», но зато «хулу Лао маоцза» (обман Лао маоцзы) не считался предосудительным. Русских китайцы стали называть Лао маоцзы потому, что они говорят: у русских такие тонкие волосы, что они больше похожи на шерсть, т.е. мао. А прибавляя Лао – почтенный, они употребляют вежливую форму.

После огородников на улицах появлялись продавцы различных материй, тканей. Они несли за спиной тюк, завернутый в материал, а в руках был аршин. У таких торговцев можно было купить любой материал в кредит и в рассрочку. Они выкрикивали: «То-ва-ра!». По утрам же желающим разносили хлебные изделия. Потом медленно выступали скупщики старья. Они несли на коромысле две большие корзины, куда запихивали купленное борохло. Они кричали: «Стара – вещи по-ку-пай!». За ними надо было смотреть хорошенько. Недаром мальчишки, передразнивая их, кричали: «Стара вещи покупай, нова с вешалки снимай!».

Рано утром открывались лавочки. В первую очередь мясные. Лавочек много – конкуренция большая. Одна лавочка вывесит объявление «Мясо 20 к.». Другая на следующее утро вывешивает «Мясо 18 к.». Все на русском языке. В то время китайцы покупали мясо по 200-

300 грамм, а русские только для супа 1-2 кг. Китайцы очень быстро освоили русский язык. Не зная грамматики, они строили свою речь так, что русские не только научились их понимать, но приучились и отвечать им так, что они понимали. Например, «завтра утро моя ходи рано». Русских мужчин они стали называть «капитан», а женщин «мадама». Китайцы старались как можно лучше использовать непрошенных гостей! Они стали наниматься к русским в качестве поваров за весьма небольшую плату с тем, что они сами будут покупать продукты. В результате китаец делался богаче хозяина, становился купцом, открывал лавку. К сожалению, были и такие случаи, что повар убивал хозяев и, забрав все ценное, скрывался. В таких случаях найти убийцу было очень трудно. В то время у китайцев не было никаких паспортов и, нанимаясь, они называли себя кем угодно, только не настоящим именем.

По домам ходили прачки-мужчины. Они забирали белье. Записывали каждую штуку и через несколько дней приносили чистое и выглаженное. В то время все было дешево. Яйцо – 1 копейка, бутылка молока – 7 копеек, пара фазанов – 35-50 копеек.

Китайцы меняли одежду раз в год: на Новый год по лунному календарю. Сами они мылись очень редко. Не знаю, правда ли это, но я слышала от них, что надо как можно меньше тратить воды при жизни, так как сколько ты испортишь воды при жизни, столько должен будешь выпить после смерти.

Боясь воды, они во время дождя разбегались куда кто мог, стараясь закрыть чем-нибудь головы. Обыкновенно мешками. Зонтов у них не было, хотя говорили, что они воюют под зонтами.

Регулярной армии у них не было, а когда появлялись на улицах какие-то солдаты в серой форме, то все возницы и торговцы на улицах старались куда-нибудь убежать, так как эти солдаты заставляли везти себя куда хотели и забирали без денег какой хотели товар. Недаром существовала поговорка «Из хорошего железа не делают гвоздей» (из хорошего человека не бывает солдата). Хороший человек не бывает солдатом.

Вшивость считалась нормальным явлением. Летом на улицах можно было видеть китайцев, снявших рубашки и уничтожавших вшей. Долго они не могли отвыкнуть от вшей. Даже в 1950 г., когда я работала на телефонной станции, однажды во время ночного дежурства я увидела вошь на испытательном столе и сказала дежурившим со мною китайцам: «Смотрите, какая у нас гадость на испытательном столе!» Они спросили: «А разве у вас нет вшей?» И в ответ на мое «нет» они сказали: «Значит, вы чем-то больны. У всех здоровых людей есть вши». Почему-то у них потребность плевать, харкать. Когда они стали жить во всех районах, то улицы были сплошь в плевках. В каждом доме на видном месте плевательница. Даже можно видеть по телевидению, когда высшие чины принимают иностранных представителей, то на самом видном месте стоят плевательницы. Долго пришлось бороться с тем, чтобы не плевали на улице. Вплоть до штрафов. Теперь, выходя на улицу, они сначала плюнут на пороге, а потом выходят. Очень мало кто купался в реке, и только после того, как Мао Цзедун, переплыв реку, показал пример, все бросились в реку.

Вернусь к тому времени, когда все было спокойно и даже весело. Русских одно время было 75 тысяч. Многие, особенно евреи, стали заниматься торговлей. Строили дома, сдавали квартиры и комнаты.

Мои родители решили снять большую квартиру с тем, чтобы, сдавая комнаты, иметь одну для себя бесплатно. Но из этого у нас тоже ничего не получилось. Мы сняли квартиру из четырех комнат. Одну, самую большую, сдали за сто рублей, одну – за 60 и одну – за 40, а квартира стоила триста. Так что у нас осталась комната за сто рублей. Хорошо, что в это время отец стал производителем работ по постройке канала для улучшения судоходства по реке Сунгари и, таким образом, мы могли жить в этой дорогой для нас квартире.

Первой нашей квартиранткой большой комнаты была Гришина-Алмазова, жена адмирала, которого предал Михайлов Иван Андреевич (бывший министр финансов в Омском правительстве), за что и заслужил прозвище Ваньки Каина. Совершил он эту подлость, будучи влюбленным в жену адмирала и желая избавиться от него. Вскоре он стал настойчиво ухаживать за нашей квартиранткой, и в конце концов она вышла за него замуж.

В это время мы, все четыре сестры, учились в средней школе. Я и старшая сестра – в частной гимназии Оксаковской, а младшие поступили в железнодорожное коммерческое училище. Но когда на дорогу пришли советские, то многие учителя во главе с директором Н.В. Борзовой ушли из училища. Родители тоже стали брать детей. Говорили, что вместо Закона Божьего будут учить детей происхождению человека от обезьяны.

В это время в Харбине был «Христианский Союз молодых людей» во главе с американцем Хейгом. И вот решили с его согласия создать гимназию. Благо, оказалось много хороших преподавателей, ушедших из коммерческого училища.

Отец после долгих лет жизни случайными заработками (главным образом, в качестве инженера-строителя), устроился в Правление железной дороги помощником бухгалтера с окладом 100 руб. Хотя это и было мало для семьи в шесть человек, но все же сводили концы с концами.

У отца с малолетства был порок сердца, и все передряги и переживания привели к преждевременной смерти. 13 мая 1928 года он умер. Этот год принес нам много испытаний. До кончины отца заболела скарлатиной младшая сестра. А вскоре после смерти отца заболела брюшным тифом средняя сестра, от нее заразилась я, а от меня – старшая сестра. И, конечно, ее больное сердце не могло вынести температуры за 40⁰. И 13 сентября того же 1928 года она умерла. На этом наши испытания не кончились. После похорон старшей сестры опять заболела младшая, и, несмотря на то, что мы все болели тифом, доктор долго не мог определить ее болезнь. Он признал сначала малярию и советовал маме кормить ее кровяными бифштексами, и только когда наконец сделали исследования крови, то оказался брюшной тиф. При таком лечении, можно сказать, она выжила чудом.

Лечил ее доктор Князев. А моего отца и старшую сестру – доктор Казем-Бек. Это был доктор Божьей милостью. Он свято соблюдал клятву о бескорыстном служении человечеству, которую давали все врачи при окончании университета.

Он не отказывал никому и никогда в своей помощи. Выезжал к больным и ночью в любую погоду. С бедных он не только не брал денег, но и еще давал на лекарства. Когда он лечил отца и сестру, то он видел наше скудное существование. Но когда мы давали в конвертике свои 3 рубля, то он не отказывался, так как знал, что если он не возьмет денег, то мы не будем его вызывать. Но когда после смерти отца и сестры мама стала убирать в прихожей, то на полке для шляп обнаружила все конвертики с деньгами, которые она давала доктору.

Он пользовался любовью и уважением не только русского, но и китайского населения и погиб, не дожив до 40 лет, заразившись скарлатиной от китайской девочки. Когда он осматривал ей горло, она кашлянула ему прямо в лицо, а на нем не было респиратора. Не знаю, можно ли было спасти его, вовремя приняв все меры, существовавшие тогда. Уж очень завидовали ему все другие доктора.

В последний путь его провожал весь Харбин: и европейцы, и китайцы. Многие магазины закрылись. В учреждениях оставались только дежурные. Весь транспорт остановился. Встречные не только обнажали головы, но и кланялись...

Еще при жизни отца я после окончания гимназии поступила на восточно-экономическое отделение Харбинского юридического факультета (Пражского университета).

После смерти папы и старшей сестры я осталась, так сказать, кормилицей семьи. С большим трудом мне удалось устроиться на городскую телефонную станцию. Городская телефонная станция только начала существовать. Она отделилась от железнодорожной станции. Это было во время конфликта 1929 года.

Должность начальника станции купил бывший генерал (не знаю, какой армии) по фамилии Шэн. Так как он сам ничего не смыслил в этой области, то он имел инженера (Хван), который сидел у него в кабинете за маленьким столиком, сам весьма невзрачный. Сидел он лицом к начальнику, а посетитель – спиной к нему так, что он делал знаки начальнику за спиной посетителя. На вопрос посетителя начальник отвечал согласно знаку, поданному инженером.

Начальник технического отдела был русский, который и принимал на работу русских и которому нужен был переводчик для разговора с начальником станции и с начальниками других отделов. На эту должность я и устроилась.

В Китае в это время шла гражданская война. Воевали между собой генералы Чжан Цзолин и Упейфу. А потом Мао Цзедун и Чжан Кайши – коммунисты и гоминьдановцы. Когда победили гоминьдановцы, то на телефонную станцию начальником был назначен Сюй Шида. А прежнее начальство незаметно смылось. Новый начальник начал борьбу с коррупцией. Но он тоже недолго продержался у власти.

В Харбине долго не было никакого транспорта. Только извозчики, двуколки и рикши. Когда же появились первые автобусы, то они имели такой вид, как будто их извлекли со свалки. Шли они с треском и шумом. Эксплуатировали их частные предприниматели. При чем каждый прохожий поднятием руки мог остановить автобус и войти в него в качестве пассажира, и наоборот: каждый пассажир мог остановить автобус в любом месте, крикнув «остановка» или «стоп».

Трамвай построили только...

Личный архив А. Ярошенко

В ПОИСКАХ КОРНЕЙ

*Живи тоской и другом назови
Весенний день с апрельскими глазами,
И карточкой отцветшею порви
Лукавую предательницу – память.*

*Лидия Хаиндрова
Память. 1937. Харбин*

У каждого человека есть свой уголок – город, деревня, улица, где он родился. Это его маленькая Родина. Она начинается на пороге дома, где ты вырос, огромная и прекрасная. Родина всегда с тобой, где бы ты ни жил, и у каждого она одна.

Я не знаю, в какое время и в какие годы приходит к человеку зов прошлого, когда вдруг захочется увидеть места, где прошло детство, вспомнить то, что уже давно забыто. Со мной это произошло в один из обычных дней, когда душе стало тесно в городской квартире, и я, не зная зачем и почему, поехала в тот родной дом, уголок, где выросла, на Релочный переулок – улицу, с которой начался Благовещенск.

Остановившись у своего дома, я начинала осознавать, чем влечет меня это место, о котором остались столь яркие воспоминания. Я тоскую о своем детстве, и хочется возвратиться именно туда, хотя бы на минутку. Несмотря на свой солидный возраст, дом гордо стоял среди новостроек. Большой, из крепких бревен, с русской печкой и голландкой с коваными дверцами, он навсегда останется в моей памяти таким. И, оказавшись в родном доме через 30 лет, при встрече с ним у меня защемило сердце. Уже здесь жили другие люди, но ощущалось что-то неуловимо родное, которое уносило в далекое детство. Там еще маленькой девочкой я подолгу с интересом рассматривала портреты изящных дам в рамках на стене и словно попадала в иной мир – старый Благовещенск. Это были дедушкины сестры, которые сразу после революции ушли в Харбин.

«Где же эта страна – Харбин, в которой они живут? Наверное, очень далеко», – думала я, не осмеливаясь спросить у взрослых. И детское воображение рисовало картину той далекой неизвестной страны, где роскошные дамы прогуливаются с ажурными зонтиками летом по улицам в сопровождении галантных мужчин. Мои размышления прерывал бой курантов на стене, словно подводя итог размышлениям: «Часами измеряется время, а временем жизнь человеческая».

Я смотрю на фотографии с дарственными надписями и датами далеких лет. Они связывают в единое целое несколько поколений. Смотрю и пытаюсь воссоздать достоверную историю моей семьи. Ведь каким важным для любого человека, для его воспитания и дальнейшей духовной жизни является уважение к прошлому, к истории своей фамилии и рода. История моей семьи – это история страны и той доли, которая выпала на нашу многострадальную матушку-Русь. В разных библиотеках и архивах я собирала материалы, чтобы связать в одно стройное повествование драматические события, которые, развиваясь, определили место моей семьи в нашей истории. Изучая архивные документы, словно перелистывала страницы истории страны, ведь каждая строчка текста была написана самой жизнью. Историческую ценность этих сведений определит только время. Испытав взлеты и падения, успехи и

поражения, мои предки с первыми переселенцами обживали амурскую землю и сеяли хлеб, в глухой тайге искали золото и открывали прииски, в годы террора шли на расстрел и бежали в Харбин, но всегда и везде помнили и своей земле, о России.

История моей семьи связана с Харбином, где по воле судьбы оказались некоторые родственники. Сейчас, по прошествии сорока лет, я вспоминаю, как однажды нам в дом принесли зеленый конвертик. Это было письмо от дедушкиной племянницы из далекой Австралии, переехавшей туда из Харбина. Яркое содержание письма, написанного красивым слогом и почерком буквами старого русского алфавита, напоминало дарственные надписи старых фотографий в нашем доме и запомнилось мне навсегда. Это была весть оттуда – из XIX века. В 60-е годы такая переписка не приветствовалась, тем более в нашей репрессированной семье, и письмо осталось без ответа.

Шли годы. Взрослела я. Но всегда дома где-то рядом был «дух Харбина». Сколько за это время прочитано о нем книг, документов в архивах, с какими интересными людьми познакомил меня Харбин. Их письма-воспоминания о своем городе юности – не только рассказ о чьей-то судьбе, сложной, порой трагической, но и новая страница истории Харбина. Благодаря воспоминаниям харбинцев, никогда не сотрется из памяти людей этот город, потому что мы, другое поколение, передадим нашим детям ту любовь к Харбину, которую они передали нам.

Письма харбинцев. Какой добротой, теплом и любовью к жизни проникнуты они! Я читаю их, присланные из разных уголков России, Австралии, Польши, США, и восхищаюсь красотой языка в каждой строчке и начинаю понимать, какие прекрасные знания давали в харбинских учебных заведениях. В 1898-1916 г. на КВЖД насчитывалось 19 начальных школ для детей русских служащих. Расширялась система средних учебных заведений: открылись прогимназия, позднее гимназия им. Д.Л. Хорвата (1906-1935), смешанная гимназия В.Л. Андерса (1910-1927), классическая гимназия Я.И. Дризуля (1910-1937). В 1906 г. открылись мужское и женское коммерческие училища, где программа была построена по примеру Российского министерства финансов. В харбинских коммерческих училищах не было затруднения в наличии учебников. До 1917 г. книги из России поступали регулярно, а позже выпускались харбинскими издательствами. В декабре 1916 г. открылось первое Харбинское Русское Реальное Училище, где занятия велись по программе российских реальных училищ. Много внимания уделялось духовному воспитанию учащихся. В этом большая заслуга преподавателя закона Божия протоиерея отца Николая Вознесенского, который до революционных событий 1917 г. служил протоиереем в Кафедральном соборе нашего Благовещенска. В училище был драматический кружок, где ставились пьесы русских классиков, выступал школьный хор, в репертуаре которого были русские народные песни, и духовой оркестр. Стараниями и талантом российских ученых в 20-е годы в Маньчжурии было создано высшее юридическое учебное заведение, где успешно решалась задача сохранения русской юриспруденции и передачи русской правовой науки молодому поколению. Харбинский политехнический институт и другие высшие учебные заведения были на уровне университетов дореволюционной России. Сейчас об этом мы можем узнать лишь из воспоминаний их выпускников и немногочисленных архивных документов и книг.

В книгах-воспоминаниях харбинцев тоже много удивительного о русском воспитании и образовании в Харбине.

...На окраине Харбина, в Славянском городке, бывшим морским офицером К.И. Подольским и его супругой было начато великое дело – открылся «Русский Дом». Там воспитывались сотни русских детей, большинство из которых были круглые сироты. На стенах «Русского Дома» висели в окантовках различные изречения ученых, касающиеся нравственности: «Дисциплина и воспитанность прежде всего», «Родина ждет от каждого исполнения своего долга» (сигнал адмирала Нахимова перед Синопским боем). Кроме обычных, общеобразовательных дисциплин, в «Русском доме» преподавались ремесла и закладывались основы русского национального воспитания. Воспитанниками 4-го класса приюта-училища «Русский Дом» был издан журнал «Маяк». В нем – творчество русских детей, нашедших здесь национальную школу и приют от грозных жизненных бурь. Каждая строчка, написанная детской рукой, пронизана одним чувством – любовью к великой Родине. Вот стихотворение Б.Пулят «Пальма», под которой молодой автор подразумевает «Русский Дом»:

*Высоко на горячем утесе
Прегордая пальма растет,
И крепко она уцепилась
За жгучий сыпучий песок.
Ничто ее больше не сломит,
Корней не подроеет ей,
Своими плодами рождает
Больших патриотов-детей.
И будем мы ей благодарны,
И корни польем ей водой,
Не будем мы ждать здесь награды,
Наградой ее обовьем.
Мы были ея же плодами,
Но место оставим другим:
Мы будем бороться с врагами
И Пальму свою защитим.*

Передо мной книга Ирины Лобода «Харбиночка», в которой в форме увлекательных рассказов автор повествует о своей жизни и передает детские впечатления с высоты прожитых лет.

В книгах Людмилы Дземешкевич «Харбинцы» и «Харбинские были» – история ее семьи и воспоминания автора о годах харбинской юности: «Выросшие в православных церквях, на русской классике, мы любили играть в русские игры: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло», «Бояре, а мы к вам пришли». Учась в школе на Таможенной улице в Харбине, самым радостным и любимым был урок пения. Пели самозабвенно: что ни урок – то концерт. Начинали с русского гимна, а потом – вся русская классика: «Однозвучно звенит колокольчик», «Марш славянки» и, конечно, «Тоска по Родине». С чувством пели, поощряемые блестящими из зала глазами родителей:

*Занесло тебя снегом, Россия,
Запурило седою пургой,
И печальные ветры степные
Панихиду поют над тобой.
Сколько нас на чужбине страдает,
Ах, забыл бы больную тоску.
Сердце плачет, но сердце все знает.
Ах, как хочется снова в Москву!*

Весь репертуар в школе был русский, классический, дореволюционный. Мы брали книги в библиотеке Бодиско, детский абонемент у нас был на две книги. Мгновенно прочла и «Повести Белкина», и «Кавказского пленника», и «Бедных людей», и все детства – Аксакова, Толстого, Гарина-Михайловского. Каждый день, отмеряя Харбин от Гондатьяевки до Таможенной, я повторяла наизусть всего «Евгения Онегина», «Мцыри», «Князя Курбского», «Сакья Муни», а вечером засыпала под «Приваловские миллионы», «В лесах и на горах», «Мертвый дом», который до глубокой ночи читала мама вслух, и в ночной тиши хорошо доносилось в нашу детскую комнату...

...Новосибирск. Встреча харбинцев через 95 лет. Когда подошли ко мне австралийцы с акцентом, которого не было у нас в Китае, в каком бы иностранном колледже или конvente мы не учились, я сказала им об этом, а в ответ услышала, что и мы переменились, и наша речь потускнела под сибирским акцентом. Мне не хотелось спрашивать у них объяснения, это сделали сами харбинцы-сибиряки, сказав задумчиво: «Должно быть, наша речь подернулась флером хамства...».

Каждый, кто был в Харбине, воспринимает его по-своему, но, приехав однажды, захочет снова и снова туда вернуться. Я люблю зимний Харбин, где все напоминает нашу русскую зиму.

Снегом засыпан тротуар. Мы идем с друзьями по вечернему городу в дом с русской печкой, самоваром, где нам всегда рады. Это – Русский Дом. Гостеприимный хозяин Николай Николаевич Заика радостно встречает нас. Все сидим на кухне, пьем чай. Хозяин с восторгом восклицает: «Как я рад, что снова слышу русскую речь!». Беседуем. А я тихо сижу в моем любимом уголке этого дома – кухне, и вспоминаю родной дом на Релочной моего Благовещенска. Я снова в своем детстве. Странная параллель.

*Занавеска надулась парусом
Над широким большим окном.
Словно вышиты пестрым гарусом
Этот солнечный сад и дом.
Падает солнце квадратами
Из окошка на чистый пол,
Легло золотыми заплатами
На накрытый для чая стол...*

*Нина Завадская
Картинка. 1942. Харбин.*

Однажды Николай Николаевич Заика, зная мое увлечение архитектурным наследием старого Харбина, решил показать мне город своей юности. Словно соперничая друг с другом в красоте, выстроились в ряд особняки: Скидельских, Ковальского, Джигелло-Сокко, Меевичча, недалеко от них – Чистякова. А вот знакомый по фотографиям во многих изданиях «Русско-Китайский банк». Сворачиваем налево, на другую улицу. «Тебе эта улица ничего не напоминает?» – спрашивает Николай Николаевич. – «Питер!» – сразу отвечаю я, остолбенев от неожиданного сходства. – «Подойди вон к тому дому, тебе это будет интересно», – говорит мой проводник, указывая на высокий кирпичный дом в несколько этажей старой постройки на противоположной стороне улицы. От неожиданности увиденного стою как вкопанная. На кирпичной кладке крупными русскими буквами высечено слово «Почта». «Это улица Почтовая», – говорит Н.Н.Заика. Но я молчу, мысленно не соглашаясь с ним, потому что эта улица вызывает у меня другую ассоциацию. «Большая Морская», – говорю я про себя, ибо мои семейные корни берут верх. И вижу Питер – родину прадеда.

Россия. Петербург. Нева.

Как ни зови их, смысл все тот же.

Душа забудет все слова,

Но этих позабыть не сможет.

Сергей Сергин

Заветные слова. Харбин

Есть места, примечательные не только красотами природы. Мы называем их, и перед глазами возникают определенные картины. Мы говорим «Харбинский Арбат», называя так Китайскую улицу, и представляем, как здесь в далеком 1936 в отеле «Модерн» жил великий Шаляпин и выступал Вертинский. Тот год подарил встречу с двумя великими певцами.

6 января 1936 г. на гастроли прибыл Александр Николаевич Вертинский. Театральный Харбин за три недели гастролей артиста только и жил его выступлениями. Тема далекой родины в творчестве певца привлекала на его концерты харбинскую публику. «Во всех уголках мира я пел по-русски и для русских. Мое творчество родилось из любви к русскому языку, в котором чувствую и пою не только каждое слово, но и каждую букву. Я буквально ощущаю каждое слово на вкус. В этом основа и исток моего искусства». Уезжая из Китая, Вертинский сказал: «Харбин поразил меня встречей со многими старыми друзьями. Я искренне поздравляю харбинцев, что они получают возможность послушать в скором времени Федора Шаляпина, личная дружба с которым является самой большой радостью в жизни...».

Март 1936. Русский Харбин находится в нетерпеливом ожидании увидеть и услышать Шаляпина. Дав два аншлаговых концерта в Шанхае, певец уезжает в Харбин. Но по дороге простывает, и голос его начинает хрипеть. Из-за сильного трахеита концерты переносятся. Харбинцы нетерпеливо интересуются новостями о самочувствии певца. Наконец в понедельник, 16 марта, состоялся первый концерта Шаляпина в театре «Америкен». Все билеты были распроданы заранее. Перед началом концерта Федор Иванович произнес: «Мне до боли и слез радостно сознавать, что я сейчас выступаю перед родной аудиторией, так напоминающей старые добрые милые российские времена». Увы, Шаляпину оставалось жить менее двух лет. 12 апреля 1938 г. гениального певца не стало. В Харбине был выпущен траурный

номер журнала, целиком посвященный памяти русского артиста. Прах Шаляпина перевезут из Франции в Москву в 1984 году.

Ноябрь 2006. Я стою у могилы Великого сына России, Федора Шаляпина, на Новодевичьем кладбище. Здесь же недалеко покоится А.Вертинский. Тихо падает снег. А мне вспоминается зимний Харбин. На ум приходят прощальные слова Сергея Рахманинова о своем друге Шаляпине: «Умер только тот, кто позабыт». Эти слова любимого композитора вспоминаю всегда, бывая в самом святом месте Харбина. На грустные мысли наводят они. Когда-то Харбин был городом красивым и богатым. И населяла его дружная семья русских, украинцев, поляков, евреев, армян. Здесь жили известные строители КВЖД, купцы, промышленники, врачи, горные инженеры, архитекторы, деятели науки и искусства, офицеры царской армии. И в конце жизненного пути их почетом провожали харбинцы на кладбища, которые, как зеркало, отражали историю их города.

Я смотрю фотоальбом Татьяны Жилевич, выпущенный ею в Мельбурне, где помещены работы ее отца, Виталия Мирошниченко, профессионального фотографа Харбина «В память усопшим...» и, проводя параллель с судьбой старого погоста моего родного Благовещенска, сетую на судьбу русских кладбищ Харбина.

Я иду по разоренному русскому кладбищу, ныне Харбинскому парку развлечений, купив яркий входной билет с видами аттракционов, чтобы поклониться праху соотечественников. Может, здесь покоится кто-то из моих родных? Горячо ступать ногам по скрытым под снегом могильным плитам. Весна оголила часть тротуарной дорожки, когда-то бывшей чьей-то могильной плитой. Я пытаюсь руками снова и снова очистить от снега стертые от времени надгробные надписи. «Спи спокойно, дорогая...» – и больше ничего. Мне становится больно и стыдно, потому что понимаю, здесь лежит та частичка России, которую мы потеряли, и снова вспоминаются слова великого Рахманинова.

Пусть из десятилетия в десятилетие тянется в далекое будущее негасимая нить памяти обо всех харбинцах – людях с сильным характером и сложной судьбой.

P.S.: Я возвращаюсь вечерним поездом домой. Соседи по купе оживленно обсуждают покупки и развлечения. А я читаю «Неизвестный Харбин» Елены Таскиной и думаю о том, что корни Харбина идут из России, а значит, и мои тоже, а еще о том, что узнать город можно, лишь полюбив его.

Татьяна Золотарева

СКАЗКИ АВСТРАЛИЙСКОЙ БАБУШКИ ДЛЯ БЛАГОВЕЩЕНСКИХ ДЕТЕЙ

На другом конце света, далеко-далеко, там, где наступает лето, когда у нас зима, – в Австралии, жила наша бывшая соотечественница, бывшая благовещенка – Татьяна Ивановна Золотарева. Впрочем, слово «бывшая» здесь не совсем подходит: она была самая что ни на есть настоящая благовещенка, потому что любила наш город всей душой. Только любила она не совсем тот Благовещенск, к которому привыкли мы: шумный, обустроенный на новый лад, немного дерзкий, как все современные города. Бережно хранимый в ее памяти, он

совсем другой: тихий, уютный, патриархальный, каким запомнила его в своем далеком детстве. Татьяна Ивановна покинула Благовещенск в 1929 году. Шестнадцатилетней девочкой она была вынуждена бежать в Китай как дочь врага народа, лишенная каких бы то ни было прав, – «лишенка», выражаясь языком того времени. Хэйхэ, Цицикар, Харбин, многочисленные станции по линии КВЖД в Китае... И, наконец, Австралия, куда реэмигрировала Татьяна Ивановна в 1961 г. Все чужбина. На родине же ее могла ожидать в лучшем случае целина.

Всю свою жизнь Татьяна Ивановна была учительницей. Она учила своих учеников русскому языку, русской истории, Закону Божьему. В Австралии с 1962 по 1998 гг. у Татьяны Ивановны была собственная «школа на колесах»: ездила к ученикам на дом, в некоторых семьях преподавала от 10 до 17 лет, ее «передавали из семьи в семью», как она говорит. Для 118 своих домашних учеников там, в далеком далеке, она стала частичкой России, хранительницей и проводником русской культуры и истории.

Знакомство с Татьяной Ивановной состоялось заочно – я прочитала ее книгу «Маньчжурские были» и написала отзыв о ней в газету бывших русских харбинцев «На сопках Маньчжурии». Пришел ответ от Татьяны Ивановны из Сиднея.

Я писала ей письма, но нечасто, за что корила себя безмерно, но... дела, заботы... Она очень радовалась этим письмам, потому что для нее они «привет с Родины, праздник». Я всегда боялась, что любое из полученных писем может оказаться последним: Татьяне Ивановне было за девяносто. Ее не стало 21 июня 2006 года.

...Однажды она прислала сказки. Они публиковались в русских газетах Австралии, добрые, милые, немножко сентиментальные. Про фей, ежсей, зайцев, героя-воробья и хищную сову, сердитую лису и капризную елочку, про стрекоз и сороконожек, восторженного коалу и заботливую кенгуру (австралийское влияние!) ...Они про то, как устроен мир, который, несмотря ни на что, все же больше радостен, чем печален. «Посылаю Вам сказки, на Ваше усмотрение. Может, покажутся странными. Здесь напечатали несколько – газета закрылась. Это я писала благовещенским детям «Сказки бабы Тани». Не забывайте меня».

Некоторые сказки Т.И. Золотаревой были опубликованы ранее в газете «Моя Мадонна» (Благовещенск, 2005) и литературно-художественном альманахе «Амур» (Благовещенск, 2006 г.). В нашем издании публикуются все дошедшие до нас сказки Татьяны Ивановны, среди которых есть и не опубликованные ранее на родине.

Е. Оглезнева

СКАЗКА ПРО ФЕЮ И ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

В лесочке около озера жила фея. И было у нее волшебное кольцо. Стоило ей чего-нибудь пожелать и повернуть колечко вокруг пальца, как все появлялось перед ней. Она получила это кольцо в подарок от феи, ее крестной, которая наказывала ей не снимать кольца с пальца.

В лесу также жили зайчики, полевые мышки, и было много цветов на полянках. Фея ухаживала за цветами, поливала их в засушливое время, а зверюшек кормила лакомствами. И они все любили ее. Среди них она чувствовала себя счастливой.

Однажды рано утром фея проснулась и направилась к цветам, как вдруг откуда ни возьмись перед ней появился эльф. Вид у него был изнуренный, а вместо одежды одни лохмотья. Он приблизился к фее и умоляющим голосом промолвил: «Помоги мне! Накорми меня! Дай мне одежду!» Фее стало жаль его. Она приветливо улыбнулась и сказала: «Не горюй! Я тебе помогу». Она повернула колечко на пальце, и перед эльфом появилась вкусная еда, на которую он с жадностью набросился. Затем она высказала другое желание, повернула колечко и перед эльфом оказалась новая хорошая одежда. Он оделся и с удивлением спросил ее: «Ой! Как интересно! Откуда ты все это берешь?» И она ответила: «Это все мне дает колечко!» Он изумился и сказал: «Покажи мне его!» Она протянула ему руку и показала кольцо. Эльф внимательно всмотрелся в него, погладил и попросил: «Оно чудесно! Дай мне примерить его. Мне так хочется увидеть, как оно будет выглядеть у меня на пальце». Сначала фея отказала ему: «Я никогда не снимаю это кольцо!» И тогда Эльф начал умолять ее: «Неужели ты думаешь, что я плохой, и не веришь мне? Разве я могу причинить тебе зло, ведь ты помогла мне? Поверь!» И фея поверила и подумала, что на минутку колечко снять можно. Сняла колечко и подала ему. Он схватил его, надел на палец и моментально исчез. Фея рыдала. Теперь она была бессильна и не могла помогать ни цветам, ни зверюшкам.

С тех пор в лесу все изменилось. Эльф превратил зверюшек и цветы в камни. Стало мрачно и грустно вокруг. Фея решила пойти к мудрой сове, рассказать о своей горе и попросить у нее совета, как же ей все-таки вернуть кольцо. Было темно, сова собиралась лететь на охоту, но фею приняла, внимательно выслушала, долго молчала, а потом промолвила: «Ты должна быть такой же хитрой и лукавой, как он!». И улетела. Фея задумалась над ее советом. И только вышла она на дорогу, как перед ней появился эльф. Он сказал ей покровительственным тоном: «Здравствуй! Скажи мне, что ты хочешь? Я все сделаю для тебя! Ведь ты мне помогла!». Фея улыбнулась и ответила: «Спасибо! Ты и так уже много сделал! Как хорошо, что ты превратил цветы и зверюшек в камни!». Он хвастливо улыбнулся: «Теперь я все могу!» «А можешь ли ты сам стать каменным? – спросила фея. – Вряд ли это возможно!» Эльф крикнул: «Смотри!». И встал перед ней каменным. Она подскочила, стащила колечко с его пальца и надела на свой. Эльф так и остался сидеть каменным.

Фея побежала в лес и сделала живыми превращенных в камень зверюшек и цветы. Все были рады и весело приветствовали ее! И началась для них прежняя счастливая жизнь. Так прошло полгода. В конце концов фея подошла к потемневшему от дождей эльфу, превратила его в живого и сказала: «Вон отсюда! Если я тебя увижу хоть раз, то сделаю тебя каменным навеки!» Эльф тотчас исчез и больше никогда не появлялся фее на глаза.

СКАЗКА О ТОМ, ЧТО БЫЛО В ПЕНАЛЕ

Пенал у Наташи был просторный. На крышке у него была красивая картинка. В пенале собралась довольно большая компания. В трех отделениях располагались ручки трех цветов, карандаши простые и цветные, точилка и резинка.

Ручки и карандаши состояли в большой дружбе, считали себя самыми важными особами в пенале и гордились своей ученостью. Часто рассказывали друг другу разные занимательные истории, сказки. Кроме того, карандаши могли поведать о картинках, которые они

нарисовали и получили за это хорошие отметки. Ручки и карандаши смотрели свысока на точилку и резинку, держали их за глупых, некультурных, никогда не вступали с ними в разговор, а только делали обидные, грубые замечания: «Какую вы разводите грязь, от вас стружки и черная пыль! Фи! Как вы нам надоели!» Особенно нападали они на резинку: «Замарашка! Всегда в грязном платье! Противно смотреть!».

Точилке и резинке было обидно слышать эти несправедливые замечания, однако они предпочитали отмалчиваться. Но однажды их терпение лопнуло.

Как-то раз ручки и карандаши расхвастались друг перед другом. Ручки говорили: «Мы столько исписали разной бумаги за свою жизнь! И всегда писали правильно, красиво, чисто!» А карандаши им в ответ: «Да и мы писали без единой ошибки, а еще очень много рисовали, и рисунки наши были прекрасны, под ними учителя всегда ставили золотые звездочки! И нам с вами было бы здесь вполне хорошо, если бы этих грязнуль выбросили отсюда! Только портят воздух!»

На этот раз точилка и резинка рассердились и не сдержались. Точилка закричала: «Вы забываете, что без меня не сможете ни писать, ни рисовать! Если я перестану точить вас тонко и правильно, то вас выбросят отсюда! Тупые, вы никому не будете нужны! А откуда стружки? Только от вас!».

А резинка сердито принялась отчитывать карандашам и ручкам: «Как вам не стыдно? Отчего я грязная и на моем платье всегда пятна?! Потому что я всегда исправляла ваши ошибки, а их было немало! Расхвастались, подумаешь какие важные персоны? Что вы будете делать без меня? Ведь всегда вам помогаю я!».

Тут карандаши и ручки призадумались, примолкли, им стало стыдно. Они попросили прощение у точилки и резинки и с тех пор их не обижали.

СКАЗКА ПРО ШАР, СЛОНИКА И ЗМЕЙКУ

В детской у Вовы над кроватью висел надутый большой розовый шар. На нем была нарисована смешная рожица, она всем приветливо и весело улыбалась. А на столике у кровати стоял маленький слоник. Он был сшит из черного бархата, на спинке у него был красивый коврик, а его хоботок был спущен книзу, как будто он собирался что-то поднимать. Он был очень спокойным и со всеми дружелюбным. И тут же на столике, опутав слоника несколькими петлями, лежала резиновая змейка. Она была очень способная: могла свернуться в несколько колец, растянуться во всю длину, была очень быстрая в движениях и любила, чтобы ее во всем слушались. С шаром и слоником она была в дружбе, потому что они никогда с ней не спорили.

Хозяин шара, слоника и змейки Вова заболел, и его положили в больницу. Друзья смотрели через окно в сад, где расцвела яблоня, и аромат ее цветов разносился вокруг. День был чудесный. Но это их не радовало. Они очень скучали по Вове. С ним всегда было интересно, он придумывал разные игры. Шар, слоник и змейка решили убежать из дому и пойти искать Вову.

Рано утром в открытую форточку вылетел шар, за ним поползла змейка, подхватив слоника петлей. Так они оказались на свободе в саду и стали раздумывать, как им проби-

ратся к Вове дальше. Сначала надо было выбраться из сада. А вокруг сада тянулась канавка, полная воды. Первым делом нужно было переправиться через нее. Шар быстро перелетел канавку, за ним прыгнула змейка, и они с другого берега улыбались слонику. А слоник печально на них смотрел. Он не умел ни плавать, ни прыгать, ни летать. Тогда змейка растянулась поперек канавки и предложила ему: «Слоник, иди по мне, как по мостику. Смелее!». А слоник боялся воды, но он послушался змейку и пошел. Со страхом он дошел до середины канавы, и тут у него закружилась голова, он упал и скрылся под водой. Шар и змейка опечалились. От печали шар начал раздуваться и лопнул. А змейка снова переправилась в сад, долго ползала там и нашла себе приют у грядки с маками, которые встретили ее приветливо. А Вова, вернувшись домой из больницы, долго расспрашивал маму и няню о том, где его шар, слоник и змейка. А мама и няня ничего не могли ему ответить, потому что не знали. А потом Вова нашел змейку в саду и удивился тому, как она там оказалась. Вова долго горевал о своих друзьях.

СКАЗКА О КАПРИЗНОЙ ЕЛОЧКЕ

В небольшом лесочке среди берез, яблонь, осин случайно оказалась елочка. Она резко отличалась от всех своих соседок. Ее соседки были одеты в зеленые листья, которые так приятно шелестели, а одежда елочки состояла из острых зеленых иголок, которые громко шумели. Она так стеснялась своих иголок, они так не нравились ей! Как же ей хотелось избавиться от иголок! И елочка часто мечтала вслух о том, как она была бы счастлива, если бы ее иголки исчезли и вместо них появились бы листья, но только не зеленые, как у соседок, а золотые, и чтобы они приятно шумели. Тогда все любовались бы ею, а особенно – люди. Елочка так часто мечтала об этом вслух, что случайно ее подслушала лесная фея, которая пожалела елочку и решила помочь.

Спустя какое-то время елочка проснулась утром, увидела свое отражение в зеркале и не узнала себя. Она стала красавицей. Все ее иголки исчезли, а вместо них были яркие золотые листья, которые приятно шумели. Как она была рада! Теперь все будут любоваться ею: и соседки, и люди! Особенно люди! И она ждала их. И вот вскоре компания юношей и девушек появилась в лесу. Молодые люди окружили елочку и восторженно любовались ею. Наслушавшись похвал, она чувствовала себя очень счастливой.

Молодежь уселась в тени развесистой сосны, и у них начался веселый пир с пеньем и шутками. Елочка с восторгом наблюдала за ними, ожидая, что они снова подойдут к ней с похвалами. Но произошло что-то странное и жестокое. Молодые люди окружили ее и стали грубо срывать с нее листья. Напрасно она умоляла их о пощаде: все было безуспешно! Они сорвали с нее все листья, сложили в мешки и ушли. А елочка осталась безобразной, с голыми черными ветками. Она горько рыдала и, вспоминая, жалела свои иголки.

Фея сжалилась над ней. И что же! Проснувшись на следующее утро, елочка увидела на себе свои зеленые иголки и очень им обрадовалась. Она теперь поняла, что отличалась от других лишь тем, что была другой породы. И теперь она больше не роптала и перестала стесняться своих иголок.

СКАЗКА О БАЛЕ СТРЕКОЗ

День был ясный. Солнышко щедро разливало кругом свои лучи. А на лесной полянке, над быстрым, весело журчащим ручейком резвились стрекозы. То они кружились в дружном хороводе, то поочередно исполняли различные танцы. Им было так весело и приятно, что они решили после полудня устроить бал. Разослали по всему лесу кузнечиков приглашать гостей, а сами стали готовиться к балу. Выбрали самую обширную полянку, разостлали на ней свежие листья лопуха, а на них разложили спелые ягоды земляники, которые собрал для них ежик, в желудевые чашечки разлили соки разных трав и стали ждать гостей. Первыми появились божьи коровки в новеньких синих, красных, зеленых с горошками платящих, за ними прилетели жуки в солидных блестящих мундирах, затем прилетели целые стаи мотыльков и бабочек в изящных платящих самого разного фасона... За ними появились кузнечики в своих темных мундирах с начищенными подковками на ножках. Затем прилетели цикады. Сначала гости выпили сока за здоровье хозяек, затем полакомились ягодками, и бал начался. Все закружились в веселых танцах.

И вдруг в самом разгаре бала явились и залегли вокруг серые косматые жуки-светляки и стали внимательно наблюдать за танцующими. Стрекозы были возмущены этими незваными пришельцами и стали кричать на них: «Зачем вы здесь? Разве вас звали? Уходите!».

Но незваные гости ничего не отвечали и не трогались с места. И тогда хозяйки-стрекозы и гости перестали обращать внимание на светлячков, и бал продолжался.

Но время шло, стало темнеть, и стрекозы стали предупреждать гостей о том, что скоро бал придется закрывать. Всем было жаль, потому что на балу было очень весело.

Но что случилось вдруг? Вся поляна осветилась – стало светло, как днем! Это незваные гости летели над поляной и освещали ее. Теперь стрекозы и их гости благодарили незваных пришельцев, ведь по их милости бал затянулся до поздней ночи.

СКАЗКА О ДВУХ КАМНЯХ

Под большой горой на поляне, заросшей густым кустарником, лежали по соседству два камня. Один был серый с белыми крапинками, твердый, тяжелый, а другой – легкий, круглый, блестящий, говорливый, задорный. Когда солнце бросало на них свои лучи, то желтый казался золотым и с гордостью озирался вокруг, а серый камень выглядел еще мрачнее и чувствовал себя жалким перед соседом. Серый камень был очень серьезным, всегда молчал и о чем-то думал. А желтый, наоборот, любил поболтать, считал себя красавцем и над серым камнем обычно посмеивался. Желтый камень часто говорил серому: «Ах! Какой ты безобразный, мрачный! Кому ты нужен?». Серый камень обычно ничего не отвечал на это, лишь иногда ронял: «Такой уж я есть!». Ему было обидно терпеть насмешки своего соседа. Так рядышком жили они долгие годы: лето приходило на смену весне, а за осенью наступала зима. Шли годы. И настал день, когда жизнь камней круто переменилась.

Однажды с горы спустились два человека, подошли к камням и долго-долго смотрели на них, изучая. Потом достали из своих сумок молоточки и стали стучать по серому камню. С большим трудом откололи от него довольно большой кусок и враз воскликнули: «Ах! Ка-

кой хороший камень! Какой крепкий! Вот такой-то нам и нужен! Завтра заберем его!». И они повернулись, чтобы уйти, не удостоив желтый камень никакого внимания. Желтому камню стало обидно, и он громко закричал им вслед: «Почему вы не выбрали меня? Почему выбрали его? Ведь я красавец, а он урод! Посмотрите на меня получше!».

Люди вернулись к желтому камню, и один из них ударил по нему своим молоточком. И что же! Камень распался на мельчайшие частицы и превратился в желтую пыль. Посмотрели люди на то, что осталось от камня, и сказали: «Никуда не годится!». И ушли.

А серый камень остался на поляне один и думал о том, что теперь он нужен людям и будет служить им долго.

СКАЗКА О ВОРОБЬЕ-ГЕРОЕ

В небольшой рощице около лесного озера, где с веселым журчанием протекал холодный ручеек, поселилась довольно большая компания.

Здесь в норках жили зайчики и мышки, в корнях деревьев – ежики, в уютных гнездышках – ласточки, иволги и пеночки со своими птенчиками. Жили они очень дружно, тихо и спокойно, а пение птичек украшало их жизнь. Но неожиданно-негаданно случилась большая беда. Как-то раз пролетала через рощицу сова, посмотрела по сторонам, увидела, что еды для нее здесь будет вволю, и осталась. Уже на следующее утро птички не досчитались своих птенчиков, а мышка потеряла свою сестричку. Горько заплакали птицы и звери. Каждую ночь сова съедала по несколько обитателей рощицы. Вечером и ночью глаза у совы очень зорки, и тогда она выходила на охоту, а как только рассветет, сова становилась незрячей и, наевшись досыта, пряталась в укромном местечке и спала.

Решили птицы и звери собраться всем вместе на поляне и посоветоваться, что делать, как прогнать ненасытную сову. Думали-думали, но ничего не могли придумать.

И вот однажды в рощицу у лесного озера из соседнего леса прилетел воробей. Он слышал, что у соседей беда, и хотел разузнать, в чем дело. Лесные жители рассказали ему о своем горе, о страшной сове и о том, что всем им грозит гибель. Перышки на голове воробья от возмущения поднялись дыбом, и он закричал: «Вас так много, и вы не можете справиться с нею!? Ведь днем она слепая! Трусы, неужели вы ее боитесь?» Никто не ответил воробью. Тогда воробей топнул лапкой о землю и прокричал: «Я прогоню сову!» «Как ты ее прогонишь? – возразили ему. – Ты такой маленький, она тебя проглотит». Но воробей упорствовал: «А вот посмотрите! Прогоню! Через два дня я к вам прилечу». И улетел.

Лесные жители посмотрели ему вслед и решили, что он просто нахвастал.

Прошло два дня, и снова были потери и слезы. А на третий день прилетел воробей с большой стаей. Они сделали несколько кругов над лесом в поисках совы и нашли ее на вершине дерева, среди ветвей, где она крепко спала после обильного пиршества. Воробьи набросились на нее, стали клевать ее со всех сторон и громко кричать: «Уходи отсюда! Уходи!».

Сова пыталась защищаться, но не могла: она почти ничего не видела. Наконец она, вся исклеванная, в крови, свалилась в густые заросли у подножия дерева и замерла. А воробьи

летали вокруг до сумерек и кричали: «Уходи!» Потом и они улетели, а сова с трудом выбралась из зарослей и поплелась, оглядываясь по сторонам. И ушла она из леса навсегда...

Снова в лесочке воцарился покой, лесные жители благодарили воробья за спасение, а он им отвечал: «Мы маленькие и слабенькие, но если нас соберется много, если мы возьмемся за дело дружно — тогда мы сила!»

СКАЗКА О БЕЛКЕ-БОЛТУНЬЕ

В лесу в дупле старой сосны жила рыжая белочка. Глазки у нее были, как черные бусинки, а хвост пушистый-пушистый. Целый день она суетилась, прыгала по деревьям с ветки на ветку, искала орешки и собирала грибы на полянах. Была она очень любопытная, следила за всеми зверушками в лесу, любила их расспрашивать обо всем и давать советы.

Вот бежит по лесу серый зайчишка, а белка спрашивает его: «Ты куда, косою, направился?» А он отвечает ей: «Хочу себе вкусной травки на завтрак поискать!» Белка ему говорит: «Что травка! Я знаю поле, где растет сладкая морковка. Если хочешь, то приходи сюда завтра утром, я тебя отведу». Зайчик очень обрадовался: «Спасибо, белочка! Обязательно приду».

Рыщет по лесу голодная лиса. Белка спрашивает ее: «Где ты, лисонька, была?» Лиса сердито ей отвечает: «Весь лес я избегала, все норки проверила, а поймать никого не удалось!» «Не горюй! — утешает ее белка. — Знаешь, на лесном озере, в камышах, утка с утятами поселилась. Хочешь, отведу тебя к озеру? Приходи сюда завтра утром». Лисонька облизнулась, так ей захотелось уточки покушать. «Спасибо тебе, белочка! Завтра обязательно приду».

Пробегают под елками ежик со своим семейством, а белка кричит ему: «Эй, еж, я знаю в лесу полянку, где на земле спелые яблочки валяются. Если хочешь полакомиться ими, прибегай сюда завтра утром, я тебя провожу до самой полянки!». Еж в ответ ей пробурчал: «Спасибо тебе! Чуть свет завтра буду здесь!».

Идет по лесу медведь, с лапы на лапу переваливается, увидел белку, поздоровался. «Здравствуй-здравствуй!» — ответила белка. И спросила: «Куда, Мишенька, путь держишь?» Он отвечает: «Да вот хожу ищу, где пчелки живут! Очень мне хочется медку поесть!» Белка говорит ему: «Знаешь, в дупле старой сосны целый рой поселился и меду там полно! Пол-но! Приходи сюда завтра утром я тебе покажу, где сосна растет!» Медведь ее поблагодарил и пообещал прийти.

На другой день рано утром, когда солнышко еще не взошло, а небо уже начало розоветь, белка проснулась от шума голосов на поляне, высунула голову из дупла и ахнула от неожиданности. Около самого дерева стояли медведь с лисой, у медвежьих лап приютился ежик, а из-за кустика робко выглядывал зайчик. Тут белка вспомнила о своих вчерашних обещаниях и испугалась: «Что мне с ними теперь делать?» Забилась поглубже в дупло и просидела там до ночи. Когда совсем стемнело, она осторожно выглянула из дупла, но никого на поляне уже не было: поляна была пустая! С тех пор звери перестали ей верить и прозвали болтуньей.

СКАЗКА ПРО ЕЖА И ЕГО ГОСТЕЙ

Решил еж отпраздновать день своего рождения и пригласил к себе в гости черепаху, кузнечика, крота и сороконожку. Все они приняли приглашение и собирались прийти.

В назначенный день еж с ежихой встали на рассвете и стали готовиться к приему гостей. Позвали оркестр цикад и светлячков, которые осветили норку. На полу расстелили огромный зеленый лист лопуха и разложили на нем разные вкусные кушанья: спелые яблочки, ягоды, орешки и молодые грибочки. Все это собрали в лесу ежата. А ежиха сделала торт из лепестков дикой розы с медом, вкусный-превкусный. В чашечки тюльпанов разлили напитки из росинок. Все было готово, осталось только дожждаться гостей.

Время прошло быстро, еж с ежихой ждут-пождут, вот уже полдень наступил, а гости все никак не приходят. Ежик разволновался и начал сердиться: «Какое безобразие! Как же им не стыдно?».

Тем временем семейство ежа изрядно проголодалось. Решили сесть за праздничный стол без гостей. Так и отметили день рождения ежа домашним кругом.

Ну а что же гости? Почему они не пришли?

А случилось вот что.

Черепаха ползла на день Рождения к ежику очень-очень медленно, лапка за лапку, спотыкалась, падала, спускалась с горок и снова взбиралась на них и так устала, что решила отдохнуть. Села у пенька и заснула, а проснулась только на другой день утром. Вот почему она не попала к ежу в гости.

Кузнечик очень любил танцевать, и чтобы отличиться в танцах перед другими, решил переменить себе подковки на ножках. Пока их менял, стучал молоточком, вбивая гвоздики, так увлекся своей работой, что не заметил, как наступили сумерки. А в сумерки в гости идти как-то неловко. Пришлось остаться дома. Очень он сожалел об этом, но ничего не поделаешь!

Крот же стал копать коридор, чтобы попасть по нему в нору к ежику. Копал-копал, да и ошибся: прокопал коридор в другую сторону, мимо норки ежа прошел. Поэтому и ему не пришлось побывать в гостях у ежа. Только одна сороконожка пришла почти вовремя, но она долго-долго вытирала у дверей свои ножки о коврик. Ножек-то у нее сорок! Пока их все вытрешь! Когда вытерла она все ножки, ежик с семьей спать улеглись. И пришлось ей ползти к себе домой.

Вот так прошел для черепахи, крота, кузнечика и сороконожки этот день.

СКАЗКА О ПАСМУРНОМ УТРЕ

Дождь лил целый месяц без перерыва и наконец перестал. И утро после выдалось хмурое, пасмурное. На небе блуждали тучки, земля пропиталась влагой, тропинки стали скользкими.

На дорогу из пещеры вышел динго, оглянулся по сторонам и жутко завыл: «У-у-у-у-у! Как неприветливо вокруг! Холодно! Мерзнут лапы! И так хочется есть! А на охоту идти невозможно! Только зря проходишь! Ведь зверюшки забились глубоко в норы и не вылезут,

пока трава не обсохнет!» Снова громко завыл: «У-у-у-у!» И пошел к себе, где его ожидали кости однажды забежавшего в его пещеру козленка, которыми он питался в дождливое время.

Кенгуру проснулась под сенью тенистой Гревелии. Там дождь ее не мочил, но шерсть на ней отсырела. Кенгуру было холодно. Она быстро вскочила и побежала на гору, чтобы согреться, потом снова спустилась к лежке. Сделав несколько кругов, кенгуру остановилась на самой вершине горы и начала жевать листья орешника. А ее сынок, сидевший в сумке на животе, стал капризничать: ему хотелось вылезти из сумки матери и побегать по земле, но кенгуру не разрешила сделать это: «Подожди, пока земля обсохнет, – сказала она кенгуренку. – Ты выйдешь, когда появится солнышко! А сейчас прогулка чревата простудой». И малыш утих.

Кукабара проснулась среди густых ветвей, защищавших ее от дождя. Ей было тепло, только очень голодно. Она подумала, что хорошо было бы полететь к людям, они всегда накормят, но совсем не хотелось вылезать на холод и покидать свое теплое убежище.

А коала добралась до самой верхушки эвкалипта и качалась на его ветках. Ей было весело и приятно, и она восклицала: «Как свежо! Какое славное утро!»

А в небольшом лесочке над озером кружились стаи маленьких птичек. Им так было грустно без солнышка! И они жалобно щебетали: «Что случилось? Почему нет солнышка? Как неприветливо все вокруг без него!»

Сове же, сидевшей неподалеку в дупле лиственницы, так надоело слушать их жалобы, что она высунулась из дупла и громко и назидательно им сказала: «Солнышко и земля поссорились, поэтому солнышко сердится и не хочет освещать нашу землю. Но это ненадолго! Они помиряются, и солнышко вновь засияет на небосклоне! Не жалуйтесь! Потерпите!»

И когда время подошло к полудню, небо, как по мановению палочки волшебника, освободилось от облаков и стало ясным и голубым. Ко всеобщей радости и ликованию, выглянуло солнышко и подарило свет и тепло своих лучей всем вокруг.

СКАЗКА О МИРЕ

Сказка началась на рассвете, когда на ясном небе появилось солнышко и стало посылать свои золотые лучи, чтобы осветить и разбудить землю.

На берегу лесного озера на ветке тальника качался воробей и весело, бодро чирикал. Он только что прилетел из птичника большого поместья, где позавтракал вкусной кашей вместе с утками. Он всегда старался завтракать вместе с ними, и утки его не прогоняли. Он был доволен всеми и самим собою и не переставая чирикал: «Ах! Какая прекрасная погода! Как светло и свежо вокруг! Как хорошо жить на свете! Как чудесен мир, в котором я живу! Мир – это небо, голубое или серое, это ясное солнышко, зеленые поля и леса, ручейки и реки, и цветы разные!»

В это время из земли выполз червяк, посмотрел направо, потом налево, затем вытянулся, прополз немного вперед и услышал, что начирикал воробей о мире, возмутился, рассердился и закричал ему в ответ: «Что за глупости ты говоришь! Мир совсем не такой! Ты его

выдумал! Я такого не знаю! Мир совсем другой! Мир – это глина, песок, земля, он темный, влажный, порою сухой! Понимаешь?! В этом мире я живу!»

Воробей обиделся: «Сам ты выдумываешь! Что это за мир у тебя? Нет такого!».

И они стали спорить, и каждый старался настоять на своем, но убедить друг друга в своей правоте им не удавалось.

Их жаркий спор услышала серебристая рыбка. Она резвилась в озере, играла с лепестком кувшинки, выпрыгивая на поверхность воды. Сначала она удивилась размышлениям воробья и червяка о мирах, потом поразмыслила над этим сама и решила, что, несомненно, они оба сочиняют. И она заявила: «Послушайте меня! Вы оба ошибаетесь! Миров, о которых вы говорите, нет! Настоящий мир — это вода, холодная, порой теплая, серая, а иногда розовая!»!

Воробей и червяк на нее накинулись: «Что ты городишь? Что это еще за мир? Нет такого!».

И стали они теперь спорить втроем о том, какой же мир их окружает, и каждый старался доказать свою правоту и назвать собеседников выдумщиками.

Тем временем из норки вылез зайчик, он повел ушами, прислушался к разговору. Потом стал искать вкусной травки на завтрак, нашел, позавтракал, напился воды в ручейке и прилег на пригорке погреться на солнышке. Лежит и слышит, как ожесточенно спорят воробей, червяк и рыбка. Слушает и размышляет: «Зачем они спорят? Ах, какие они глупые! Каждый из них говорит правду о мире, ведь мир такой богатый и разнообразный! Он включает в себя все миры, о которых говорят воробей, червяк и рыбка! И в мире этом немало чудес! Слава ему!».

СКАЗКА О ХИТРОМ КУПЦЕ И СТРАННОМ ИВАНУШКЕ

В небольшой деревушке неподалеку от дремучего леса жил крестьянин. Было у него два сына. Старший Василий – послушный работяга, а младший – Иванушка, от работы увиливал, большую часть времени проводил в лесу: то грибы собирал, то ягоды, то зверюшек ловил. Отец на него рукой и махнул: дескать, странный какой!

На ту беду пришло засушливое лето: ни разу дождя не выпало, и урожай их погиб. Тогда отец сказал старшему сыну: «В соседнем селе богатый купец ищет работника. Иди к нему и наймись, он будет тобой доволен». Василий пришел к купцу и спросил: «Я слышал, что вы работника ищете». «Да, – сказал купец, – ищу. Так ты у меня работать хочешь? Только вот мои условия. Послушай. Если я прогоню тебя, то буду должен заплатить тебе 100 рублей, а если ты сам уйдешь, ничего не получишь. Согласен?» Василий подумал: «Мне уходить от него нет смысла, а прогнать он меня не прогонит, ведь я хороший работник». «Согласен», – ответил Василий. «Хорошо», – сказал купец. Возьми трех моих волов и поезжай на мое поле пахать землю, но только с поля никуда не отлучайся, пока не кончишь, и жди меня. Еду буду носить сам».

На следующее утро Василий выехал в поле и начал пахать. Работа спорилась. Уже солнышко было высоко, а обед не принесли. Выпил он водички из ручья, ожидая, что вечером принесут. И вечером не принесли, и на другой день не принесли: работал он голодный, толь-

ко подпоясался потуже. На третий день он ослаб, голова у него стала кружиться, работать стало невозможно. Тогда Василий возмутился и выехал с поля к купцу, а тот, увидев его, закричал: «Почему выехал с поля, не окончив работы?». А Василий отвечал: «А почему вы меня голодом морили? Я не могу голодным работать!» «Ну, как знаешь, – сказал купец. – Ты сам от меня уходишь. Значит, ничего не получишь». А сам про себя подумал: «Наверное, треть поля вспахал, и ни копейки мне это не стоит». Василий с трудом добрался до отца, и оба они были очень возмущены случившимся.

А Иванушка, младший сын, говорит отцу: «Батя, отпусти меня к этому купцу, я у него поработаю». «Где тебе, если Василия обманули?» – сомневается отец. А Иванушка отвечает: «Меня не обманут!»

Пришел Иванушка к отцу и говорит: «У вас мой братец работал и ушел, а я пришел на его место, хочу поработать у вас». Купец обрадовался и подумал: «Вот удача! Они мне поле вспахают даром». Он спросил Иванушку: «А ты знаешь мои условия?» Иванушка ответил: «Знаю!» «Ну так вот тебе три вола, поезжай на мое поле и паши, но помни: пока не окончишь работу, с поля не выезжай, жди меня, я еду я буду тебе сам приносить».

Иванушка взял волов и пошел на поле, пахал до той поры, пока солнце не поднялось высоко, а еды все не приносили. Тогда Иванушка зарезал одного вола, снял шкуру, мясо разрезал на кусочки и повесил на дерево вялить.

И так прошла целая неделя. Иванушка окончил работу, ждет купца, а купец удивляется, что Иванушка так долго не появляется. Он стал спрашивать соседей: «Не видали ли вы моего работника?» А ему ответили: «Какой-то чудной у тебя работник, веселый, песни поет, свистит, пашет на двух волах». «Как же это? – думает купец. – Может, кто ему помогает?» Поехал на поле и видит, что Иванушка сидит под кустом и поет.

«Давно вас дожидаясь», – сказал Иванушка купцу. «Где третий вол?» – спрашивает купец. «А я его зарезал. Решил, что вы его мне на пропитание оставили. Ведь еду вы мне не приносили!» «Вот как! – подумал купец. – Ну и наглец! Сам не уходит, а прогнать его – надо сто рублей ему платить».

Приехали они с поля к купцу, и купец говорит: «Мы с женой сегодня идем на свадьбу, а ты, Иванушка, будешь дверь караулить». Уехали они, а Иванушка дома остался. Сидит купец за столом на свадьбе и вдруг видит, что Иванушка за другим столом сидит. Накинулся на него купец: «Ты почему здесь? Тебе сказано дверь караулить!» А Иванушка отвечает: «Меня пригласили! А за дверь не беспокойся: я ее снял, и она здесь в сенях лежит». Схватился купец за голову. Вот ведь какой бродяга! Побежал домой, а дом его обокрали и лучших рысаков увели. Что же делать? Прогнать – надо сто рублей платить. Жалко! А сам не уходит.

Стал он советоваться с женой: что делать, чтобы Иванушка сам ушел? Жена посоветовала: «Знаешь, пошли его в Медвежий овраг смолоть пшеницу, там черти, они его сожрут». «Хорошо», – думает купец и говорит Иванушке: «Поезжай в Медвежий овраг на мельницу смолоть пшеницу». Иванушка запротестовал: «Что вы! Как можно! Ведь там черти!» Купец ответил: «Это твое дело, а я тебе приказываю!» Взял Иванушка пшеницу и поехал в Медвежий овраг, целый день там прослонялся, а в полночь пришел на мельницу и встал у дверей. И

пришел на мельницу черт. А Иванушка накинул на него гайтан²⁹ с крестом. Черт взмолился: «Сними! Сними!» «Сниму, – отвечает Иванушка. – Ты поедешь со мной к купцу, там и сниму». Приехали они к купцу. Иванушка посадил черта в баню, а сам пришел к купцу и говорит: «Со мной приехал мельник, просит заплатить ему сто рублей». «Почему так дорого? – закричал купец. А Иванушка отвечает: «Ты сам иди к нему в баню и поговори!» Возмущенный купец побежал в баню, но как только увидел черта, сразу выбежал. Позвал Иванушку и дал ему сто рублей: «Скорей отдай! Пусть уйдет!» Иванушка зашел в баню, прибил хвост черта к полу, снял с него крест. Черт рванулся и оторвал половину хвоста.

Купец позвал Иванушку, заплатил ему деньги за работу, а Иванушка говорит: «Раз ты меня прогоняешь, то плати сто рублей». Купец отдал еще сто рублей Иванушке, сказав: «Тоже уходи поскорее».

Приехал Иванушка домой, отдал деньги отцу и сказал: «Хорошо я у купца поработал, только он меня прогнал!»

²⁹ Гайтан – плетеный шнурок или тесьма

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анцыпова Антонина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

Краснощека Ольга Григорьевна – выпускница филологического факультета Амурского государственного университета, 2007 г.

Оглезнева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой русского языка и руководитель лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета.

Старыгина Галина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Тулакпаев Рустам – студент заочного отделения историко-филологического факультета Благовещенского государственного педагогического университета, выпускник Цицикарского университета (КНР). Живет в Китае.

Шипановская Людмила Михайловна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Амурского государственного университета.

Шипановская Мария Юрьевна – старший преподаватель кафедры китаеведения Амурского государственного университета.

Яковлева Надежда Борисовна – выпускница музыкально-педагогического отделения Благовещенского педучилища № 2. Концертмейстер Благовещенского государственного педагогического университета и Областной специализированной детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва.

Ярошенко Александр Владимирович – выпускник Дальневосточного государственного аграрного университета. В 1993-1996 гг. работал в Харбине. Общение с последними русскими харбинцами стало толчком, приведшим его в журналистику. Готовил материалы для амурского радио и телевидения, сотрудничал с газетами «Амурская правда», «Самовар», «Город на Амуре» и др. Корреспондент «Российской газеты» (Благовещенск).

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
Современные исследования языка русского восточного зарубежья	6
<i>Оглезнева Е.А.</i> Русский язык в восточном зарубежье: о причинах высокого уровня сохранности.....	6
<i>Анцыпова А.Н.</i> «Харбинская эмиграция» в Австралии	21
<i>Тулакпаев Р.У., Шипановская М.Ю.</i> Топонимическое пространство «сунгарийской столицы»: особенности формирования.....	27
<i>Шипановская Л.М., Краснощека О.Г.</i> Названия улиц старого русского Харбина: особенности номинации.....	41
<i>Библиография научных работ о языке русского восточного зарубежья</i>	50
Речевые портреты	54
<i>Оглезнева Е.А.</i> Речевой портрет Михаила Михайловича Мятова, представителя русской диаспоры в Харбине (1912-2000)	54
Речевые жанры	75
<i>Заика Н.Н.</i> Выступление перед студентами Амурского госуниверситета	75
<i>Зинченко В.А.</i> Лингвистические беседы.....	88
Харбинские мемуары	100
<i>Золотарева Т.И.</i> Воспоминания о Маньчжурии.....	100
<i>Сун Т., Сун З.</i> Воспоминания о харбинском детстве	104
О русском языке в Харбине. Избранные цитаты. <i>Сост. Е.А. Оглезнева, Л.М. Шипановская</i>	108
Словарь	113
<i>Оглезнева Е. А.</i> О проекте словаря харбинской лексики.	113
Словарь харбинской лексики (фрагменты). <i>Сост. Оглезнева Е.А., Старыгина Г.М.</i>	117
Публицистика	125
<i>Ярошенко А.В.</i> Харбинские тетради.....	125
Школа	142
<i>Автономов Н.П.</i> Харбинский педагогический институт (1925-1937 гг.). Исторический очерк	143
<i>Золотарева Т.И.</i> Педагогический институт.....	160
Благовещенск – Харбин – Благовещенск	164
<i>Шатирио М.Л.</i> Из воспоминаний.....	165
<i>Федорова Т.Н.</i> Благовещенск – детство. Харбин – вся жизнь... Неоконченные воспоминания	172

<i>Яковлева Н.Б.</i> В поисках корней	180
<i>Золотарева Т.И.</i> Сказки австралийской бабушки для благовещенских детей.....	185
Сведения об авторах	198

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Научное издание.

Изд-во АмГУ. Подписано к печати 09.10.08. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 12,5.

Тираж 150. Заказ 243.

Отпечатано в типографии АмГУ.